

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 19.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣна. <i>Д. Леонардова.</i>	387—401
Основное или Апологетическое Богословіе и его задачи (окончаніе). <i>Прот. Т. Буткевича.</i>	402—430
Св. Левъ Великій, его жизнь и творенія (продолженіе). <i>И. Дроздова</i>	431—446
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра. <i>С. Глаголева.</i>	258—278
„Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ Лейбница (продолженіе). <i>К. И—на.</i>	277—316
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая награда.—Отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства.—Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. **Отдѣлъ церковный.** Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. **Отдѣлъ философскій.** Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ нечаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.

2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Пісте: воо̄мєч.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Сентября 1897 года.
Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солтцевъ.*

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка.

ОТДѢЛЪ I.

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ греко-восточной церкви (IX—XV вв.).

Значеніе Библии въ отношеніи религіи всецѣло зависитъ отъ такого или иного сужденія о ея происхожденіи. Въ средніе вѣка, какъ и всегда, св. книгамъ усвоялось Божественное происхожденіе, такъ какъ главнымъ и истиннымъ виновникомъ ихъ былъ Самъ Господь. Въ то же время Библія, поскольку она была дѣломъ Божиимъ, а не просто человѣческимъ, была для средне-вѣковыхъ народовъ центромъ ихъ религіозныхъ интересовъ. Признаніе Библии, какъ вдохновеннаго Писанія, и ея значеніе, какъ основанія христіанской вѣры, такъ тѣсно, въ самомъ дѣлѣ, связаны между собою, что одно не можетъ быть безъ другого. Нельзя, конечно, умалять богодухновенность Писанія безъ того, чтобы сама Библія не теряла своего существеннаго значенія.

Въ средніе вѣка все религіозное развитіе народовъ совершалось подъ руководственнымъ вліяніемъ Библии. Всѣ христіанскіе народы того времени были проникнуты глубокимъ сознаніемъ, что цѣль ихъ историческаго существованія сводится къ простому исполненію требованій св. Писанія. Средне-вѣковое христіанство въ общей своей массѣ читало собственно одну книгу, и этой книгой была Библія. Около Библии, какъ центра, былъ расположенъ весь кругъ его знаній и стремленій; въ этотъ кругъ включались и всѣ явленія и идеи, выдвигавшіяся теченіемъ времени, были ли онѣ религіознаго или политическаго, научнаго или художественнаго характера. Для полнаго пониманія средне-вѣковой жизни, поэтому, безусловно

необходимо обратить особенное вниманіе на общераспространенное въ то время вѣрованіе въ св. Писаніе, какъ писанное слово Божіе; иначе многое изъ замѣчательнѣйшихъ явленій и событій средней исторіи останется для насъ непонятнымъ, загадочнымъ. Это тѣмъ болѣе важно, что въ наукѣ не было недостатка въ попыткахъ отдѣлить развитіе средневѣковой духовной жизни отъ его истиннаго основанія и создать чрезъ это искусственную противоположность между жизнію и св. Писаніемъ. На основаніи дошедшихъ до насъ источниковъ, мы стараемся показать, что св. Писаніе занимало центральное положеніе въ вѣрѣ и жизни средневѣковыхъ народовъ, а также путемъ объединенія воззрѣній на слово Божіе отдѣльныхъ авторовъ уяснить и самое понятіе о богодухновенности, на которомъ основывается исключительный авторитетъ Библии.

Богословіе среднихъ вѣковъ почти безъ перемѣны усвоило себѣ то понятіе о богодухновенности, которое раньше установилось въ католической Церкви. Само собою понятно, что Церковь, давшая народамъ св. Писаніе, передала имъ и самое понятіе о его значеніи, о его богодухновенности. Догматическихъ опредѣленій касательно этого предмета, впрочемъ, было немного, зато въ писаніяхъ святыхъ отцевъ вопросъ этотъ подвергся болѣе подробной разработкѣ. Изъ нихъ-то и почерпаютъ прежде всего средневѣковые авторы свои воззрѣнія на слово Божіе, и потому ихъ дѣятельность, особенно въ первое время по существу дѣла, была болѣе воспроизводительной, чѣмъ самостоятельной.

Въ ту эпоху, съ которой мы начинаемъ свое изслѣдованіе, условія жизни не особенно благопріятствовали разработкѣ богословскихъ вопросовъ. На востокѣ всѣ высшіе порывы духа были поглощены безконечными политическими и религіозными спорами, на западѣ же свирѣпствовали въ это время многочисленныя и опустошительныя бури войнъ, между тѣмъ какъ дѣятельность Церкви въ весьма многихъ европейскихъ странахъ направлялась главнымъ образомъ на обращеніе къ христіанству отдѣльныхъ народовъ и на цивилизацію вообще.

Что касается греко-восточной Церкви, то ея ученіе о богодухновенности св. книгъ основывалось на догматическихъ оп-

редѣленіяхъ семи вселенскихъ соборовъ вообще и развивалось на греко-патріотической литературѣ до Іоанна Дамаскина включительно, при неизмѣнно-твердой опорѣ въ священномъ Преданіи. Лучшимъ богословомъ у грековъ въ тѣ времена былъ патріархъ Фотій, и изъ сочиненій его видно, что Писаніе было для него вдохновеннымъ словомъ Божиимъ въ томъ именно смыслѣ, какъ для Аванасія Александрійскаго и Іоанна Дамаскина.

Разсуждая объ одномъ извѣстномъ мѣстѣ Библіи, содержащемся въ посланіи къ Галатамъ (I, 8), Фотій замѣчаетъ, что слово Божіе не потерпѣло бы никакого ущерба, было ли оно возвѣщено ангеломъ или самимъ евангелистомъ ¹⁾. Подобнымъ же образомъ онъ разсуждаетъ о словахъ апостола Павла, „языкъ котораго былъ орудіемъ всесвятаго Духа“, и о книгахъ Ветхаго Завѣта, „такъ какъ Богъ, даровавшій законъ, есть именно Отецъ Господа нашего Іисуса Христа“. Самъ Спаситель міра придаетъ важное значеніе свидѣтельству пророковъ для возвѣщаемой имъ истины и неоднократно указываетъ на то, что ветхозавѣтные писатели были проповѣдниками и слушателями истиннаго Бога и Отца ²⁾.

Во времена патріарха Фотія число священныхъ и богодухновенныхъ книгъ было уже твердо опредѣлено св. Церковію, а потому онъ ссылается на состоявшееся касательно этого пункта опредѣленіе, какъ на церковный канонъ. „Кромѣ каноническихъ книгъ, въ Церкви ничего не должно читать подъ именемъ божественнаго Писанія, и всякій, кто къ соблазну Церкви и клира открыто читаетъ подложныя писанія безбожныхъ людей, долженъ быть изверженъ“ ³⁾.

Трудности при толкованіи слова Божія не скрываются отъ взоровъ Фотія, но онѣ, по его мнѣнію, не должны вести къ предположенію въ словѣ Божіемъ какихъ-либо противорѣчій, а скорѣе должны побуждать богослововъ къ разрѣшенію ихъ

¹⁾ Migne, ser. Graec. Томъ 101 р. 193. Εἴτε δὲ ταύτην ἄν εἶπεν ὁ ἄγγελος, εἴτε καὶ αὐτός ὁ εὐαγγελιστής, οὐδεμίαν ἐλάττωσιν οὐδετέρωθεν τὰ λόγια ἐπίδεχονται
Quaestio 35 ad Amphilocho.

²⁾ Т. 102 р. 228.

³⁾ Т. 104 р. 589.

точно такъ же, какъ это бываетъ и въ другихъ наукахъ. Плохой критикъ и худой судья—тотъ, кто не слѣдуетъ этому правилу относительно священной мудрости слова Божія, который усиленно стремится, подобно безбожникамъ, выставить только кажущіяся противорѣчія Библии, какъ неразрѣшимыя ¹⁾. Затруднительная для пониманія форма ученія, напр., ап. Павла и блистающіе лучи его мудрости не приводятъ мысль богобоязненныхъ читателей къ противорѣчію, а скорѣе должны служить для нея прекраснымъ урокомъ, какъ должно, съ помощью Духа Святаго, сравнивать между собою слова Святаго Духа. Темнота нѣкоторыхъ мѣстъ Библии, особенно пророческихъ писаній, приличествуетъ слову Божию, такъ какъ для людей, посвященныхъ въ тайны христіанства, содержаніе Писанія достаточно ясно, а для непосвященныхъ оно и должно быть недоступнымъ. Не смотря на все это, св. Писаніе есть неисчерпаемый источникъ спасительной благодати для души и, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ него своею мыслию, тѣмъ больше получаемъ даровъ для духа ²⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ трудностей, впрочемъ, имѣютъ чисто внѣшнюю причину: „многія изъ кажущихся противорѣчій въ божественномъ Писаніи возникли отъ невѣжества и злонамѣренности дополнителей или противниковъ Писанія“ ³⁾.

Наряду съ буквальнымъ смысломъ, Фотій признаетъ еще нѣкоторый другой смыслъ, болѣе высшій и совершенный, до котораго можно достигнуть посредствомъ буквы. Самое толкованіе св. Писанія поэтому у Фотія различается по двумъ родамъ смысла: одно основано на буквѣ св. Писанія и направлено на факты, другое поднимается къ высшему разумѣнію. Во многихъ мѣстахъ Библии было бы неправильно искать только одинъ буквальный смыслъ, и кто настойчиво стремится къ этому, никогда, конечно, не можетъ понять эти мѣста правильно ⁴⁾.

Св. Писанію не чужды также и нѣкоторыя внѣшнія укра-

1) Migne. T. 101 p. 49. Quaest. 1.

2) Migne T. 101 p. 225; p. 296 "Ὅπως κρή διακτῶν μετὰ τοῦ Πνεύματος τὰ τοῦ Πνεύματος λόγια.

3) Ibidem.

4) T. 101 p. 665.—Quaest. 113.

шенія рѣчи. Духъ въ безконечной мѣрѣ превосходитъ букву, а Божественная благодать—духъ; поэтому нисколько не удивительно, что апостолы, обладая высочайшими и величайшими тайнами вѣры, открытыми ихъ уму Духомъ Святымъ, далеко превзошли даже философовъ и риторовъ, придающихъ большое значеніе внѣшней формѣ рѣчи; внѣшняя красота слога и рѣчи была, впрочемъ, для св. писателей дѣломъ второстепеннымъ и постороннимъ ¹⁾).

Хотя само св. Писаніе часто объясняетъ себя ²⁾, однако толковникъ долженъ уважительно относиться и къ церковному преданію. Поэтому Фотій порицаетъ экзегетовъ, которые безъ нужды уклоняются отъ буквы Писанія и отъ общепризнанныхъ историческихъ фактовъ ³⁾. Цѣль истиннаго изслѣдователя св. Писанія состоитъ въ томъ, чтобы усвоить мѣстамъ, ранѣе неяснымъ, общепризнанное и богоугодное значеніе, безъ поврежденія ихъ подлиннаго смысла. „Неужели поэтому“, замѣчаетъ Фотій, „когда есть возможность удовлетвориться какимъ-либо извѣстнымъ прекраснымъ толкованіемъ, оставлять его безъ вниманія и, по суетному тщеславію, устремляться къ другому, хотя бы оно не обладало подобнымъ преимуществомъ и могло похвалиться только прелестью новизны? Всякій толковникъ, отъ котораго сокрыто подлинное ученіе во всей его относящейся ко спасенію чистотѣ и строгости, который тѣмъ не менѣе объясняетъ св. Писаніе и, не руководясь при этомъ православными догматами, уничтожаетъ спасительное ученіе чрезъ произвольный подборъ и худое сужденіе,—всякій такой толковникъ расцѣвеваетъ и уничтожаетъ свѣтъ православнаго ученія и, вмѣсто спасенія, приноситъ душамъ своихъ слушателей погибель“ ⁴⁾).

Евѣимій Зигабень (1022), ученый составитель замѣчатель-

¹⁾ Migne T. 101 p. 557—Quaest. 86.

²⁾ T. 101 p. 272 Αὐτὴ ἑαυτὴν διερμηνεύει τῶν ἱερῶν ἡμῶν λογίων ἢ Τραφὴ Quaest 39.

³⁾ T. 103 p. 645. — Myriobibl. c. 192.

⁴⁾ Migne T. 101 p. 424. (Ἐὰν θε θεωρημασιν τὴν διάνοιαν) ὀρθοδόξοις, διερμηνεύη, ἀλλὰ πρὸς αἵρεσιν τινα καὶ δόξης φαυλότητα τὸν σωτήριον λόγον διαπεσεῖν ἐάσῃ, οὗτος ὡς ἀληθῶς καὶ τὸ πρόσωπον ὕπερ ἐξ ἀρχῆς περιέθετο τῆς ὀρθοδοξούσης διδασκαλίας συγγεῖ καὶ ταράσσει, καὶ τὰς τῶν ἀχροατῶν ψυχὰς αὐτὶ σωτηρίας βλάβης ἀναπλήσσει.

наго труда „Παροπλία δογματικῆ“, который долженъ былъ въ тѣ времена служить для борьбы со всѣми извѣстными лжеучителями, довольно часто упоминаемъ о томъ, что книги Ветхаго Завѣта вдохновлены отъ Бога и, какъ таковыя, признаны и въ Новомъ Завѣтѣ. Ветхозавѣтный законъ установленъ Богомъ, но онъ получилъ названіе по имени Моисея, такъ какъ былъ написанъ этимъ послѣднимъ. Человѣческіе авторы ветхозавѣтныхъ книгъ, подобно инструментамъ, говорили только то, что они воспринимали отъ Святаго Духа. Давидъ, напримѣръ, этотъ христіанскій Орфей, благородный пѣвецъ добродѣтели, первый вѣстникъ трехъ Лиць въ Божествѣ, пастырь, пророкъ и царь вмѣстѣ, былъ какъ бы сердцемъ, языкомъ и книжною тростью небеснаго Царя. Онъ самъ сравпиваетъ свой языкъ, свою рѣчь съ тростью книжника—скорописца, которая подчиняется въ своемъ движеніи единственно рукѣ пишущаго, куда бы она не направила ее. Длинень ли исаломъ или коротокъ—это есть дѣло Божіе, дѣло Духа Святаго, который не все дѣлаетъ короткимъ и не все длиннымъ ¹⁾).

То же самое утверждаетъ Зигабень и относительно авторовъ Новаго Завѣта, напримѣръ, относительно апостола Іоанна, составившаго свое евангеліе подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Христа. Но, если орудія Божественной благодати были различны, то верховный художникъ, пользовавшійся ими, Духъ Божій, былъ одинъ во всѣхъ. Св. писатели предлагали не только различные рассказы о разныхъ предметахъ, но объ одномъ и томъ же говорили многообразно, потому что небесный Наставникъ одно смягчалъ, другому придавалъ болѣе рѣзкій отпечатокъ, иное совершенно перемѣнялъ и т. п. ²⁾).

Св. Писаніе содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ то, что необходимо для спасенія людей. „Написано только то, что полезно и необходимо для вѣры, такъ какъ составители предполагали, что кто не вѣритъ написанному, тотъ не повѣритъ также и еще большему,—и наоборотъ: кто принялъ написанное, тотъ не нуждается болѣе въ чемъ-либо другомъ“ ³⁾).

¹⁾ Migne, ser. Graec. T. 128 p. 140. Comment. in psalm. IX v. I.

²⁾ Migne T. 128 p. 68.

³⁾ T. 129 p. 1501. Ὁ μὴ τοῖς γραφεῖσι πιστεῶν οὐδὲ τοῖς πλείοσι, ὁ δὲ ταῦτα δεξιόμενος ἐτέρων οὐ δεξιῆσται Comment. in Ioann. c. XXI v. 25.

этому всѣ должны внимательно и прилежно изучать Слово Божіе, чтобы пріобрѣсти изъ него богатое сокровище истинной вѣры и научиться правильному устроению жизни. Блаженны тѣ, которые съ усердіемъ и вниманіемъ читаютъ слово Божіе и изслѣдуютъ сокровище въ немъ сокровище! Псаломъ, напримѣръ, для благочестивыхъ душъ есть молитва къ Богу, средство для привлеченія ангеловъ и отогнанія демоновъ, неисчерпаемый источникъ веселія для души, успокоеніе въ дни труда, оружіе противъ ночныхъ страхованій, защита для начинающихъ, приращеніе для преуспѣвающихъ и укрѣпленіе для совершенныхъ ¹⁾).

Различія между евангеліями Зигабенъ сводитъ собственно къ различію формы, которая у однихъ евангелистовъ болѣе пространная, а у другихъ, напротивъ, короткая. При всемъ томъ, должно признать удивительнымъ то, что всѣ четыре евангелиста, хотя ихъ евангелія были написаны не въ одно и то же время и не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, говорятъ, однако, какъ бы изъ однихъ устъ. Это различіе въ формѣ и способахъ выраженія, безъ всякаго внутренняго противорѣчія, есть именно величайшее доказательство ихъ божественности и истинности ²⁾).

Зигабенъ различаетъ два способа изъясненія св. Писанія: историческій и анагогическій. Въ каждомъ выраженіи слова Божія должно отыскивать первѣе всего историческое содержаніе, а уже потомъ анагогическое значеніе. Анагогическій (переносный) смыслъ имѣетъ въ свою очередь нѣсколько видовъ, изъ которыхъ Зигабенъ упоминаетъ три: мистическій смыслъ, аллегорическій и нравственно-назидательный. Однако „не всѣ выраженія слова Божія должно понимать только однимъ способомъ, напр., только какъ исторію, пророчество, аллегорію или какъ нравственное назиданіе, но одно и то же выраженіе часто подчиняется многимъ и различнымъ способамъ изъясненія ³⁾).

Для вѣрнаго пониманія св. Писанія Евемій Зигабенъ указываетъ два главныхъ средства, именно: серьезное изученіе свя-

¹⁾ Migne, T. 128 p. 52. Comment. in psalm. prooem.

²⁾ T. 129 p. 116.

³⁾ T. 128 p. 72 'Αλλά τὸ αὐτὸ πολλάκις πολλοῖς καὶ διαφόροις τρόποις ὑποβληθήσεται.

ценнаго текста и уваженіе къ церковному преданію. Читатели св. Писанія должны всегда принимать въ соображеніе цѣли говорящаго автора, отношеніе его къ слушателямъ, примѣчать время и мѣсто написанія св. книгъ, особенности ихъ слога и пр. При чтеніи Библіи не должно останавливаться на одной только буквѣ, но въ то же время необходимо остерегаться и другой крайности, какъ бы не уклониться въ заблужденія еретиковъ, тѣмъ болѣе, что многія мѣста Слова Божія, заключаая въ себѣ великое сокровище вѣры, скрываютъ его, какъ бы въ великомъ мракѣ. Въ томъ случаѣ, когда для благочестиваго читателя Библіи какое-либо выраженіе будетъ непонятно, онъ не долженъ тотчасъ же оставлять его, но тѣмъ усерднѣе долженъ стараться узнать смыслъ его, при помощи другихъ, которымъ открылъ это Господь. Въ пространной формѣ доказываетъ Зигабенъ то положеніе, что одно Писаніе недостаточно для христіанина не потому только, что темныя мѣста Слова Божія получаютъ свое объясненіе, благодаря неписанному преданію, но и потому также, что неписанныя тайны церковной вѣры столь многочисленны, что цѣлаго дня недостаточно для ихъ изложенія ¹⁾).

Іоаннъ Зонара (1120), наряду съ богодухновеннымъ Писаніемъ, относится съ глубочайшимъ уваженіемъ къ церковному преданію. Вполнѣ раздѣляя ученіе о преданіи св. Василия Великаго, Зонара рѣшительно утверждаетъ, что „отъ обычаевъ, основанныхъ на неписанной традиціи, ведетъ свое начало многое такое, что должно исполнять безъ письменной заповѣди и что служитъ къ благочестію“. Отказывая въ уваженіи этому неписанному преданію, легко можно погрѣшить противъ догматовъ евангелія и противъ возвѣщенной намъ въ евангеліи вѣры. Не однѣ только писанныя книги предлагаютъ намъ истину, такъ какъ многія изъ нихъ извращены безбожниками, къ погибели простодушныхъ людей. Всѣ, принимающіе такія книги и дающіе имъ вѣру, подлежатъ наказанію анаѣемы ²⁾. Чте-

1) Migne T. 130 p. 799. Ἐπιλείπει με ἡ ἡμέρα τὰ ἄγραφα τῆς ἐκκλησίας μυστήρια διηγουμένον Panopli. XII с. 27.

2) Migne ser. Graec. T. 138 p. 848. Comm. in can. 92 T. 137 p. 157.

ніе духовныхъ писаній публично, съ церковныхъ кафедръ, Зонара относитъ къ числу преимуществъ клириковъ ¹⁾.

Евстафій, архіепископъ Θεσσαλονικійскій (1194), въ своихъ сочиненіяхъ различаетъ три періода Божественнаго откровенія: откровеніе бывшее до Моисея, откровеніе, данное при Моисеѣ, и, какъ наиболѣе совершенное, откровеніе, изложенное въ евангеліи Христа. Уже законъ Моисеевъ заслуживаетъ уваженія какъ потому, что онъ былъ написанъ Богомъ, такъ и потому, что приготавлиалъ людей къ высшимъ ступенямъ откровенія ²⁾.

Послѣдняя ступень откровенія наступала съ того времени, какъ Христосъ, истинный, первоначальный свѣтъ и отецъ свѣта, сошелъ съ неба и разсѣялъ мракъ, покрывавшій землю. Виновникъ третьяго и новаго закона, стало быть, есть также Богъ, Господь вседостаточный и всещедрый, Владыка мудрости и Сама Мудрость ³⁾. Законъ Евангелія достоинъ своего Дарователя, по глубинѣ мысли и по невыразимому свѣту знанія, блистающему отъ него на всѣхъ, готовыхъ слушать и принять новый законъ и сдѣлать его свѣтильникомъ на своемъ пути. Потокъ божественнаго ученія наполняетъ прежде всего сердца истинныхъ учениковъ и уже отсюда течетъ къ намъ, дѣлаетъ насъ подобными саду Божію, плодоносными во всемъ, чѣмъ питается душа ⁴⁾. Души вѣрующихъ учениковъ, подобно пчеламъ, пролетаютъ по обширнымъ духовнымъ полямъ и отовсюду собираютъ духовную сладость, тщательно производя выборъ по надежному плану и порядку, а не водясь какою-либо случайною, живущею въ нихъ, фантазіей. Медъ Евангелія потому именно и служитъ предметомъ столь сильныхъ желаній, что крѣпость и здоровье, какія онъ доставляетъ, укрѣпляетъ насъ для царствія Божія ⁵⁾.

Признавая также трудности вѣрнаго толкованія богодухновенныхъ книгъ, Евстафій Θεσσαλονικійскій предлагаетъ и путь,

1) T. 137 p. 628.

2) Migne ser. Graec. T. 135 p. 317: καθότι καί θεόγραφος, μελετῶν δέ ὁμως καί ὑποκρούόμενος τά τελεωτάτα De obedientia nv. 24.

3) T. 135 p. 321 ὁ καί τοῦ τρίτου καί τοῦ νέου νόμου δοτήρ Θεός κ. τ. λ. De ob. nv. 30.

4) T. 135 p. 339. nv. 69.

5) T. 135 p. 141. Laudatio s. Philothei.

черезъ который можно преодолѣть ихъ. Если въ ученіи Писанія многія мѣста полны тайнъ, покрыты, такъ сказать, мракомъ для людей, не обладающихъ острымъ зрѣніемъ ¹⁾, то, съ другой стороны, во многихъ, даже весьма многихъ мѣстахъ этотъ мракъ разсѣвается, благодаря другимъ болѣе яснымъ выраженіямъ св. Духа. Нельзя порицать также и того, кто, при пониманіи св. Писанія, подчиняется взглядамъ какого-либо богословствующаго мудреца: многіе изъ такихъ взглядовъ и мыслей доставляютъ благочестивому читателю внутреннее дыханіе Божественной благодати. „Весьма многое“, по выраженію Евстафія, „изъ всѣхъ чудесныхъ таинствъ закона мы узнаемъ именно чрезъ наставленіе учителя“ ²⁾.

Историческій писатель Никита Хоніать (1205) смотритъ на св. Писаніе, какъ на норму для сужденія о всѣхъ религіозныхъ спорахъ, о которыхъ разсказывается въ его сочиненіяхъ. На основаніи св. Писанія доказываетъ онъ всякую истину и изъ него же опровергаетъ каждое заблужденіе. На Писаніи, объясненномъ и истолкованномъ св. отцами, долженъ, по нему, утверждаться и всякій вѣрующій, такъ что одно отступленіе отъ ученія преданія уже чрезъ это самое признается имъ ошибкою.

Такъ еретикъ Несторій пытался „опровергнуть ученіе святыхъ отцевъ, бывшихъ искони, съ тѣхъ поръ, какъ возвѣщено евангеліе, православными наставниками вѣры“ ³⁾. Подобно тому, и императоръ Мануиль Комнень, при своемъ бластящемъ природномъ краснорѣчій, посвятившій себя изученію догматовъ, именно въ этомъ своемъ усердіи заслуживалъ бы похвалы, если бы не увлекся страстью къ новизнѣ и не измѣнялъ бы смысла Писанія по своему предзанятому мнѣнію. Къ сожалѣнію, императоръ далъ именно совершенно новыя рѣшенія догматическихъ вопросовъ, не смотря на то, что св. отцы уже

1) T. 135 p. 321. Εἰ δὲ τινες καὶ τῶν αὐτοῦ παραδόσεων μυστηριώδεις, οἷα τελεστικάι καὶ ἄλλως δε ἀπόκρυφοὶ καὶ δι' αὐτὸ βαθεῖαι, καὶ ὡς οὕτως φάνοι, νύκτεροί τοις μὴ ὀφϋ βλέπουσιν De obed. iv. 31.

2) Ibidem καὶ κατονοῦμεν οὕτω τὰ θαυμάσια πάντα ἐκ τῶ νόμου αὐτοῦ, τὰ πλείω μὲν ἐξ ἀφορμῶν τῶν διδασκαλικῶν, οὐκ ὀλίγα δὲ καὶ κατα ἔνθεον ἄλλως ἐπίπνοιαν.

3) Migne Gr. ser. T. 140 p. 33. „Ἐτῶν ἁγίων Πατέρων, ἀφ' οὗ κατ'ἠγγέλῃ τό Εὐαγγέλιον τῆς τῶν ὀρθοδόξων καθηγησαμένων πίστεως ἐκβάλλειν πειράτοι τοὺς λόγους Thes. orth. Lib. VIII de Nestorio.

дали на нихъ истинные отвѣты. Можно подумать, „какъ будто онъ воспринялъ всего Христа и отъ Него Самого былъ наученъ Его Божественной природѣ“ ¹⁾. Не ревность императора къ изслѣдованію св. Писанія, слѣдовательно, заслуживаетъ порицанія, но именно то, что онъ весьма мало обращалъ вниманія на толкованія св. отцевъ ²⁾.

Въ сочиненіяхъ Никиты Хоніаты упоминается, между прочимъ, о рѣшеніи одного изъ греческихъ синодовъ касательно ученія св. отцевъ церкви. Согласно этому рѣшенію собора, тѣ, которые „неискренно принимаютъ божественное ученіе св. учителей Церкви Божіей и стараются ложно истолковать и извратить то, что въ нихъ сказано ясно и открыто, по благодати святаго Духа, подлежатъ отлученію“ ³⁾.

Современникъ Никиты Хоніаты, знаменитый канонистъ Вальсамонъ († 1210), уже часто пользуется въ своихъ комментаріяхъ опредѣленіями православной восточной Церкви касательно употребленія вдохновенныхъ писаній.

Всякій, къ гибели народа осмѣливающійся извращать священныя Писанія или же присвоить имена православныхъ писателей еретическимъ выдумкамъ, долженъ быть отлученъ отъ общенія съ церковію. Постыдна страсть тѣхъ людей, которые, не думая объ ожидающемъ ихъ судѣ Божіемъ, извращаютъ и портятъ св. книги. Какія же именно писанія Ветхаго и Новаго Завѣта можно читать и какія подложныя писанія не должно почитать священными,—о семъ каждый вѣрующій можетъ узнать изъ каноновъ. Именно мы должны читать и любить все написанное святыми и всюду почитаемыми отцами Церкви, потому что св. отцы приводятъ насъ къ истинной и правой вѣрѣ ⁴⁾. Всѣ христіане, по заповѣди отцевъ, должны усердно читать и изучать Божественныя писанія, а тѣмъ болѣе, стало быть, епископы, поставленные во главѣ Церкви, чтобы поучать ввѣренныя имъ паствы. Официальное же чтеніе св. Писанія

¹⁾ Т. 139 p. 561 De Manuale Lib. VII.

²⁾ Ibidem: „ὀλίγα ταῖς τῶν Πατέρων προσσχὼν ἐξηγήσειν.

³⁾ Т. 140 p. 261. Thes. ortt. lib. XXV. actio IV. 1.

⁴⁾ Migne, ser. Gr. T. 137 p. 213. Τὰ δὲ παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων καὶ ὁμολογητῶν συγγραφέντα καὶ ἀναγιγνώσκειν καὶ κατασπασθεῖν: ὀφείλομεν ὡς εἰς τὴν ἀληθῆ ὀρθόδοξον πίστιν ἡμᾶς ἀνάγοντα. Comment. in can. 85.

съ церковныхъ кафедръ производится клириками, получившими посвященіе и разрѣшеніе отъ епископа.

Никифоръ Каллистъ (1350) предостерегаетъ христіанъ отъ писаній подложныхъ, въ противоположность признаннымъ церковью за каноническія и богодухновенныя, которыя просты по слогу и выраженію ¹⁾).

О содержаніи евангелій Никифоръ замѣчаетъ, что четверичное число ихъ даетъ полное и точное изображеніе евангельскаго ученія и чудесъ Христа. Правда, многое въ св. Писаніи темно, трудно для пониманія, но по связи рѣчи оно дѣлается болѣе яснымъ. Ап. Павелъ, напр., въ своихъ посланіяхъ нерѣдко обходитъ молчаніемъ многія тайны, не вполне доступныя для пониманія слушателей, которыя позднѣе объясняетъ въ выраженіяхъ, содержащихъ еще болѣе высшюбожественную мудрость. Св. апостоль не скрываетъ Божественныхъ тайнъ отъ достойныхъ слушателей, между тѣмъ какъ недостойнымъ онъ предлагаетъ ихъ въ формѣ, не вполне ясной и не всецѣло доступной, чтобы они не пренебрегали ими ²⁾).

Историческій писатель и богословъ Никифоръ Грегора († 1359) признаетъ св. Писаніе первымъ и рѣшительнымъ средствомъ для доказательства той или другой богословской истины, но онъ не скрываетъ, что трудно иногда найти правильный смыслъ его.

Многія мѣста слова Божія имѣютъ сокровенное таинственное значеніе, и это вполне приличествуетъ Божественной истинѣ. Спасительныя истины Откровенія часто сокрыты подъ многими покрывалами, чтобы не стояли обнаженными предъ глазами обыкновеннаго народа, чтобы не осквернялись и не презирались имъ, будучи легко и безъ усилій постижимы ³⁾).

При толкованіи слова Божія, мы должны придерживаться наиболѣе ясныхъ мѣстъ его, которыя между собою несомнѣнно согласуются и говорятъ одно и то же. Такого рода мѣста,

¹⁾ Т. 145 р. 83.

²⁾ Т. 145 р. 841. Eccles. Histor. Lib. II.

³⁾ Migne T. 148 р. 712. Οὕτω δὴ καὶ πλείστα τῆς θείας γραφῆς καὶ μάλιστα οἱς μύστικοί τινες ὑφεδρεύουσι λόγοι καθάπερ ὑπὸ παραπετασμοῦ καλόντωνται: Byz. Lib. X. nv. 2.

„подобно цвѣтамъ, въ весьма большомъ количествѣ произрастаютъ въ св. Писаніи“¹⁾. Вѣрующій христіанинъ именно можетъ пользоваться св. Писаніемъ такъ, что не терпитъ никакого вреда отъ темныхъ мѣстъ его и, наоборотъ, получаетъ пользу отъ удобопонятныхъ²⁾.

Точно такъ же, какъ о св. Писаніи, разсуждаетъ Грегора и относительно писаній св. отцевъ Церкви. Если, при толкованіи слова Божія или при спорѣ, будетъ необходимо обратиться къ твореніямъ св. отцевъ, то должно выбирать изъ нихъ мѣста, представляющіяся наиболѣе ясными, имѣющими одинъ какой-либо опредѣленный смыслъ, а не загадочный и многозначительный. Изъ того факта, что св. отцы не во всѣхъ пунктахъ толкованія св. Писанія между собою согласны, вытекаетъ, по мнѣнію Грегора, важное слѣдствіе. Когда мы видимъ, что сами св. отцы, орудія святаго Духа, изслѣдовавшіе область человѣческой науки гораздо совершеннѣе другихъ, однако часто несогласны между собою и даже предлагаютъ нѣчто противоположное, то что нужно сказать о другихъ толковникахъ, не только уступающихъ имъ въ мірской мудрости, но и явно обнаруживающихъ слѣды своей падшей и испорченной природы?³⁾ Такое различіе не можетъ, однако, служить поводомъ къ тому, чтобы мало цѣнить авторитетъ св. отцевъ Церкви. Писанія св. отцевъ иногда имѣютъ догматическій характеръ, иногда наоборотъ, состоятъ изъ похвальныхъ рѣчей или же полемическихъ трактатовъ и уже поэтому не всѣ изложены однимъ и тѣмъ же способомъ.

Отцы Церкви, хотя бы даже различными путями, въ концѣ концовъ, однако, приходятъ къ одной цѣли, къ истинной вѣрѣ Христовой⁴⁾, между тѣмъ какъ изобрѣтатели новыхъ ересей, при возникающихъ затрудненіяхъ, поступаютъ совершенно, какъ святотатцы, именно портятъ священный текстъ и низвергаются въ глубочайшую пропасть богохульства. Противъ такихъ

¹⁾ Т. 148 р. 713.

²⁾ Т. 149 р. 288. Καὶ αὕτως ἀπροσκόπτως ἐντεξόμεθα ταῖς γραφαῖς, ἀπὸ μὲν τῶν ἀσαφεστέρων μὴ βλαπτομενοί, ἀπὸ δὲ τῶν εὐλήπτων ὠφελούμενοι Byz. histor. lib. XXX nv. 27.

³⁾ Т. 148 р. 713.

⁴⁾ Ibidem ἐκ διαφορῶν ὁδῶν πρὸς ἓν περιάγουσι τεχός.

то людей св. отцы, носимые Духомъ Божиимъ, писавшіе и говорившіе въ этомъ Духѣ, боролись всю свою жизнь, и если мы желаемъ называться истинными потомками ихъ, то никогда не должны подкапываться подъ ихъ строеніе, подобно многимъ нечестивцамъ и преступникамъ, достойнымъ погибели ¹⁾.

Съ глубокимъ уваженіемъ смотритъ Никифоръ на прежнія времена, когда толкованіе Слова Божія было поставлено гораздо лучше. Въ прежнія времена всюду въ Церкви, особенно въ Константинополѣ, объясняли св. Писаніе, причемъ одни толковали псалмы Давида, другіе—посланія великаго Павла, иные евангельскія заповѣди Спасителя, и такъ непрерывно Божественное слово оглашало дома, семейства и общества жителей. Это было нѣкоторое непрерывное священное воздѣйствіе на жизнь, непрерывное священное обученіе благочестію и руководство ко благу или даже болѣе: нѣкотораго рода освѣженіе изъ величайшаго божественнаго источника, подкрѣплявшее души слушателей ²⁾.

Виссаріонъ (1470), архіепископъ Никейскій, опредѣляетъ отношеніе между оригинальнымъ текстомъ и переводомъ, когда разсуждаетъ о евангеліи Іоанна. „Такъ какъ апостолъ и евангелистъ Іоаннъ былъ исполненъ благодатію св. Духа, а его евангеліе было написано на греческомъ языкѣ, то нельзя сомнѣваться, что всякій переводъ, не соотвѣтствующій буквѣ оригинала, невѣренъ, испорченъ и недостаточенъ“. Когда мы, слѣдовательно, заимствуемъ изъ этого евангелія какое-либо доказательство въ пользу догмата, необходимо прочесть его на первоначальномъ греческомъ языкѣ и уже потомъ разсуждать, соотвѣтствуютъ ли ему другіе переводы, напр. латинскій, а не наоборотъ“ ³⁾. Особеннымъ и преимущественнымъ свойствомъ св. Писанія Виссаріонъ считаетъ то, что слова его не только имѣютъ буквальный смыслъ, но заключаютъ въ себѣ нѣкоторое высшее таинственное содержаніе. Изъ этого слѣдуетъ, что

¹⁾ Ibidem p. 713.

²⁾ Т. 148. p. 340. Καὶ ἦν τοῦτο θεῖον τι χρῆμα τῷ βίῳ καὶ τῆς εὐσεβείας ἐπίγνωσις ἀληθῆς καὶ πρὸς τὸ καλὸν ὁδηγός, ἢ μᾶλλον ὡς περ ἀρδεία τις ἀπὸ μεγάλης καὶ θείας πηγῆς τὰς ψυχὰς τῶν ἀκούοντων ἀρδεύουσα καὶ ταύτας πρὸς ἀμείνω πλάσιν καὶ σύνθεσιν μεταπλάττουσα. Byz. hist. lib. VI nv. 5.

³⁾ Migne ser. Gr. T. 161 p. 630. Comment. in illud.: Si eum volo.

Писаніе слѣдуетъ объяснять не только по буквѣ, но и аллегорически, нравственно и анагогически, такъ такъ каждое слово въ немъ имѣло какое-либо изъ этихъ значеній. Когда же, при историческомъ и буквальномъ изъясненіи, буква Писанія оказывается испорченною, тогда и самое объясненіе бываетъ неправильно ¹⁾).

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibidem. p. 636.

Основное или Апологетическое Богословіе и его задачи.

Задачи науки.

Болѣе точное понятіе о сущности Основного или Апологетическаго Богословія мы составимъ, впрочемъ, лишь тогда, когда со вниманіемъ рассмотримъ его важнѣйшія задачи; при этомъ мы ясно увидимъ, что именно трудность разрѣшенія этихъ задачъ должна быть названа истинною причиною того обстоятельства, что существующія нынѣ системы Основного или Апологетическаго Богословія представляютъ чрезвычайное разнообразіе какъ по своему построенію, такъ и по своимъ методамъ, объему и направленію.

Главная и существенная задача Основнаго или Апологетическаго Богословія, по общему мнѣнію всѣхъ богослововъ-апологетовъ и какъ можно было видѣть это изъ сказаннаго, состоитъ въ томъ, что съ одной стороны оно должно подгото-вить почву въ человѣческомъ духѣ для воспріятія истинъ Божественнаго Откровенія, а съ другой стороны оно должно укрѣпить и усилить вѣру въ богооткровенныя истины, уже воспріятыя людьми, и указать намъ непоколебимыя основанія, на которыхъ бы могло развиваться твердое убѣжденіе наше въ истинѣ христіанской религіи, безъ чего не можетъ начаться правильная религіозно-нравственная жизнь, вполне согласная съ требованіями и заповѣдями Божественнаго Откровенія. Вслѣдствіе этого Основное или Апологетическое Богословіе, говоря вообще, должно представить вамъ *полную* апологію христіанства; а это можетъ быть достигнуто двумя путями:

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 18, за 1897 г.

отрицательнымъ и положительнымъ,—опроверженіемъ возраженій со стороны невѣрія и раскрытіемъ христіанскихъ истинъ согласно съ законными требованіями нашего разума и методомъ естественнаго познанія.

И такъ, прежде всего Основное или Апологетическое Богословіе имѣетъ своею цѣлію защищать истины Божественнаго Откровенія отъ всевозможныхъ возраженій и нападокъ на нихъ со стороны противниковъ христіанской религіи. Эти нападки и возраженія противъ богооткровенныхъ истинъ несомнѣнно имѣютъ свое внутреннее основаніе только въ грубомъ невѣрїи и нравственной распущенности враговъ христіанства. Но это дѣйствительное основаніе враждебности къ богооткровенному ученію обыкновенно упорно скрывается невѣрующими лицами отъ посторонняго глаза. Противники христіанства не любятъ на него указывать открыто, напротивъ они всегда говорятъ только о своей любви къ истинѣ, о „несомнѣнныхъ результатахъ точныхъ и положительныхъ наукъ“, которые будто бы находятся въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчїи съ ученіемъ богооткровенной религіи и потому служатъ источникомъ всѣхъ возраженій и сомнѣній относительно истинности возвѣщаемаго христіанствомъ ученія. Противорѣчіе между Божественнымъ Откровеніемъ и результатами положительныхъ наукъ будто-бы такъ велико, что приходится дѣлать выборъ между наукою и религіею, вслѣдствіе чего уже научно образованный человѣкъ не можетъ-де быть религіознымъ; а кто хочетъ оставаться вѣрнымъ своей религіи, тотъ не долженъ интересоваться научными изслѣдованіями—особенно въ области естествознанія и философіи. Но для человѣка, ищущаго только одной истины, этотъ выборъ, по словамъ противниковъ христіанской религіи, не можетъ представлять никакихъ затрудненій: истины науки непосредственно очевидны; ихъ доказательства ясны, точны и потому настолько убѣдительны, что съ ними нельзя не согласиться; напротивъ религія требуетъ, чтобы ея ученіе, которое часто находится въ противорѣчїи съ разумомъ и несомнѣнными результатами опытныхъ наукъ, было воспринимается только на вѣру. И вотъ противники Божественнаго Откровенія начинаютъ увѣрять, что они не могутъ признать христіанскаго

ученія истиннымъ только потому, что оно оказывается несостоятельнымъ предъ форумомъ точной и положительной науки, результаты которой не подлежатъ-де никакому сомнѣнiю. Вслѣдствiе этого всѣ нападки и возраженiя противъ ученiя христiанской религiи обыкновенно представляются въ блестящей научной формѣ, облеченными, такъ сказать, во всеоружiе неуязвимой науки.

Понятно, въ чемъ должна состоять въ этомъ случаѣ задача Основного или Апологетическаго Богословія. Прежде всего оно должно провѣрить, насколько истинно указанiе противниковъ христiанской религiи, будто бы богооткровенное ученiе непримиримо съ результатами положительныхъ научныхъ изслѣдованiй. Но чтобы выполнить эту задачу христiанскому богослову-апологету, очевидно, необходимо самому взять въ руки то-же самое оружіе, съ которымъ выступаютъ противъ христiанства его противники. Онъ долженъ ступить на тотъ путь изслѣдованiя, которымъ будто-бы достигнуты наукою результаты, непримиримые съ божественнымъ Откровенiемъ. При этомъ въ особенности онъ долженъ подвергнуть также внимательному и всестороннему изслѣдованiю и самые эти результаты научныхъ изслѣдованiй,—вѣрны ли они сами въ себѣ, оправдываются ли они опытами и фактами дѣйствительности и находятся ли они несомнѣнно въ противорѣчiи съ истинами Божественнаго Откровенiя; наконецъ, христiанскій апологетъ долженъ тщательно провѣрить и самый путь или методъ, при помощи котораго опытными науками или философскою спекуляціею были достигнуты эти результаты.

Конечно, выполненiе этой задачи самой по себѣ особенныхъ трудностей не представляетъ: результаты дѣйствительной науки, оправдываемые опытами и экспериментами, разумѣется, никогда не станутъ въ противорѣчiе съ несомнѣнными истинами Божественнаго Откровенiя,—и ихъ провѣрка если не совершенно излишня для христiанскаго апологета, то, понятно, не требуетъ отъ него особеннаго труда и усилiй. Но кромѣ дѣйствительныхъ и несомнѣпыхъ результатовъ истинной науки ему неизбежно прiдется встрѣтиться съ массою такихъ выводовъ и скороспѣлыхъ заключенiй, которыя выдаются против-

никами христіанства также за песомнѣнные результаты точныхъ научныхъ изслѣдованій, облакаются въ мнимо-научную форму и всегда блещутъ категоричностью и мнимою неопровержимостію. Эти послѣдніе мнимо-научные выводы почти всегда оказываются не только непримиримыми, но и крайне враждебными истинамъ христіанской религіи. Самое появленіе ихъ можно объяснить не иначе, какъ стремленіемъ певѣрія—оправдать себя, противопоставивъ богооткровенному ученію результаты мнимо-научныхъ изслѣдованій. На этой-то почвѣ обыкновенно и появляются всѣ тѣ возраженія, всѣ тѣ нападки, которые направляются противъ христіанской религіи. И это та именно область, съ которою преимущественно долженъ считаться каждый апологетъ христіанства. Конечно, нѣтъ особеннаго труда—разоблачить эти мнимые результаты научныхъ изслѣдованій и показать всю ихъ ложь или, въ лучшемъ случаѣ, поспѣшность заключеній и обобщеній. Но во всякомъ случаѣ это дѣло легкое только для тѣхъ апологетовъ, которые предварительно сами изучили со всею основательностію ту область знанія, къ которой относятся эти мнимо-научные выводы и заключенія. А такъ какъ возраженія и нападки на истины Божественнаго Откровенія часто указываются изъ самыхъ различныхъ областей человѣческаго знанія, то само собою понятно какая серьезная научная и всесторонняя подготовка требуется отъ христіанскаго апологета.

Но одними возраженіями и нападками, находящимися въ связи съ мнимыми результатами такъ называемыхъ опытныхъ наукъ, задача апологета еще далеко не оканчивается. Есть вѣдь еще длинный рядъ возраженій противъ ученія Божественнаго Откровенія, вытекающій изъ ложныхъ школьно-философскихъ системъ и міровоззрѣній. Ложно-философское міровоззрѣніе, какъ бы оно ни было тенденціозно и непослѣдовательно, но если оно усвоено съ убѣжденіемъ, положительно работаетъ того, кто его усвоилъ. Оно ослѣпляетъ его, не даетъ ему возможности видѣть вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, и полагаетъ свою печать не только на его образъ мыслей, но и на всѣ его научныя изслѣдованія. По свидѣтельству исторіи философіи, послѣдователи той или другой фило-

софской школы, съ увлеченіемъ усвоившіе ея міровоззрѣніе, обыкновенно оказываются въ жизни и дѣятельности слѣплыми фанатиками этой системы; ихъ цѣль одна: во что бы то ни стало оправдать свое излюбленное школьно-философское міровоззрѣніе; для нихъ не имѣютъ уже никакого значенія ни доказательства, ни факты, какъ бы они ни были очевидны, когда они противорѣчатъ, или только несогласны съ ихъ школьно-философскимъ міровоззрѣніемъ. Въ рукахъ такихъ мыслителей всякое научное изслѣдованіе, даже въ области исторіи, непременно окажется искаженнымъ и тенденціознымъ. Они хватаются съ необычайною энергіею лишь за то, что, повидимому, служитъ къ оправданію ихъ міровоззрѣнія, и оставляютъ безъ вниманія, даже съ враждебностію отталкиваютъ отъ себя все то, что только противорѣчитъ ему, какъ бы оно ни было ясно и несомнѣнно. Но всякая философская система, по предмету своего изслѣдованія, неизбежно входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ ученіемъ Божественнаго Откровенія. Понятіе о первоисточникѣ всего сущаго, о зависимости отъ нея міра какъ по происхожденію, такъ и по бытію, о цѣли міровой жизни, о мотивахъ нравственной дѣятельности человѣка и т. п.,—это вопросы общіе для Откровенія и философіи. Но рѣшеніе этихъ важнѣйшихъ вопросовъ не всегда можетъ быть одинаково въ этихъ двухъ существенно различныхъ областяхъ, такъ какъ въ одной источникомъ знанія служитъ всесовершенный Божественный Разумъ, въ другой—ограниченный разумъ человѣческой. Это несогласіе въ рѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ имѣетъ своимъ неперемѣннымъ слѣдствіемъ крайнюю враждебность къ Божественному Откровенію со стороны лицъ, усвоившихъ ложное школьно-философское міровоззрѣніе. Будучи напередъ увѣренными, по той или другой причинѣ, въ истинности своего излюбленнаго школьно-философскаго міровоззрѣнія, эти лица, конечно, будутъ считать неистиннымъ ученіе Божественнаго Откровенія и—во что бы то ни стало—будутъ стараться доказывать другимъ это свое явно тенденціозное предположеніе, измышляя различныя возраженія, какія только, по ихъ мнѣнію, можно направить противъ ненавистнаго имъ ученія. Такимъ образомъ христіанскому богослову-апологету, кромѣ нападокъ

и возраженій, направляемыхъ противъ христіанской религіи во имя мнимо-неопровержимыхъ результатовъ различныхъ положительныхъ или опытныхъ наукъ, неизбѣжно приходится имѣть дѣло—и при томъ весьма часто—и съ возраженіями, вытекающими изъ многочисленныхъ ложно-философскихъ міровоззрѣній; а это, конечно, требуетъ отъ него предварительнаго вполне основательнаго знакомства съ философскими ученіями всѣхъ возможныхъ направленій.

Ни тѣми, ни другими возраженіями апологетъ христіанства не можетъ пренебрегать, потому что они всегда направляются противъ самыхъ важныхъ и самыхъ существенныхъ истинъ Божественнаго Откровенія, безъ признанія которыхъ не возможна не только богословская наука, но и сама христіанская религія. Если эти возраженія и не могутъ принести вреда искренно и убѣжденно вѣрующимъ христіанамъ, то не слѣдуетъ забывать, что всегда много найдется людей въ религіозномъ отношеніи не твердыхъ, сомнѣвающихъ, колеблющихся, для которыхъ проповѣдь невѣрія въ блестящей формѣ повѣйшей положительной науки, закидывающая христіанское ученіе безчисленнымъ количествомъ философскихъ и мнимо-научныхъ „неопровержимыхъ“ возраженій, можетъ имѣть роковое значеніе и губельно отозваться на всей ихъ послѣдующей религіозно-нравственной жизни.

Трудно даже представить себѣ всю ту тяжесть, которую приходится выносить христіанскому апологету въ борьбѣ съ невѣріемъ, разоблачая ложь и опровергая эти мнимо-научныя и ложно-философскія возраженія. Изворотливости человѣческаго ума, побуждаемаго невѣріемъ къ отыскиванію всякаго рода возраженій противъ богооткровеннаго ученія, никто не можетъ указать границъ, далѣе которыхъ идти нельзя. Возражатели и возраженія всегда найдутся. И христіанскій апологетъ никогда не можетъ успокоивать себя тѣмъ, что извѣстное философское міровоззрѣніе, враждебное христіанству, наконецъ, потеряло свой кредитъ, и его внутренняя несостоятельность явно обнаружилась предъ всѣми. Несомнѣнно,—на его мѣсто явится другое, „новое“ философское міровоззрѣніе, также несогласное съ ученіемъ христіанской религіи,—и оно принесетъ съ собою без-

численное множество возраженій противъ Божественнаго Откровенія,—старыхъ, по своему внутреннему смыслу, но облеченныхъ въ какую-либо новую форму, выраженныхъ какими-либо новыми словами. Если этому міровоззрѣнію по чему либо посчастливится стать моднымъ, т. е., вполне отвѣчающимъ тѣмъ страстямъ, которыя въ данное время господствуютъ въ обществѣ, то апологету христіанской религіи предстоитъ борьба трудная и упорная, требующая не только серьезной научной подготовки, но и благороднаго мужества—идти противъ теченія общественной жизни и съ хладнокровіемъ переносить разнаго рода насмѣшки и упрёки въ отсталости, ретроградствѣ, неспособности слѣдовать за вѣкомъ... Понятно, если бы христіанскій апологетъ поставилъ себѣ задачею не принципиальное раскрытіе тѣхъ общихъ началъ, на которыхъ возникаетъ и развивается невѣріе и враждебность къ Божественному Откровенію, а опроверженіе всѣхъ частныхъ, отдѣльныхъ и случайныхъ возраженій, направляемыхъ противъ христіанской религіи, то его трудъ былъ бы безконеченъ и его направленіе въ каждое данное время находилось бы въ зависимости отъ тѣхъ возраженій, сомнѣній и невѣрія, которыя господствуютъ въ обществѣ. Его работа имѣла бы не твердый, научный, по случайный и временный характеръ, потому что съ почвы научной апологетики онъ долженъ былъ бы перейти на почву христіанской апологіи. Между тѣмъ необходимо все таки защищать истины христіанства и во всякое время и отъ всѣхъ даже частныхъ и случайныхъ возраженій противъ нихъ. Въ этомъ случаѣ христіанскій апологетъ встрѣчаетъ себѣ помощь и содѣйствіе въ другихъ лицахъ, потому что борьба съ невѣріемъ, какъ оно проявляется въ обществѣ и обыденной жизни должна быть также и дѣломъ живого пастырскаго слова,—дѣломъ тѣхъ, кому заповѣдано: „проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. 4, 2), кому повелѣно „съ кротостію наставляя противниковъ, не дасть ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины“ (2 Тим. 2, 25). Кромѣ того, въ этомъ случаѣ христіанскому апологету приходятъ на помощь и тѣ благородные борцы за истину, которые, усвоивъ руководящіе принципы науки, рѣшаются по-

святить себя борьбѣ съ невѣріемъ въ обыденной жизни путемъ періодической печати и изданіемъ апологетическихъ монографій, публичными чтеніями, диспутами, собесѣдованіями и т. д.

Самый главный пунктъ въ ученіи Божественнаго Откровенія, наиболѣе подвергающійся пападкамъ и возраженіямъ со стороны невѣрія въ атеизмѣ, матеріализмѣ, натурализмѣ, пантеизмѣ и вообще раціонализмѣ есть, безъ сомнѣнія, *бытіе Божіе*, хотя противники Божественнаго Откровенія (въ особенности пантеисты и нѣкоторые изъ раціоналистовъ) часто и не говорятъ этого со всею откровенностію, выдавая себя иногда даже за людей, вѣрующихъ въ Бога. Защищеніе вѣры въ эту истину есть главный пунктъ, на который должно быть обращено вниманіе и христіанскаго апологета, уже потому, что бытіе Божіе является центральнымъ пунктомъ какъ для вѣры, такъ и для невѣрія. Все ученіе Божественнаго Откровенія исходитъ изъ него, какъ изъ своего кореннаго источника; но зато, съ другой стороны, съ отрицаніемъ его, т. е., съ утратою вѣры въ бытіе личнаго, живого Бога, сразу теряетъ свой глубокой смыслъ и все остальное содержаніе Божественнаго Откровенія: уничтожается вѣра въ божественное промысленіе о мірѣ и челобѣкѣ, утрачивается существенное различіе между добромъ и зломъ, исчезаетъ вѣра въ безсмертіе и загробную жизнь, дается полный просторъ эгоизму, повсюду начинается господствовать чувственность и эпикурейское легкомысліе; безъ вѣры въ Бога жизнь по истинѣ становится „пустою и глупою шуткой“. Вотъ почему первая и основная задача христіанскаго апологета и должна состоять въ томъ, чтобы со всею очевидностію показать, насколько отрицаніе бытія личнаго живого Бога противно кореннымъ требованіямъ здраваго разума, и наоборотъ,—какимъ необходимымъ выводомъ для всякаго разумнаго и логически-последовательно построеннаго міровоззрѣнія является признаніе бытія Божія. Какъ только удастся апологету разрѣшить эту труднѣйшую задачу, онъ можетъ быть увѣреннымъ, что ему осталась только половина дѣла. Ибо кто увѣровалъ въ бытіе личнаго, живого Бога, для того уже нѣтъ никакого затрудненія вѣровать не только въ возможность, но и въ необходимость Божественнаго Откровенія, которое одно

только можетъ разъяснить истинный смыслъ бытія, уничтожить всѣ противорѣчія жизни, указать ту истинную цѣль, къ которой человѣкъ долженъ стремиться въ своей дѣятельности и т. д. Тогда апологету христіанства остается указать лишь критеріи, по которымъ бы легко было отличить истинное Божественное Откровеніе отъ ложнаго, чтобы, отвергнувъ послѣднее, руководствоваться въ своей жизни и дѣятельности указаніями перваго.

Впрочемъ, какъ ни важно въ борьбѣ съ невѣріемъ опроверженіе возраженій, направляемыхъ противъ Божественнаго Откровенія, все таки главная задача Основного или Апологетическаго Богословія—не отрицательная, а *положительная*: раскрытіе и уясненіе важнѣйшихъ и существенныхъ истинъ Божественнаго Откровенія путемъ не вѣры только, но научнаго сознанія,—указаніе на то, что ученіе христіанской религіи вполне согласно и съ требованіями нашего разума, вѣрнаго основнымъ законамъ человѣческаго мышленія, и съ ученіемъ здравой философіи, и съ несомнѣнными и дѣйствительно неопровержимыми результатами положительныхъ наукъ, наконецъ,—доказательство той истины, необходимо вытекающей изъ предшествующаго,—что богооткровенная христіанская религія и христіанская церковь—не случайное явленіе въ исторіи человѣчества, а реальное, объективно-необходимое, вытекающее съ одной стороны изъ безпредѣльной любви Божіей къ людямъ, а съ другой—изъ самой природы человѣческой. Эта задача Основного или Апологетическаго Богословія должна быть признава главною и самою важною потому, что точное раскрытіе истинъ Божественнаго Откровенія и научное разъясненіе ихъ, согласно законнымъ требованіямъ человѣческаго разума, дѣлаютъ ихъ удобопріемлемыми, а противниковъ, не утратившихъ еще паучнаго благоразумія и способности отличать истинное отъ ложнаго, заставляютъ сложить оружіе и преклониться предъ всесовершеннымъ разумомъ Божества. Но не менѣе важно также и то, чтобы выяснить внутреннюю связь между истинами, проповѣдуемыми христіанскою религіею, такъ какъ истины эти съ необходимостію вытекаютъ одна изъ другой, находятся во внутренней и неразрывной связи между собою,—и только изъ этой связи, во многихъ случаяхъ, возможно

выяснить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Есть истины, которыя, по своей возвышенности, недоступны вполне для ограниченнаго человѣческаго разума, и становятся несомнѣнными только потому, что находятся во внутренней, необходимой, причинной связи съ другими несомнѣнными истинами Божественнаго Откровенія, уже доступными нашему пониманію.

Эта *положительная* задача Основнаго или Апологетическаго Богословія, конечно, несравненно важнѣе отрицательной—опроверженія возраженій противниковъ христіанской религіи. Но нельзя не видѣть и той трудности, которая при разрѣшеніи этой задачи выпадаетъ на долю христіанскаго апологета.

Трудность рѣшенія этой задачи, при изложеніи системы Основнаго или Апологетическаго Богословія, имѣетъ свое основаніе главнымъ образомъ въ самомъ характерѣ человѣческаго познанія. Различаютъ—и совершенно справедливо—двѣ области человѣческаго познанія: одна—область такъ называемыхъ точныхъ наукъ, другая—область наукъ естественныхъ, положительныхъ, индуктивныхъ, область фактовъ, опыта и свободнаго изслѣдованія. Въ первой—наши познанія и ихъ доказательства всегда носятъ характеръ дедукціи и потому исключаютъ всякую возможность предположенія чего-либо противоположнаго имъ, несогласнаго съ ними, отрицающаго ихъ. Доказательства эти имѣютъ прямо припудительную силу и часто, даже вопреки нашей воли и настроенію, заставляютъ насъ признать ихъ истинность, даже болѣе—заставляютъ всѣхъ *одинаково* воспринять доказываемыя истины. Математикъ, напр., говоритъ намъ, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ угламъ, или—что квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ катетовъ. Для разъясненія этихъ истинъ онъ показываетъ намъ свои математическія выкладки, представляетъ свой наглядный чертежъ. И мы всѣ тотъ-часъ же, единодушно, безъ всякихъ возраженій, признаемъ истинными и несомнѣнными доказываемыя имъ положенія. Но область такого рода познаній сравнительно весьма мала и ограничена.

Другая область нашихъ познаній, напротивъ, необычайно обширна и имѣетъ весьма важное, почти неопредѣлимое значеніе

для жизни; но здѣсь наши познанія, равно какъ и подтверждающія ихъ доказательства посятъ на себѣ характеръ уже не дедуктивный или рациональный въ строгомъ смыслѣ, а только индуктивный или эмпирическій. Здѣсь также, конечно, возможна полная увѣренность въ истинѣ и ея соотвѣтствіи дѣйствительности, но эта увѣренность основывается не на необходимости, требуемой законами нашего мышленія, не на принудительной силѣ дедуктивныхъ выводовъ, а лишь на большей или меньшей степени *вѣроятности* заключеній индуктивныхъ. Это—та область познаній, въ которой общія положенія выводятся изъ наблюденія надъ явленіями, но не всѣми безъ исключенія, а лишь надъ тѣми, которыя доступны опыту и экспериментаціи. Это—та область, въ которой анатомъ, изучивъ строеніе одного или нѣсколькихъ человѣческихъ организмовъ, высказываетъ увѣренность, что и всѣ вообще человѣческіе организмы устроены такимъ же точно образомъ, какъ изслѣдованные имъ; это—та область, въ которой астрономъ отъ изученныхъ имъ законовъ тяготѣнія нашей планетной системы дѣлаетъ общее заключеніе ко всѣмъ безчисленнымъ мірамъ и т. п. Понятно, что здѣсь никогда нельзя отвергать возможности противоположнаго тому общему заключенію, которое сдѣлано на основаніи наблюденія не надъ всѣми, а только надъ нѣкоторыми явленіями даннаго порядка; а потому здѣсь возможны всегда и возраженія всякаго рода. Можно (хотя, конечно, было бы перазумно) дѣлать возраженія даже противъ такого, повидимому, несомнѣннаго положенія, какъ то, что „*всѣ* люди смертны“. Вѣдь *всѣхъ* людей мы *не знаемъ*, и нѣтъ у насъ твердыхъ и несомнѣнныхъ основаній для того, чтобы *знать*, каковы люди будутъ послѣ насъ. Можно (хотя опять-таки было бы неблагоразумно) возражать (и возражали) даже противъ такой, повидимому, несомнѣнной истины, какъ ученіе о постоянномъ вращеніи земли около солнца.

Кромѣ того въ области, доступной для человѣческаго познанія, мы имѣемъ дѣло только съ явленіями, т. е., бытіемъ измѣнчивымъ и непостояннымъ; сущность вещей, или вещь сама въ себѣ, для насъ навсегда должна остаться непознаваемою и недоступною. Вотъ другая причина, почему точныя

и безусловныя познанія для насъ невозможны вообще. Здѣсь — широкое поле для господства всевозможныхъ, иногда діаметрально противоположныхъ взглядовъ, мнѣній, гипотезъ, предположеній и личныхъ убѣжденій. Особенно это нужно сказать объ изслѣдованіяхъ философскихъ, педагогическихъ, социальныхъ, политическихъ, юридическихъ и т. п. Вспомнимъ только о тѣхъ противорѣчивыхъ до непримиримости мнѣніяхъ, которыя господствуютъ среди публицистовъ относительно одного и того же предмета, о постоянномъ спорѣ между класіками и реалистами по поводу постановки школьнаго обученія, о различныхъ мнѣніяхъ врачей на консилиумахъ, или о противорѣчивыхъ взглядахъ судебныхъ прокуроровъ и адвокатовъ на одно и то же криминальное явленіе. Ни одинъ изъ добросовѣстныхъ мыслителей въ этой области не можетъ утверждать, что его взгляды и мнѣнія основываются на такихъ пессимистическихъ данныхъ, которыя должны быть не только убѣдительными, но и принудительными для всѣхъ. Эти мнѣнія и взгляды въ значительной степени опредѣляются еще внутреннимъ и субъективнымъ чувствомъ, такъ сказать, симпатіями и антипатіями каждаго мыслителя. Добросовѣстные мыслители сознаются въ этомъ открыто. „Міровоззрѣнія не суть дѣло только одного разсудка“, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ мыслителей (Риль); „сердце, а не разсудокъ, есть настоящій виновникъ ихъ“. „Относительно выбора метафизической системы вопросъ рѣшаются только склонность и вкусъ“. И, дѣйствительно, лишь съ этой точки зрѣнія личныхъ симпатій и антипатій можно объяснить себѣ то обстоятельство, почему извѣстные мыслители отдають предпочтеніе одной философской системѣ предъ другою. О достоинствѣ нашихъ познаній въ этой области свободнаго изслѣдованія извѣстный современный намъ англійскій мыслитель *Гербертъ Спенсеръ* выражается такъ: „Человѣкъ науки на каждомъ шагу встрѣчается лицомъ къ лицу съ неразрѣшимыми загадками,—и все болѣе и болѣе убѣждается въ невозможности когда-либо разрѣшить ихъ. Это сознаніе сразу приводитъ его къ мысли о томъ, какъ величественъ и въ то же время какъ ничтоженъ человѣческій разумъ: онъ одаренъ способностію приходить въ соприкосновеніе со всѣмъ тѣмъ, что доступно его ана-

лизу,—и тутъ же долженъ сознать свое безсиліе—познать то, что не поддается ни какимъ опытамъ“.

Такъ какъ къ этой области человѣческаго познанія принадлежитъ и Основное или Апологетическое Богословіе, какъ наука индуктивная, то легко понять, какая трудная задача вынадаетъ на долю христіанскаго апологета.

Главное понятіе, которое долженъ раскрыть и уяснить апологетъ христіанства не на основаніи Божественнаго Откровенія, ученіе котораго онъ обязанъ еще только защищать отъ возраженій и нападковъ мнимой науки, а на основаніи разсудочныхъ выводовъ и при помощи несомнѣнныхъ результатовъ истинной науки, есть понятіе о Богѣ, какъ Высочайшемъ и Всесовершеннѣйшемъ Существоѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра и человѣка. Но что сказать объ этомъ понятіи? Прежде всего нужно замѣтить, что для ограниченнаго человѣческаго разума Богъ, какъ Существо всесовершенное, неограниченное и абсолютное, даже по свидѣтельству самаго Божественнаго Откровенія, совершенно непостижимъ, какъ для философовъ и ученыхъ непостижима вещь сама въ себѣ. И этимъ объясняется то обстоятельство, что у рационалистическихъ мыслителей можно встрѣтить множество самыхъ разнообразныхъ понятій о Богѣ, какъ первопричинѣ міра,—и ни одного истиннаго! Ученые въ области свободнаго изслѣдованія познаютъ не вещь саму въ себѣ, а только ея явленія и тѣ законы, по которымъ они происходятъ. Точно также и богословъ имѣетъ своею задачею—раскрыть и уяснить понятіе о Богѣ лишь настолько, насколько Самъ Богъ благоволилъ *явить себя* людямъ въ Своемъ естественномъ и сверхъестественномъ откровеніи. Ничего большаго мы не въ правѣ требовать отъ христіанскаго апологета. Что абсолютное познаніе Бога невозможно,—это сознаютъ и всѣ новѣйшіе мыслители даже враждебные христіанству. „Ни одинъ путь прямо не ведетъ къ вещамъ самимъ въ себѣ; ни каковы онѣ, ни что онѣ,—намъ неизвѣстно. Еще болѣе это имѣетъ значенія относительно бытія Божія“ (Ричль). „Богъ, существо котораго для людей не было бы тайною,—не былъ бы Богомъ“ (Спенсеръ).

Трудность выполненія задачи для христіанскаго апологета усложняется еще въ особенности отъ того, что онъ не можетъ

съ *абсолютною* точностію, въ полномъ соотвѣтствіи дѣйствительности, уяснить намъ даже и то понятіе о Богѣ, которое дано въ самомъ Божественномъ Откровеніи, вслѣдствіе чего ничто не ограждаетъ его отъ упрековъ въ неточности, неясности, несоотвѣтствіи дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что мы даже не имѣемъ въ своемъ распоряженіи *языка*, на которомъ бы мы съ точностію могли говорить не только о существѣ, но даже и о свойствахъ Божіихъ. Нашъ языкъ пригоденъ лишь для обмѣна мыслей, касающихся жизни человѣка и внѣшняго міра, который насъ окружаетъ. Вотъ почему, говоря о Богѣ, мы неизбежно бываемъ вынуждены, по аналогіи, переносить на Него то, что можетъ принадлежать только конечнымъ вещамъ. За недостаткомъ соотвѣтствующаго языка, мы, по необходимости, *очеловѣчиваемъ* (антропоморфизмуемъ) Бога. Для уясненія понятія о Немъ прибѣгаемъ къ помощи образныхъ выраженій, сравненій, уподобленій, аналогіи. Но такой способъ выраженія не имѣетъ никакого права претендовать на *безусловную* точность; онъ можетъ быть вѣрнымъ только *приблизительно*. И въ этомъ обстоятельствѣ заключается новый источникъ для всякаго рода возраженій и даже увеличеній апологета въ неточности или невѣрности. Дикарю нельзя съ безусловною точностію уяснить, напр., самую сущность сложныхъ финансовыхъ операцій, совершаемыхъ въ какой либо цивилизованной странѣ, и—именно потому, что у дикаря нѣтъ соотвѣтствующихъ понятій. Какъ вы уясните ему значеніе валюты, курса, биметаллизма, облигаціонныхъ займовъ и т. д.?... Очевидно, съ нимъ нужно говорить только на его языкѣ и согласно съ его понятіями, доходъ съ капитала нужно уподоблять доходу отъ стада и т. п. Само собою понятно, что ваше объясненіе можетъ быть *истиннымъ*, но оно не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей. Нѣчто подобное нужно сказать о Богословіи, когда оно на *человѣческомъ* языкѣ, и, приспособляясь къ нашимъ обыкновеннымъ понятіямъ, должно говорить о существѣ и свойствахъ Божіихъ.

Какъ усвоеніе индуктивныхъ научныхъ положеній и философскихъ ученій зависитъ не только отъ достовѣрности самыхъ этихъ положеній и ученій, но въ значительной степени и отъ личныхъ

симпатій и антипатій познающаго субъекта, такъ и самодостовѣрность религіозныхъ истинъ еще не представляетъ достаточнаго ручательства за то, что эти истины будутъ всѣми усвоены съ одинаковою легкостію и простотою. Это не значитъ однако-же того, что доказательства религіозныхъ истинъ не имѣютъ принудительной силы; а это означаетъ лишь то, что для усвоенія этихъ истинъ, кромѣ ихъ самодостовѣрности и несомнѣнности, требуется еще со стороны воспринимающаго ихъ извѣстное внутреннее расположеніе, опредѣленное нравственное настроеніе, обусловливаемое воспитаніемъ, различными условіями жизни или благодатнымъ воздѣйствіемъ Божественнаго Промысла. Многія лица съ одинаковымъ вниманіемъ изучаютъ какую либо философскую систему; но только *нѣкоторыя* изъ нихъ становятся въ ряды ея послѣдователей; другія остаются равнодушными къ ней, а третьи переходятъ даже на сторону противниковъ. Подобное явленіе только еще въ болѣе рѣзкомъ видѣ происходитъ и въ области религіи или богословскаго знанія. Одни и тѣ же доказательства здѣсь производятъ далеко не одинаковое воздѣйствіе на людей. Нѣкоторые соглашаются съ этими доказательствами и воспринимаютъ доказываемую истину, другіе отвергаютъ ихъ и не признаютъ самой истины, въ подтвержденіе которой они приведены. По свидѣтельству евангельскихъ повѣствованій, іудеи и ихъ вожаки-фарисеи и книжники—собственными глазами видѣли чудеса Иисуса Христа, собственными ушами слышали Его Божественное ученіе и—что же?—увѣровали только нѣкоторые; большинство же стало во враждебныя отношенія къ Проповѣднику вѣчной истины. Чудеснаго воскрешенія Лазаря оказалось недостаточно для того, чтобы *все* очевидцы увѣровали въ божественное посольство Чудотворца и Его ученіе; исцѣленіе слѣпорожденнаго только усилило враждебность іудеевъ къ Иисусу Христу. Мало этого,—даже ученики Христа, Его апостолы, не хотѣли вѣрить свидѣтелямъ-очевидцамъ, утверждавшимъ, что ихъ Учитель воскресъ изъ мертвыхъ и что они сами лично уже удостоились видѣть Его воскресшимъ. Это свидѣтельство они охотнѣе признавали пустымъ и ложнымъ (Лук. 24, 11), нежели заслуживающимъ вѣры (Марк. 16, 14).—Невѣріе іудеевъ въ Иисуса Христа и Его ученіе сами евангелисты

объясняли исключительно отсутствіемъ надлежащаго нравственнаго настроенія и душевнаго расположенія у современныхъ Христу іудеевъ. Послѣ разсказа о воскрешеніи Лазаря и торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ евангелистъ какъ-бы невольно высказываетъ свое удивленіе: „Столько чудесъ сотворилъ Онъ предъ ними; и они не вѣровали въ Него... Потому не могли они вѣровать, что, какъ еще сказалъ Исаія, народъ сей ослѣпилъ глаза свои, и окаменилъ сердце свое, да не видятъ глазами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы я исцѣлилъ ихъ“ (Іоан. 12, 37, 39, 40).

Послѣ этого ясно, что христіанскій апологетъ не можетъ ставить себѣ задачею—разубѣдить каждаго атеиста въ его невѣріи и обратить его на путь истины. Мы не должны выпускать изъ виду, что невѣріе есть, собственно, неестественное, патологическое состояніе человѣческаго духа, требующее правильнаго и систематическаго лѣченія. Было бы совершенно бесполезно разубѣждать душевно-больныхъ въ томъ, на чемъ они помѣшаны. Ихъ нужно не разубѣждать, а лѣчить.

Но если нельзя думать, чтобы научныя доказательства и разумныя основанія могли породить вѣру тамъ, гдѣ ея нѣтъ, —то какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого христіанская Апологетика? Предлагаая вопросъ о значеніи христіанской Апологетики, мы не имѣемъ въ виду людей незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ богоотровленнымъ христіанскимъ ученіемъ, равно какъ людей вѣрующихъ и сомнѣвающихся только или полувѣрующихъ, для которыхъ еще не совсѣмъ утрачена возможность возвращенія къ вѣрѣ въ Божественное Откровеніе и которымъ христіанская Апологетика въ этомъ отношеніи можетъ оказать важную услугу. „Вѣра отъ слышанія, говоритъ Апостоль (Рим. 10, 17. 13. 14), а слышаніе отъ слова Божія. Всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется. Но какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слышали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго?“ Но мы имѣемъ въ виду только тѣхъ людей, которые, слѣпо усвоивъ различныя противухристіанскія теоріи и ученія, ради нихъ оставили свою вѣру въ Божественное Откровеніе. Наилучшею апологетикою христіанства для нихъ, конечно, будутъ тѣ ужасныя и гибельныя

послѣдствія, которыя рано или поздно съ необходимостью должны обнаружиться, какъ неизбѣжные результаты ложныхъ противухристіанскихъ теорій и воззрѣній. Къ сожалѣнію, для увлекшихся такими ложными воззрѣніями этотъ голосъ истины окажется уже значительно запоздалымъ; неразумному увлеченію будетъ принесено много тяжкихъ жертвъ; разочарованіе можетъ быть близко къ отчаянію. И вотъ задача христіанской Апологетики въ данномъ случаѣ и состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы людямъ, которые увлечены ложнымъ направленіемъ ума и сердца, со всею возможною ясностію, такъ сказать, *заблаговременно* представить тѣ гибельныя послѣдствія, которыя неминуемо влечетъ за собою всякое ложное и противухристіанское міровоззрѣніе, если только оно будетъ проведено послѣдовательно до конца.

Совершенно ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто-бы невѣріе или атеизмъ есть слѣдствіе слабости и неосновательности приводимыхъ Богословіемъ доказательствъ богооткровеннаго ученія,—или слѣдствіе отсутствія въ релігіозныхъ истинахъ самодостовѣренности. Значенія истинъ богооткровенной или христіанской релігій, ихъ всеобщности и универсальности, нисколько не умаляетъ то обстоятельство, что рядомъ съ христіанствомъ существуетъ множество невѣрующихъ людей и враждебныя ему ученія. Нѣчто подобное повторяется даже и въ области такъ называемыхъ *точныхъ* наукъ, доказательства которыхъ признаются принудительными. Въ самомъ дѣлѣ, отчего на свѣтѣ существуетъ множество умственныхъ невѣждъ, когда научныя доказательства имѣютъ универсальный и принудительный характеръ? Отчего есть люди, такъ презрительно отзывающіеся о многихъ наукахъ, если не о научномъ образованіи вообще? Отчего въ школахъ по одной и той же наукѣ, преподаваемой однимъ и тѣмъ же учителемъ нѣкоторые ученики оказываютъ прекрасныя успѣхи, а другіе идутъ на двойкахъ и единицахъ? Отчего многія несомнѣнно весьма полезныя научныя открытія часто встрѣчаютъ себѣ непримиримыхъ противниковъ и отрицателей? Само собою понятно, что всѣ эти прискорбныя явленія нисколько не умаляютъ ни значенія самыхъ наукъ, ни принудительной силы ихъ доказательствъ.

Неподготовленность, лѣнь, умственная косность или простое нежеланіе усвоить себѣ тѣ или другія научныя истины,—вотъ причина всѣхъ этихъ прискорбныхъ явленій! То же самое нужно сказать и относительно невѣрія въ религіозной области. Не нужно упускать изъ виду, что атеизмъ или невѣріе есть результатъ не умственной только незрѣлости, но—и извѣстнаго нравственнаго состоянія. Какъ увидимъ въ свое время, глубокой и истинный смыслъ имѣетъ замѣчаніе англійскаго мыслителя *Бэкона*, что бытіе Бога отрицаетъ только тотъ, кому выгодно, чтобы не было Бога.

Послѣ сказаннаго ясно, что христіанскій апологетъ долженъ имѣть въ виду не столько отдѣльныя личности и отдѣльныя воззрѣнія, искажающія или отвергающія основныя истины Божественнаго Откровенія, сколько самыя эти истины, которыя онъ долженъ раскрыть съ такою систематическою послѣдовательностію, полнотою и научною основательностію, чтобы вѣрующій нашелъ въ его трудѣ опору для своей вѣры, а сомнѣвающійся воспринялъ бы изъ него ту благодѣтельную живую силу, которая была бы способна поколебать его скептическое отношеніе къ религіи и побудить его къ болѣе серьезному и внимательному изученію истинъ Божественнаго Откровенія.

Говорятъ, что доказательства религіозныхъ истинъ не имѣютъ той принудительной силы, какою отличаются доказательства такъ называемыхъ точныхъ наукъ. Въ этомъ замѣчаніи есть доля правды,—и оно открываетъ новое обстоятельство, усложняющее и безъ того не легкую задачу христіанскаго богослова—апологета. Дѣйствительно, какъ во всѣхъ положительныхъ наукахъ, принадлежащихъ къ области свободнаго изслѣдованія, такъ и въ области христіанскаго богословія, имѣющаго своею задачею защиту и уясненіе истинъ Божественнаго Откровенія, приводимыя доказательства обыкновенно носятъ характеръ не дедуктивный или раціональный въ строгомъ смыслѣ, а индуктивный или аналогическій. Тѣмъ не менѣе въ религіозной области эти доказательства, при надлежащей постановкѣ ихъ, могутъ достигать такой высокой степени вѣроятности, что сила убѣдительности ихъ будетъ ни чуть не ниже убѣдительности дедуктивныхъ доказательствъ точныхъ наукъ. И задача апо-

логета христіанской религіи состоитъ именно въ томъ, чтобы довести доказательства богооткровенныхъ истинъ, находящіяся въ его распоряженіи, до наивысшей степени вѣроятности, такъ какъ только подъ условіемъ такой вѣроятности могутъ складываться твердыя и осмысленныя религіозныя убѣжденія. Задача Основного или Апологетическаго Богословія будетъ разрѣшена, когда въ немъ доказательства основныхъ истинъ Божественнаго Откровенія будутъ представлены въ такомъ видѣ, что они получаютъ принудительную силу какъ чрезъ основательное раскрытіе всего содержанія этихъ истинъ, такъ и чрезъ устраненіе всякой возможности предполагать нѣчто противоположное имъ и отрицающее ихъ.

Часто говорятъ, что въ области христіанской религіи, какъ религіи богооткровенной, доказательства потому не имѣютъ принудительной для всѣхъ силы, что всѣ они исходятъ отъ предположеній, которыя еще сами по себѣ нуждаются въ доказательствахъ. Но это общій удѣлъ человѣческаго познанія. Такого рода предположенія оказываются неизбѣжными и необходимыми не въ одномъ только Богословіи, но во всѣхъ наукахъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ,—что такое у математиковъ теорема въ ея первоначальномъ видѣ? Что такое математическія аксіомы? Не предположенія ли, которыя становятся несомнѣнными только потому, что оправдываются впоследствии дѣйствительностію? Что такое въ естествознаніи такъ называемое ученіе о постоянствѣ и неизмѣнности физическихъ законовъ?—объ атомахъ?—о постоянствѣ силъ?—о нетворимости и неуничтожаемости матеріи? и т. д., и т. д.

Правда, истинно-научныя гипотезы и предположенія всегда оправдываются дѣйствительностію—опытами и экспериментами и потому признаются уже какъ несомнѣнныя истины; но то же самое нужно сказать и объ ученіи Божественнаго Откровенія. Его истинность лучше всего доказывается его повѣркою въ дѣйствительной жизни. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ указалъ намъ на этотъ способъ удостовѣренія въ божественности Его ученія, когда сказалъ: „Кто хочетъ творить волю Божію, тотъ узнаетъ о проповѣдуемомъ Мною ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“ (Іоан. 7, 17).

Такой же провѣрки христіанскаго ученія въ самой жизни требовали и апостолы. Такъ. ап. Іаковъ, изложивъ богооткровенное ученіе о спасеніи человѣка и его нравственномъ самоусовершенствованіи во Христѣ, дѣлаетъ слѣдующее наставленіе своимъ слушателямъ: „Будьте же исполнители слова, а не слушатели только, обманывающіе самихъ себя. Ибо кто слушаетъ слово, и не исполняетъ; тотъ подобенъ человѣку, разсматривающему природныя черты лица своего въ зеркалѣ. Онъ посмотрѣлъ на себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ онъ. Но кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ: тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи“ (Іак. I, 22—25). Православпо-христіанское Основное или Апологетическое Богословіе приводитъ не менѣе десяти доказательствъ бытія Божія и почти столько-же относительно личнаго безсмертія человѣческой души. Но самое убѣдительное изъ нихъ, имѣю щее, дѣйствительно, принудительный характеръ безусловно неопровержимое для каждаго истиннаго христіанина, есть его собственная благочестивая, дѣйствительно-христіанская жизнь въ Богѣ. Такая жизнь обыкновенно пачигается слѣдующимъ образомъ. Сначала человѣкъ воспринимаетъ христіанскія истины или по доводамъ своего разсудка, или даже только на вѣру, въ простотѣ сердца, но во всякомъ случаѣ какъ предположенія непосредственно еще для него недоказанныя. Затѣмъ онъ начинаетъ жить согласно ихъ требованіямъ и тогда-то опытно *убѣждается*, что усвоенное имъ ученіе, дѣйствительно, отъ Бога, истинное и несомнѣнное, доставившее ему душевный покой и полное удовлетвореніе религіозно-нравственнымъ потребностямъ его природы. Послѣ этого для него уже нѣтъ надобности ни въ какихъ особыхъ доказательствахъ бытія Божія и безсмертія человѣческой души. Зачѣмъ ему теперь эти доказательства, когда онъ безъ Бога и безъ вѣры въ личную загробную жизнь уже болѣе не можетъ существовать, какъ не можетъ существовать его организмъ безъ пищи и воздуха? И ежедневный опытъ изъ жизни истинно-благочестивыхъ христіанъ ясно свидѣтельствуетъ намъ, что такая провѣрка истинъ богооткровенной религіи всегда возможна.

Конечно, провѣрка христіанскихъ истинъ въ дѣйствительной жизни гораздо труднѣе и сложнѣе, чѣмъ провѣрка истинъ, раскрываемыхъ тою или другою изъ положительныхъ наукъ. Но это зависитъ лишь отъ того, что между вѣрою и знаніемъ, религіею и наукою, существуетъ довольно большое различіе. Вѣра — не то же, что знаніе. Понятіе религіозной вѣры гораздо шире чѣмъ понятіе познанія. Знаніе есть дѣло только одного разсудка или познавательной способности человѣка; религіозная вѣра идетъ дальше: она охватываетъ не только дѣятельность разсудка, но и нашу волю, и наше сердце, и всѣ стороны нашей практической жизни, нашей дѣятельности. Истины вѣры, кромѣ простаго усвоенія ихъ нашимъ разсудкомъ, предполагаютъ еще и внутреннее добровольное и свободное воспріятіе ихъ сердцемъ и волею, равно какъ и сознательное осуществленіе ихъ въ жизни. Такимъ образомъ, религіозная вѣра необходимо должна быть соединена еще и съ религіознымъ *убѣжденіемъ* (вѣра безъ убѣжденія—пустое слово). А убѣжденія вырабатываются не сразу и не легко! Провѣрить истины знанія нетрудно: сообщаемыя въ наукахъ свѣдѣнія мы признаемъ истинными, какъ только находимъ ихъ согласными съ законами нашего мышленія и явленіями дѣйствительной жизни. Иное дѣло провѣрить истины христіанской богооткровенной религіи. Христіанская религія требуетъ отъ насъ не только того, чтобы мы провѣрили ея истины съ законами нашего мышленія, но и того, чтобы мы подчинили имъ свою волю, свои чувства, свою жизнь и свою дѣятельность. Христіанская религія, такимъ образомъ, предъявляетъ къ намъ требованія гораздо болѣе трудныя для исполненія, чѣмъ наука. Отъ нашей испорченной грѣхомъ природы она требуетъ не только большихъ жертвъ, но и самопожертвованія, даже—можно сказать—въ нѣкоторомъ смыслѣ самоуничтоженія (уничтоженія *грѣховной* природы). Если ты хочешь быть Моимъ послѣдователемъ,—говоритъ Христось,—отвергнись себя, возьми свой крестъ, т. е., ниспосланная тебѣ испытанія, и иди за Мною. Иди по Моимъ стопамъ. Вѣруй, какъ Я училъ; живи, какъ Я повелѣлъ; люби, какъ Я любилъ, терпи, какъ Я терпѣлъ; страдай, какъ Я страдалъ; пей чашу, какую Я пилъ, и крестись крещеніемъ, какимъ Я

крестился. Хочешь быть истиннымъ христіаниномъ?—Перестань быть сначала язычникомъ, грѣшникомъ, ветхимъ чело-вѣкомъ, самимъ собою. Побѣди себя, какъ своего злѣйшаго врага; уничтожь всѣ свои страсти, которыми или—лучше—по указанію которыхъ теперь ты живешь; измѣни всю свою жизнь. Брось все, что мѣшаетъ тебѣ быть дѣйствительнымъ христіаниномъ,—ничего не жалѣй: ни мнимыхъ удобствъ твоей теперешней жизни, ни твоего почетнаго положенія въ обще-ствѣ, ни богатства, ни твоихъ близкихъ родныхъ—отца, ма-тери, дѣтей... И тогда только ты постигнешь всю истину Мо-его ученія; тогда только ты узнаешь, отъ Бога ли оно или отъ человѣка. Но легко ли грѣховной природѣ человѣка рѣшиться на такое самопожертвованіе, самоотреченіе, самоуничтоженіе? И вотъ почему, а не по слабости доказательствъ христіанскихъ истинъ, многіе остаются не только невѣрующими, но и враж-дебными къ христіанской религіи. Они свыклись съ своею грѣховною жизнію; они боятся вступить въ борьбу съ собою; они погрязли въ своихъ чувственныхъ и эгоистическихъ стра-стяхъ; они думаютъ, что самая жизнь невозможна внѣ той душевой безнравственной атмосферы, которая ихъ окружаетъ; христіанское ученіе имъ представляется только помѣхою въ ихъ грубо-эгоистической дѣятельности; они страшатся вник-нуть въ него,—и потому не хотятъ, отказываются даже вни-мательно выслушать его; а чтобы оправдать свое легкомыслен-ное поведеніе по отношенію къ христіанскому ученію, они обыкновенно начинаютъ враждебно относиться къ нему, отри-цаютъ его истинность и божественное происхожденіе, направ-ляютъ противъ него свои возраженія, клеветуютъ на него, ис-кажаютъ его, наконецъ, объявляютъ его совершенно непримѣ-нимымъ къ практической жизни, химернымъ и пустымъ, отъ котораго нельзя ожидать ничего добраго и на изученіе кото-раго не стоитъ тратить времени. Въ этомъ отношеніи весьма характеристическій эпизодъ изъ проповѣднической дѣятельности св. апостола Павла сохранила для насъ книга Дѣяній св. апо-столовъ. Ан. Павелъ проповѣдывалъ въ аѳинскомъ ареопагѣ. Въ числѣ его слушателей было много греческихъ философовъ—стоиковъ и эпикурейцевъ. И, вотъ, когда Апостолъ изла-

галь предъ ними христіанское ученіе о загробной жизни и имѣющемъ быть воскресеніи мертвыхъ, то одни изъ его слушателей стали насмѣхаться надъ нимъ, а другіе говорили: объ этомъ мы слушаемъ тебя въ другое время (Дѣян. 17, 17—32). Не то же ли самое часто повторяется и теперь? А послѣ этого удивительно ли, если есть много людей невѣрующихъ, враждебныхъ христіанскому ученію, искажающихъ его?

Впрочемъ, сравнивая задачи древне-христіанскихъ апологетовъ съ задачами Основного или Апологетическаго Богословія нашего времени, мы должны сказать, что *въ сущности* онѣ—однѣ и тѣ же. Древніе атеисты такъ же отрицали бытіе Божіе и Божественный Промыслъ, какъ и атеисты нашего времени. Если отцы и учителя церкви вели борьбу съ грубымъ идолопоклонствомъ въ язычествѣ, то новѣйшіе апологеты вынуждены бороться съ обоготвореніемъ природы и матеріализаціею духа—въ натурализмѣ; древній гностицизмъ и неоплатонизмъ отвергали богооткровенное ученіе о сотвореніи міра и человѣка; то же самое мы встрѣчаемъ теперь въ дарвинизмѣ и эволюціонизмѣ; нападки на евангельскую исторію, высказанные Штраусомъ и Ренаномъ, почти тождественны съ таковыми же нападками Цельса, Порфирія, Иерокла, древніе скептики не допускали возможности чудесъ и пророчествъ почти на томъ же самомъ основаніи, какъ и теперешніе раціоналисты; новѣйшіе матеріалисты вполне согласны съ древними эпикурейцами въ легкомысленномъ осмѣяніи христіанскаго нравоученія, вѣры въ личное безсмертіе человѣческой души, въ загробную жизнь, мздовоздаяніе и т. д. Но за то какая громад-ная разница въ апологетическихъ методахъ древняго и нашего времени! Мы не ошибемся, если скажемъ, что трудность выполнения задачи для христіанскаго апологета нашего времени и усложняется именно тѣмъ, что онъ не всегда можетъ слѣдовать однимъ и тѣмъ же методамъ въ уясненіи основныхъ принциповъ своей науки. Мы имѣемъ въ виду не общіе методы познанія или *изложенія* науки, которые всегда останутся однѣ и тѣ же, а тотъ путь, которымъ апологетъ долженъ идти въ своемъ *ислѣдованіи* и *раскрытіи* основныхъ религіозныхъ истинъ. Древніе христіанскіе апологеты объ этомъ мало за-

ботились. Возраженія враговъ христіанства не вытекали изъ опредѣленныхъ принциповъ. Противники нападали на то, на что, по ихъ мнѣнію, можно было нападать въ ученіи Божественнаго Откровенія или что имъ казалось слабо обоснованнымъ. Въ свою очередь и апологеты христіанства ограничивались лишь тѣмъ, что отвѣчали на возраженія противниковъ, какъ умѣли и какъ считали наилучшимъ. Но съ половины истекающаго столѣтія возраженія противниковъ христіанскаго ученія, какъ и христіанская апологетика получаютъ уже принципиальный, строго опредѣленный характеръ, становятся на одну опредѣленную почву и идутъ уже опредѣленнымъ путемъ, такъ какъ та и другая сторона получаютъ свой матеріалъ только изъ одного и того же источника. Такъ, со временъ *Гегеля* христіанскіе апологеты были вынуждены слѣдовать въ раскрытіи своей науки путемъ *метафизическимъ*, такъ какъ противниками богооткровеннаго ученія были по-преимуществу гегельянцы, хотѣвшіе уяснить себѣ христіанскія истины лишь съ точки зрѣнія гегельянской философіи. *Шлейермахеръ*, стремившійся понять религію какъ чувство зависимости отъ безконечнаго, какъ психическій актъ, положилъ начало *психологическому* изслѣдованію религіозныхъ истинъ, а потому и христіанская Апологетика стала на чисто *психологическую* почву. *Кафтанъ* въ своемъ изслѣдованіи о „сущности христіанской религіи“, придавая особенное значеніе объективной сторонѣ религіи, насколько она раскрылась во времени, въ исторіи, указалъ христіанской Апологетикѣ совершенно новый путь—*историко-индуктивный*. Новѣйшій матеріализмъ, выступая подъ флагомъ естественныхъ наукъ, направилъ взоръ христіанскихъ апологетовъ на результаты естествознанія. Эволюціонизмъ Спенсера далъ поводъ врагамъ Божественнаго Откровенія дѣлать попытки—понять христіанское ученіе какъ результатъ естественнаго развитія религіознаго сознанія; христіанство стали выводить изъ религіи брамановъ, буддистовъ, персовъ, египтянъ и даже грековъ. Вслѣдствіе этого и христіанскіе апологеты стали посвящать серьезное вниманіе изученію языческихъ религій. Наконецъ, въ настоящее время ко

многимъ неожиданнымъ результатамъ привели новыя науки—сравнительное изученіе религій и сравнительное языковѣдѣніе,—и на эти науки по—преимуществу стали опираться какъ противники, такъ и защитники христіанства. Теперь спрашивается: какому изъ этихъ направленій или методовъ, которые не смѣнились одно другимъ, а продолжаютъ существовать, такъ сказать, рядомъ, долженъ слѣдовать христіанскій апологетъ нашего времени?—Чтобы не быть одностороннимъ, онъ, очевидно, долженъ имѣть въ виду всѣ указанныя направленія, подвергать критическому анализу *всѣ* возраженія, откуда бы они ни вытекали—изъ философіи ли, психологіи ли, естествознанія или сравнительнаго изученія языковъ и религій. Но такая разбросанность враговъ христіанства по всѣмъ областямъ знанія и многочисленность враждебныхъ лагерей, конечно, дѣлаетъ трудъ современнаго апологета болѣе тяжелымъ и сложнымъ, чѣмъ какимъ былъ трудъ апологета древне-христіанскаго.

Кромѣ того современный православно-христіанскій апологетъ всегда долженъ имѣть въ виду не однихъ только враговъ христіанства, но и мнимыхъ друзей его. Есть не мало апологетовъ иновѣрныхъ или понимающихъ христіанскія истины неточно, искаженно, въ духѣ какой либо модной философской системы. Правда, эти апологеты нерѣдко съ полнымъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ опровергаютъ возраженія невѣрія; но за то всегда стремятся привнести въ область христіанскаго пониманія свои партійные взгляды, которые обыкновенно настолько извращаютъ прямой смыслъ богооткровеннаго ученія, что иногда оказываются болѣе вредными, чѣмъ само невѣріе. Вслѣдствіе этого православно-христіанскому апологету, вмѣсто послѣдовательнаго и систематическаго изложенія своего предмета, постоянно приходится отрываться, такъ сказать, въ сторону, чтобы сводить счеты не только съ возраженіями противниковъ богооткровеннаго ученія, но и съ мнѣніями различныхъ (особенно—либерально—протестантскихъ) христіанскихъ богослововъ. Понятно, насколько это обстоятельство усложняетъ и безъ того весьма сложную и трудную задачу православно-христіанскаго апологета.

Общій характеръ изложенія науки.

Наконецъ, пельзя не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній относительно того характера, который должно носить на себѣ *изложеніе* Основнаго или Апологетическаго Богословія. Какъ мы сказали уже, христіанскій апологетъ не можетъ признавать своею задачею—обращать *каждаго* атеиста къ вѣрѣ въ Бога и Его Божественное Откровеніе. И этого нельзя отъ него требовать. Это—дѣло Церкви и пастырскаго служенія или—вѣрнѣе—дѣло Божественной благодати, которая несомнѣнно идетъ на встрѣчу каждому желающему и ищущему своего спасенія. Тѣмъ не менѣе и христіанскій апологетъ не долженъ забывать, что послѣдняя цѣль всѣхъ богословскихъ наукъ вообще и Основнаго или Апологетическаго Богословія въ особенности есть приготовленіе человѣчества путемъ знанія и науки къ царствію Божію, руководство чрезъ расположеніе ума и сердца къ принятію и усвоенію богооткровенныхъ истинъ и къ осуществленію въ жизни дѣятельнаго христіанскаго благочестія. Христіанскій богословъ—апологетъ не можетъ уподоблять себя торговцу, для котораго совершенно безразлично, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ приобрѣтеннаго у него матеріала; ибо истины Божественнаго Откровенія суть не простыя теоретическія или отвлеченныя положенія, какъ въ обыкновенныхъ наукахъ, но начала истинной жизни, единственный путь, прямо ведущій къ послѣдней цѣли человѣческаго бытія—вѣчному блаженству. Не тотъ—истинный христіанинъ, кто только изучилъ истины христіанской религіи, а тотъ, кто сталъ жить согласно съ этими божественными истинами. Различіе Основнаго или Апологетическаго Богословія отъ всѣхъ другихъ наукъ и состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что оно должно не только сообщать точныя и положительныя знанія, но и содѣйствовать (и это—главное) складу твердыхъ и вѣрныхъ истинно христіанскихъ *убѣжденій* въ душахъ изучающихъ его. Не познанія только, а согласныя съ этими познаніями убѣжденія слушателей въ истинахъ богооткровеннаго ученія—вотъ послѣдняя цѣль, которую долженъ преслѣдовать со всею настойчивостію каждый христіанскій апологетъ. По-

этому христіанскій апологетъ не можетъ ограничивать своей задачи только простымъ, хотя бы то даже и строго научнымъ изложеніемъ своего предмета. Онъ долженъ говорить не уму только своихъ слушателей, но и сердцу ихъ.

Но принимая на себя великое служеніе дѣлу распространенія и разумнаго усвоенія христіанскихъ истинъ, православно-христіанскій апологетъ всегда долженъ имѣть предъ своими духовными очами дивный образъ Христа и Его апостоловъ, которому онъ долженъ слѣдовать при выполненіи своей задачи. Отсюда само собою понятно уже и то, какимъ характеромъ должна отличаться также и его наука, преслѣдующая столь святую, истинно-апостольскую цѣль.

Прежде всего христіанскій апологетъ долженъ вести свое дѣло со всею *правдивостію* и *добросовѣстностію*. Еще не было случая, чтобы кто-либо изъ православныхъ богослововъ рѣшился защищать христіанскія истины при помощи лжи и обмана. И не это мы имѣемъ въ виду, когда указываемъ на правдивость и добросовѣстность, какъ на характеристическія черты изложенія Основного или Апологетическаго Богословія. Но этого требованія не выполняютъ тѣ апологеты, которые, напр., прекрасно опровергаютъ одни мнѣнія своихъ противниковъ и совершенно обходятъ молчаніемъ другія, болѣе трудныя для разрѣшенія, равно какъ и тѣ, которые, наоборотъ, во что бы то ни стало, даже при видимыхъ натяжкахъ, стараются разрѣшать *всѣ* возраженія противъ Божественнаго Откровенія, уяснять на началахъ разума всѣ тайны его, какъ истины всеовершеннаго Разума, какъ будто-бы въ немъ все, безъ исключенія, доступно ограниченному уму человѣческому и не остается ничего, что было бы предметомъ только одной вѣры. Не слѣдуетъ забывать, что богооткровенная религія есть болѣе дѣло вѣры, чѣмъ разума, и потому въ ней есть и всегда должно быть много такого, отъ объясненія чего на началахъ разума добросовѣстный христіанскій апологетъ положительно долженъ отказаться, объявивъ откровенно: „мы этого не знаемъ и знать не можемъ; это—дѣло вѣры!“ Погрѣшаютъ противъ указаннаго требованія и тѣ апологеты, которые намѣренно представляютъ мнѣнія и возрѣнія своихъ противниковъ слишкомъ пустыми,

ничтожными, не имѣющими никакого научнаго значенія, въ то время, какъ эти мнѣнія волнуютъ общество, составляютъ цѣлую эпоху, и потому на самомъ дѣлѣ оказываются не такими ничтожными и пустыми. Наконецъ, не слѣдуетъ подражать и тѣмъ богословамъ, которые часто хотятъ навязать ученію Божественнаго Откровенія такой смыслъ, какого въ дѣйствительности оно не имѣетъ, но какой былъ бы желателенъ апологету въ его борьбѣ съ невѣріемъ.

Другою отличительною, характеристическою чертою изложенія православно-христіанскаго Основнаго или Апологетическаго Богословія должна быть печать истинно-христіанской любви. Кто не знаетъ, какое важное значеніе въ этомъ отношеніи ап. Павелъ приписываетъ христіанской любви? „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ“ (1 Кор. 13, 1—6). Свойство, противоположное любви, мы должны называть враждебностью, раздражительностію. Конечно, нельзя предполагать высокаго нравственнаго совершенства у тѣхъ лицъ, которыя встаютъ противъ ученія Христа; тяжело, безъ сомнѣнія, бываетъ, когда приходится выслушивать явную клевету и ложь на христіанство, когда напр., враги христіанской религіи начинаютъ увѣрять, что она не ведетъ ни къ чему доброму, что она породила войны и инквизиціи, потворствуетъ разврату, отнимаетъ свободу, проповѣдуетъ рабство, мѣшаетъ народному развитію и т. д. Тѣмъ не менѣе предъ очами христіанскаго апологета всегда долженъ быть образъ кроткаго Господа Иисуса, о Которомъ также говорили, что ничего добраго не можетъ быть изъ Назарета, что Онъ имѣетъ въ Себѣ бѣса, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула, что Онъ развращаетъ народъ, запрещая давать дань Кесарю, что Онъ нарушаетъ законъ, проводить время съ винопійцами и ядцами, мытарями

и грѣшниками. Но кроткій и смиренный сердцемъ Господь одержалъ побѣду надъ своими раздраженными и свирѣпыми врагами и хулителями, а нѣкоторые изъ нихъ (напр. Наананиль и Павелъ) даже стали Его учениками и послѣдователями. Раздражительная полемика непріятно дѣйствуетъ не только на враговъ христіанства, раздражая страсти, но и на людей вѣрующихъ. Она отталкиваетъ отъ себя даже и тогда, когда истина несомнѣнно на ея сторонѣ. Вотъ почему Апостоль прямо повелѣваетъ „съ кротостію наставлятъ противниковъ“ (2 Тим. 2, 25), „увѣщавать со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. 4, 2). Но кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣріемъ можетъ даровать только одна христіанская любовь.

Наконецъ, какъ мы видѣли, послѣдняя цѣль Основного или Апологетическаго Богословія есть содѣйствіе слушателямъ въ томъ, чтобы они могли выработать себѣ истинно-христіанскія убѣжденія. Но нельзя дать другимъ того, чего мы сами не имѣемъ. Поэтому истинно-христіанскимъ апологетомъ можетъ быть только тотъ, кто самъ искренно и глубоко убѣжденъ въ истинахъ Божественнаго Откровенія, кто можетъ говорить какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи. Кто имѣетъ еще сомнѣнія хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ христіанскаго ученія или отдастъ только сравнительное предпочтеніе христіанству предъ другими областями званія, тому не слѣдуетъ браться за дѣло защиты единой и вѣчной истины, ибо, даже противъ желанія своего, онъ скорѣе можетъ принести вредъ, чѣмъ пользу тому дѣлу, которому думаетъ служить. Богооткровенная истина есть истина единая и абсолютная, недопускающая никакихъ сдѣлокъ ни съ полувѣрованіемъ, ни съ полупризнаніемъ. Въ ея другой абсолютной истины нѣтъ; а потому „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Вуткевичъ.*

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

Реакція противъ Халкидонскаго собора.

а) Волненіе въ Палестинѣ.

Халкидонскій соборъ восторжествовалъ надъ монофизитствомъ. Его вѣроопредѣленіе показало, въ чемъ заключается отличіе православія отъ этой ереси. Но монофизитство было еще сильно. Свою силу оно вполне показало въ волненіяхъ, направленныхъ противъ православія, особенно сильныхъ въ Палестинѣ и Египтѣ.

Еще до окончанія 4-го Вселенскаго собора многіе изъ монаховъ, бывшихъ на соборѣ, ушли въ Палестину и начали проповѣдывать здѣсь о погибели истины и торжествѣ нечестиваго несторіанства. Ихъ проповѣдь нашла себѣ вполне благопріятную почву. Палестинскіе монахи были склонны къ монофизитству; они охотно приняли вѣроопредѣленіе разбойничьяго собора ¹⁾. Диоскора они считали поборникомъ православія противъ несторіанства. И вотъ разносится слухъ, что эти поборники православія объявлены еретиками. Очевидно, думали монахи, что императоръ и руководители собора заражены нечестіемъ Несторія, почему нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что ересь взяла перевѣсъ надъ православіемъ. Между монахами, распространявшими такіе слухи, особенно выдавался Θεодосій.

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

¹⁾ Замѣчательно, при этомъ, то, что они анафематствовали Евтихія (Д. IV, 419).

Это былъ фанатикъ, человекъ крайне безпокойный, неуживчивый. Онъ былъ выгнанъ изъ Палестины за диффамацию своего епископа. Онъ удалился въ Египетъ и здѣсь вздумалъ было напасть на Діоскора. Но тотъ, по свидѣтельству Евагрія (11, 5), приказалъ „его высѣчь, какъ мятежника, и возить по городу на верблюдѣ, какъ злодѣя“. Главными приверженцами Θεодосія сдѣлались монахи. Съ этими монахами Θεодосій напалъ на Іерусалимъ „производя пожары домовъ, убійства почтенныхъ мужей, освобожденіе уличенныхъ въ крайнихъ преступленіяхъ“. „Вопреки всѣмъ канонамъ онъ присвоилъ себѣ утверженіе въ епископствѣ—тогда какъ святѣйшій Ювеналій оставался и жилъ въ городѣ—нарушая и возмущая вмѣстѣ божескія и человѣческія права. Идя по пути къ худшему... онъ приказывалъ въ однихъ церквахъ умерщвлять епископовъ, а въ другихъ рукополагать кого захотѣлъ. Епископы, поставленные по канонамъ, были лишены священства и сгоняемы съ престоловъ. Св. Ювеналія онъ старался убить чрезъ подосланную чернь. Вмѣсто него былъ нечестиво умерщвленъ Северіанъ еп. Скиеопольскій... Θεодосій осмѣливался и на гнуснѣйшія этихъ дѣла“. (Д. IV, 411—12). Успѣху этихъ дѣяній Θεодосія не мало способствовало то обстоятельство, что его сторону приняла вдовствующая императрица Евдоксія, которая по смерти своего супруга Θεодосія II, поселилась въ Іерусалимѣ. Этому способствовало и то, что въ Іерусалимѣ не было въ то время гарнизона. Управитель провинці Дороеей въ это время былъ въ походѣ противъ варваровъ. Когда онъ возвратился, ворота предъ нимъ были заперты. Онъ былъ впущенъ въ городъ подъ условіемъ сохраненія того, что постановлено „соборомъ монаховъ и народомъ іерусалимскимъ“ (Niseph. 15, 9). Дороеей, не желая кровопролитія, согласился. Занявъ мятежный городъ, онъ тотчасъ извѣстилъ обо всемъ Маркіана. Почти одновременно съ Дороееемъ послалъ свое донесеніе св. Ювеналій. Монахи съ своей стороны послали просьбу къ св. Пульхеріи, въ которой жаловались на дурное обращеніе съ ними Дороеея, на превращеніе монастырей въ казармы, святыхъ мѣстъ въ конюшни и заявляли, что они не могутъ признать собора, который заставляетъ вѣрить, что есть два Христа, два сына, два

лица въ божественномъ Словѣ. (Thierry 420—1). Въ отвѣтъ на это монахи получили грамоту отъ императора. Въ Ней говорилось: „Наше величество, прочитавъ прошенія, которыя вы прислали къ благочестивѣйшей и священнѣйшей государынѣ, супругѣ нашего смиренія, самымъ дѣломъ убѣдилось, что вы не моленіе о помилованіи прислали, а подъ видомъ просьбы обнаружили ваше нечестивое намѣреніе, противное и божескимъ законамъ, и римскому государству“. Далѣе говорится о томъ, что изложено нами выше. Въ заключеніи императоръ излагаетъ православное ученіе о соединеніи двухъ естествъ, заявляетъ, что онъ „негодуетъ“ на Дороея за причиненныя монахамъ безпокойства и приказываетъ ему оставить ихъ (Д. VI, 417). Слухи о возмущеніяхъ монаховъ дошли и до св. Льва; но они были чрезвычайно неопредѣленны, не ясны. „Я не знаю, писалъ онъ Юліану Косскому (Ер. СХІІІ, 3), по какой причинѣ (quo animo) волнуются палестинскіе монахи. Не знаю, служатъ-ли они развращенію Евтихія или скорбятъ о томъ, что ихъ епископъ могъ прежде впасть въ нечестіе. Я желаю объ этомъ знать полнѣе, чтобы позаботиться о соотвѣтствующемъ исправленіи такихъ (безпорядковъ): не одно и то же нечестиво, вооружаться противъ вѣры и слишкомъ неумѣренно волноваться за нее“. Вскорѣ св. Левъ получилъ извѣстіе о томъ, что императоромъ приняты всѣ мѣры къ подавленію возстанія монаховъ. Св. Левъ по этому поводу благодаритъ Маркіана (Ер. СХV) и св. Пульхерію (Ер. СХVI) за ихъ ревность къ вѣрѣ. Въ письмѣ къ Юліану Косскому (СХVII), написанномъ одновременно съ письмомъ къ Маркіану и Пульхеріи (21 марта 453), св. Левъ говоритъ о своемъ посланіи съ монахомъ и между прочимъ о томъ, что онъ исполнилъ секретное (secretius) повелѣніе императора „относительно увѣщанія всемилостивѣйшей Августы Евдоксіи“. До насъ не дошло это посланіе св. Льва. Но содержаніе его извѣстно изъ словъ самого св. Льва (СХVII, 3). „Я сдѣлалъ, говоритъ онъ, согласно желанію (императора), все, чтобы она (Евдоксія) изъ моего письма узнала то, какъ плодотворно будетъ для нея, если она будетъ благоволить вселенской вѣрѣ; я употребилъ все, чтобы она приняла во вниманіе письмо объ этомъ нашего сына, милостивѣйшаго императора. Я не сомнѣваюсь, что она употребитъ свое благочестивое усердіе

на то, чтобы виновники возстаній узнали ея исповѣданіе и убоялись, по крайней мѣрѣ, власти наказывающихъ, если не понимаютъ проповѣди учащихъ“. Но это письмо не произвело никакого дѣйствія на Евдоксію. По крайней мѣрѣ, св. Левъ принужденъ былъ еще написать Евдоксіи по этому поводу (Ер. СХХІІІ отъ 15 іюня 453). Онъ вторично просилъ ее отнять у еретическаго развращенія всякую самоувѣренность, это принесетъ пользу и церкви, и человѣческому роду. Если монахи пожелаютъ опять возвратиться въ лоно церкви, то они должны подчиниться опредѣленіямъ Халкидонскаго собора, отвергнуть развращенныя заблужденія, безразсудно принятыя ими, покаяться въ нечестивыхъ хулахъ и кровавыхъ преступленіяхъ. Въ заключеніи св. Левъ проситъ Евдоксію извѣстить о результатахъ, какія произведетъ ея увѣщаніе на монаховъ. Св. Левъ писалъ письмо и мятежнымъ монахамъ. (Ер. СХХІV въ іюнѣ 453 г.). Въ виду того, что между ними ходило испорченное въ несторіанскомъ духѣ письмо къ св. Флавіану, св. Левъ счелъ нужнымъ снова изложить въ письмѣ къ монахамъ православное ученіе о соединеніи естества въ Іисусѣ Христѣ противъ Несторія и Евтихія. Въ заключеніи письма св. Левъ увѣщаетъ монаховъ оставить безпорядки, не забывать апостоловъ и пророковъ, не забывать символа спасенія и исповѣданія, даннаго при крещеніи въ присутствіи многихъ свидѣтелей и не поддавать діавольскимъ насмѣшкамъ и внушеніямъ.

Это посланіе св. Льва имѣло то значеніе, что оно отняло у мятежниковъ право обвинять въ несторіанствѣ ученіе св. Льва и Халкидонскій соборъ, утвердившій его. Но на уменьшеніе волненія оно произвело вліянія очень мало. Потребовались сильныя мѣры свѣтской власти, чтобы утишить его. Императоръ приказалъ схватить Θεодосія, на какомъ-бы мѣстѣ его ни застали. Θεодосій во время узналъ объ этомъ и скрылся на Синаѣ, причемъ старался и не безъ успѣха возмутить здѣшнихъ монаховъ (Д. IV, 413). Возмущеніе въ Палестинѣ вскорѣ утихло. Св. Ювеналій (къ концу 453 г.) возвратился на свою кафедру. Св. Левъ послалъ по этому поводу письмо къ императору, въ которомъ благодаритъ его за оказанную церкви услугу (Ер. СХХVІ отъ 9 января 454 г.). При этомъ св. Левъ проситъ его непрестанно заботиться объ исправленіи всякаго

безпорядка, и о водвореніи мира и согласія. Св. Левъ написалъ также письмо къ св. Ювеналію Іерусалимскому (Ер. СХХХІХ отъ 4 сент. 454 г.), гдѣ выражаетъ свою радость по поводу возвращенія св. Ювеналія на Іерусалимскую кафедру и упрекаетъ его въ томъ, что онъ, благодаря прежней своей приверженности къ евтихіанству, не могъ въ силу этого содѣйствовать усмирению возмущившихся монаховъ. Приверженность его къ евтихіанству для него, Льва, тѣмъ болѣе удивительна, что св. Ювеналій живетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ „христіанинъ научается познанію христіанской добродѣтели не только страницами изреченій, но и свидѣтельствомъ самыхъ мѣстъ“. Въ заключеніе св. Левъ излагаетъ на основаніи Ветхаго и Новаго завѣта ученіе о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ.

б) Волненія въ Египтѣ.

Въ Египтѣ евтихіанскія волненія приняли большіе размѣры, чѣмъ въ Палестинѣ и результаты ихъ были плачевные. Кончились они основаніемъ особой, монофизитской церкви.

Волненія начались здѣсь, какъ и въ Палестинѣ, тотчасъ послѣ Халкидонскаго собора. Какъ и въ Палестинѣ, здѣсь распространился слухъ, будто на Халкидонскомъ соборѣ введено новое ученіе. Слухъ этотъ быстро разнесся между египетскими монахами и нашель для себя въ нихъ благоспріятную почву. Но особенно ярыхъ приверженцевъ нашель онъ въ монахахъ и черни Александріи. „Чернь эта, по свидѣтельству Евагрія (II, 5), была многочисленна, состояла изъ людей грубыхъ и разноплеменныхъ, дерзкихъ и склонныхъ къ порывамъ. Всякій желающій, ухватившись за малѣйшій случай, могъ возбудить этотъ городъ къ народному возстанію, вести его и двигать куда угодно“. Этой черни принадлежитъ выдающееся мѣсто въ монофизитскихъ волненіяхъ Египта. Въ вожакахъ этихъ волненій, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не было недостатка.

Въ первый разъ волненія обнаружались по случаю поставленія православнаго Патріарха св. Протерія на мѣсто низложеннаго Діоскора. Многіе не хотѣли признать св. Протерія законнымъ патріархомъ, и считали таковымъ Діоскора. Началось волненіе. Для усмиренія его былъ посланъ отрядъ солдатъ. Толпа оказалась сильнѣе; солдаты принуждены были спасаться отъ нея въ бывшемъ храмѣ Сераписа. Храмъ этотъ былъ

подоженъ и солдаты все сгорѣли живыми. Для усмиренія Александріи былъ посланъ императоромъ отрядъ войка, состоящій изъ 2000 человекъ. Но этотъ отрядъ своими насиліями надъ жителями Александріи еще болѣе увеличилъ волненіе. Только мѣрами кротости на время удалось утишить возстаніе. Но не смотря на то, что возстаніе прекратилось, Протерій не чувствовалъ себя вполне безопаснымъ. Его жизни постоянно угрожала опасность со стороны евтихіанъ. „Префектъ далъ ему стражу и второй патриархъ Востока совершалъ священнодѣйствія подъ охраною солдатъ, очень часто среди аріанъ или язычниковъ“ (Ев. II, 5, Liber. XV Thierry 409).

Услыхавъ о волненіяхъ въ Палестинѣ, св. Левъ предчувствовалъ, что подобное будетъ и въ Египтѣ. Еще прежде чѣмъ дошло какое либо извѣстіе о волненіяхъ въ Египтѣ, онъ спрашивалъ Юліана Коссаго: „Я желаю знать, насколько спокойны египетскіе монахи, какой они вѣры, а также о томъ, что доносится до васъ изъ вѣрныхъ источниковъ о мпрѣ Александрійской церкви“ (Ер. CXIII, 3). Узнавши о всѣхъ вышеизложенныхъ событіяхъ Александріи, св. Левъ побуждаетъ Юліана (Ер. CXVII) ходатайствовать предъ императоромъ о томъ, чтобы „онъ ихъ усмирилъ надлежащимъ образомъ, чтобы не остались безъ наказанія ни тѣ, чья рука совершила преступленія, ни тѣ, которые пользуются ихъ неистовствомъ“. Св. Левъ просилъ объ этомъ и самого Маркіана. Онъ писалъ ему (Ер. CXXVI 9 янв. 454 г.): „въ Египтѣ еще не разсѣялся прежній мракъ и еще не возблисталъ свѣтъ истины. И такъ пусть Египетъ не отягощается заразой печестиваго Діоскора; пусть Господніи овцы не любятъ неблагоразумной страстью какъ пастыря того, кто былъ для нихъ, какъ это они испытали, жесточайшимъ опустошителемъ вѣры и правовъ“.

Но между печальными извѣстіями изъ Египта были и радостныя. Св. Левъ получилъ отъ Александрійскаго епископа св. Протерія общительное посланіе, въ которомъ онъ показалъ себя вполне православнымъ (Ер. CXXVII). Въ отвѣтъ на посланіе св. Протерія, св. Левъ писалъ ему (Ер. CXXIX отъ 10 марта 454 г.): „Меня обрадовало посланіе твоей любви“.... Предстоятелю Александрійской церкви слѣдовало, по нему, послать къ апостольской каведрѣ такое посланіе для доказательства

того, что Египтяне подь руководствомъ блаженнѣйшаго апостола Петра научены его ученикомъ блаженнымъ Маркомъ тому, чему, какъ извѣстно, вѣрятъ Римляне. Но такъ какъ эта вѣра не есть вѣра всеобщая и коварный искуситель старается вселить въ неопытные умы заблужденія, противныя евангельской истинѣ. то представителямъ церкви нужно всѣми силами стараться объ отвращеніи этой опасности, объ отвращеніи отъ простыхъ народныхъ думъ всякой лжи, прикрашенной нѣкоторымъ подобіемъ истины.

Для успѣшнаго противодѣйствія врагамъ православной вѣры нужно держаться того, что намъ предано апостолами и святыми мужами. Онъ, Левъ, въ своемъ посланіи къ блаженной памяти Флавіану противъ Евтихія о воплощеніи Господа нашего Иисуса Христа нисколько не уклонился отъ той нормы вѣры, которую защищали предки. Враги Креста Христова, дѣлающіе козни словамъ и слогамъ этого посланія, обвиняють его въ несторіанствѣ, тогда какъ въ немъ сдѣлано все, чтобы не дать къ этому повода. Чтобы показать, что не введено ничего новаго, нужно напередъ всенародно читать творенія Аѳанасія, Теофила, Кирилла и тогда, наконецъ, его посланіе къ Флавіану. Въ заключеніи св. Левъ проситъ св. Протерія соблюдать привилегію своей кафедры противъ „безчестнаго домогательства нѣкоторыхъ“ (*improbae quorundam ambitioni*,—разумѣется св. Анатолій).

Въ одно время съ письмомъ къ св. Протерію св. Левъ послалъ письмо къ Маркіану (Ер. СХХХ) и Юліану Косскому (СХХХІ). Въ этихъ письмахъ св. Левъ выражаетъ свою радость по поводу посланія къ нему Протерія, изъ котораго онъ узналъ, что тотъ чистосердечно исповѣдуетъ православную вѣру. Въ виду порчи со стороны еретиковъ его посланія къ св. Флавіану, св. Левъ проситъ Юліана—вновь перевести его, а императора—послать переводъ Юліана въ Александрію за своей печатью (*sub vestri signaculi impressione*).

Такова была дѣятельность св. Льва, направленная къ подавленію беспорядковъ въ Александріи. Эти беспорядки, на время затихшіе, возобновились опять съ большею силою, лишь только въ Александріи узнали о смерти импер. Маркіана. Предводителемъ мятежниковъ явился пресвитеръ александрійской церкви Тимофей Елуръ. Это былъ человѣкъ „лишенный всякаго

добра и способнѣйшее орудіе діаволскаго ума“ (Д. IV, 469). Онъ былъ послѣ Халкидонскаго собора сосланъ въ ссылку за приверженность къ ученію Аполлинарія. Лишь только распространилась вѣсть о смерти Маркіана, какъ онъ явился въ Александрію, „собралъ мятежную и подлую чернь и вооружилъ ее противъ святыхъ правилъ церковнаго благочинія, цѣлаго государства и законовъ; онъ напалъ на святую церковь Божию... Онъ счелъ себя получившимъ первосвященнической престолю при помощи двухъ, бывшихъ, какъ и онъ въ ссылкѣ, епископовъ“ (Д. IV, 470). Въ это время въ Александріи не было военачальника. Онъ былъ въ верхнемъ Египтѣ (Perth. III). Возвратившись отсюда, онъ изгналъ Тимофея, но спустя нѣсколько дней начались волненія, жертвою которыхъ сдѣлался св. Протерій. Онъ былъ убитъ въ крещальнѣ, гдѣ было онъ хотѣлъ скрыться отъ преслѣдованія своихъ враговъ. Его трупъ „звѣрски влчили по городу, безъ милосердія поражали ударами, разсѣкли на части и не удержались, на подобіе собакъ, кусать внутренности этого мужа. Наконецъ предали останки тѣла его огню и разсѣяли пепель его по вѣтру, превосходя въ свирѣпости дикихъ звѣрей (Д. IV, 172). Тимофей сталъ поубіеніи св. Протерія преслѣдовать православныхъ епископовъ и пресвитеровъ и на мѣсто ихъ свавить еретиковъ. Положеніе изгнанныхъ было очень тяжелое; они должны были „проводить жизнь боязливѣе зайцевъ и лягушекъ“. (Д. IV, 475). „Монастыри, издавна прославившіеся православною вѣрой, мужскіе и женскіе были разрушены“ (Д. IV, 781). Не удовольствовавшись этимъ, онъ анаематствовалъ Халкидонскій соборъ, св. Протерія, св. Кирилла и вообще всѣхъ, кто держался Халкидонскаго собора. Многіе изъ лишенныхъ своихъ мѣстъ епископовъ и клириковъ прибыли въ Константинополь и подали здѣсь жалобы императору Льву и архіепископу Анатолю. (Д. IV, 466—490). Они просили удалить Тимофея и позволить православнымъ епископамъ поставить себѣ новаго архіепископа. Просили сообщить о случившемся архіепископамъ: римскому, антioxійскому, іерусалимскому, ессалоникійскому, ефесскому и другимъ, кому императоръ сочтетъ нужнымъ, чтобы они дали знать, „что опредѣлено правилами святыхъ отцевъ на случай такихъ злодѣяній“. Они просили, если будетъ на то

согласіе императора созвать вселенскій соборъ „для спасенія вѣрующихъ народовъ и для благосостоянія святыхъ церквей, чтобы положить конецъ тѣмъ беззаконнымъ дѣламъ, которыя совершены Тимофеемъ, дабы и другимъ людямъ не представился случай дѣлать подобное“. Между тѣмъ Тимофей и его единомышленники послали отъ себя посольства съ письмами къ императору. Въ этихъ письмахъ говорилось о томъ, что Тимофей избранъ епископомъ единогласно клиромъ и народомъ, что въ Александріи все спокойно, что касается ихъ „упованія и вѣры“, то они принимаютъ Никейскій символъ, „имѣютъ общеніе съ соборами, бывшими въ Ефесѣ: собора же 150 отцевъ не знаютъ; но знаютъ, что блаженные отцы архіепископы послѣ собора (?) собирались также въ константинопольской церкви“. Относительно Халкидонскаго собора прямо заявлено, что „церковь великаго города Александріи его не принимаетъ“. (Д. IV, 490—2).

Св. Левъ узналъ объ этихъ событіяхъ въ Александріи по слухамъ. Онъ обратился къ Юліану Косскому (CXLIV отъ 1-го іюня 457 г.) и просилъ его извѣстить точнѣе объ Александрійскихъ событіяхъ, о которыхъ онъ ничего не узналъ „изъ вѣрнаго источника“. Вѣрныя извѣстія св. Левъ впервые получилъ отъ св. Анатолія. Извѣщая его о томъ, что произошло въ Александріи, св. Анатолій, кромѣ этого, сообщилъ ему и то, что императоръ намѣренъ для умиротворенія церкви созвать вселенскій соборъ. Узнавъ точно объ александрійскихъ событіяхъ и намѣреніи императора, св. Левъ написалъ императору письмо (CXLV 11 іюня 457), въ которомъ просилъ его „не позволять спорить относительно того, что постановлено о воплощеніи Господа Христа на святомъ Халкидонскомъ соборѣ“, поставить въ Александріи новаго епископа и позаботиться о прекращеніи возникшихъ здѣсь волнепій еретиковъ. Одновременно (т. е. 11 іюня) св. Левъ писалъ св. Анатолію (CXLVI) и Юліану Косскому (CXLVII). Онъ проситъ ихъ ходатайствовать предъ императоромъ о сохраненіи постановленій Халкидонскаго собора, о недопущеніи споровъ относительно вѣроопредѣленій. Юліана онъ, кромѣ того, упрекаетъ въ слишкомъ продолжительномъ молчаніи, тогда какъ время требуетъ насколько возможно частаго сношенія, и проситъ ходатайствовать предъ императоромъ о избраніи въ Александріи православнаго патріарха.

Св. Левъ не безъ цѣли такъ сильно возставалъ противъ всякихъ споровъ о вѣроопредѣленіи Халкидонскаго собора, другими словами, противъ созванія новаго вселенскаго собора. Ему казалось, что созваніемъ новаго собора набрасывается тѣнь сомнѣнія на Халкидонскій соборъ, дѣлается уступка еретикамъ. Въ требованіи еретиковъ созванія новаго собора, св. Левъ видѣлъ „усилія ихъ испровергнуть авторитетъ Халкидонскаго собора“ (СXLV, 2). Понятна послѣ этого его радость, когда онъ узналъ, что императоръ держится постановленій Халкидонскаго собора. Онъ написалъ ему письмо (СXLIII отъ 1 сен. 457 г.) съ выраженіемъ самой живой радости по поводу того, что онъ является стражемъ Халкидонскаго собора для мира всего міра, что еретическое нечестіе не можетъ восторжествовать никакимъ своимъ замысломъ“.

Но еретическая партія была сильна. Она имѣла значительное число послѣдователей въ самомъ Константинополѣ, изъ которыхъ многіе пользовались вліяніемъ при дворѣ. Св. Левъ боялся, какъ бы эта партія не склонила императора на свою сторону. Чтобы, при случаѣ, дать отпоръ еретической партіи св. Левъ заботится о возможно болѣе тѣсномъ общеніи и единеніи между собою православныхъ. Опъ пишетъ съ этою цѣлію посланія къ Василию Антиохійскому ¹⁾, къ Евксинѣю Фессалоникійскому, св. Ювеналію Іерусалимскому, Петру Коринѣскому и Лукѣ Дирахійскому. (Ер. СXLIX и сл. отъ 1 сент. 457). Всѣхъ ихъ св. Левъ убѣждалъ стоять за опредѣленія Халкидонскаго собора. Это необходимо въ виду того, что ему, Льву, извѣстно, что всемилостивѣйшій императоръ и великолѣпный мужъ Патрикій со всѣмъ синклитомъ славныхъ властей ничего не допустятъ сдѣлать еретикамъ для возмущенія церкви, если они увидятъ, что пастырскія души ни въ чемъ не сомпѣваются“. вмѣстѣ съ тѣмъ св. Левъ старается ободрить и утѣшить несчастныхъ, египетскихъ епископовъ, которые „предпочли претерпѣть всѣ лишенія переселенія, чѣмъ оскверниться заразой нечестія“. Св. Левъ написалъ имъ утѣшительное посланіе (Ер.

¹⁾ Василій Антиохійскій былъ только недавно поставленъ въ епископы Антиохіи. Св. Левъ еще не получилъ отъ него общительнаго письма. Но онъ извѣстенъ былъ св. Льву, какъ человекъ вполне православный и онъ рѣшилъ вступить въ общеніе съ нимъ, не дожидаясь отъ него общительнаго посланія (Ер. СXLIX).

CLIV отъ 11 окт. 457 г.), въ которомъ выражаетъ надежду на лучшее будущее—на изгнаніе изъ Александріи еретиковъ. Эта надежда имѣеть основаніемъ то, что самъ императоръ твердо держится опредѣленій Халкидонскаго собора. Правда имъ пришлось много перенести, много перестрадать; но они должны знать, что они ничего не потеряли изъ своего, но заслужили очень многое. Ихъ короткое страданіе приближаетъ ихъ къ вѣнцу исповѣдниковъ. Что-бы убѣдить императора въ бесполезности собранія вселенскаго собора, св. Левъ отправилъ къ нему свое посланіе съ подписями итальянскихъ и галльскихъ епископовъ (Ер. CLIII къ Аэцію, 1 сент. 457).

Императоръ Левъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія созвать вселенскій соборъ. Ему ясно представлялись всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ сложнымъ и хлопотливымъ дѣломъ. Убѣдившись въ чрезвычайной трудности созванія вселенскаго собора, Левъ рѣшился на слѣдующую остроумную мѣру. Онъ разослалъ ко всѣмъ провинціальнымъ епископамъ описаніе Александрійскихъ событій (*scripsit singularum civitatum de utroque negotio*) и просилъ ихъ мнѣнія относительно правильности поставленія Тимофея Елура, а также относительно опредѣленія Халкидонскаго собора. вмѣстѣ съ тѣмъ и св. Анатолий послалъ извѣщеніе о тѣхъ же событіяхъ ко всѣмъ епископамъ, бывшимъ на Халкидонскомъ соборѣ (*Liberat. brev. XV. Migne LVIII, 1018*).

Присланные на эти посланія отвѣты были противъ Тимофея, единогласно признавшаго достойнымъ изложенія. Всѣ также единогласно высказались за неизмѣнное слѣдованіе опредѣленіямъ Халкидонскаго собора ¹⁾. Св. Левъ также получилъ посланіе отъ императора съ просьбой высказать свой взглядъ на событія въ Александріи. Св. Левъ написалъ по этому поводу довольно обширное посланіе (Ер. CLVI отъ 1-го дек. 457 г.). Онъ убѣждалъ императора держаться опредѣленій Халкидонскаго собора, противъ котораго такъ сильно ратуетъ неудер-

¹⁾ Впрочемъ въ посланіи епископовъ Памфилин, отрицается символическое значеніе вѣроопредѣленія Халкидонскаго собора. „То, что сказано было на святомъ соборѣ, говорится здѣсь, (Д. IV, 577) не есть символъ или формула, а скорѣе опроверженіе еретическаго заблужденія“. Соборъ въ Сидѣ совершенно отвергалъ Халкидонскій соборъ; но Тимофей, все таки, считалъ достойнымъ изложенія (Arendt 389).

жимая ярость и слѣпое нечестіе еретиковъ. Эти люди начертали себѣ дѣло, достойное всякаго презрѣнія и отвращенія. Еретики, притворно принимающіе видъ будто они содержатъ вѣру Никейскаго собора, говорятъ, что на Халкидонскомъ соборѣ постановлено противное Никейскому собору. Но это совершенно ложно; этого никакъ не могло случиться. И такъ, нужно всѣми силами стараться обуздать незаконныя дерзости. Нужно прогнать похитителя чужаго права и преобразовать престолъ Александрійской церкви по древней вѣрѣ. Всѣ другіе еретики не только не могутъ быть допущены къ достоинству священства, но заслуживаютъ быть лишенными самаго имени христіанскаго. И такъ, нисколько не нужно колебаться относительно того, какъ поступить съ еретиками, совершившими столько беззаконныхъ святотатствъ, пролившихъ кровь примѣрнѣйшаго первосвященника. Для императора великое дѣло—присоединить къ діадемѣ изъ десницы Господа вѣнецъ вѣры и восторжествовать надъ врагами церкви. Чтобы не слишкомъ длинно растянуть страницы настоящаго посланія, св. Левъ говоритъ, что онъ изложилъ въ другомъ посланіи (посланіе это Ер. CLXV) то, „что согласно съ католической вѣрой“. Это письмо послано было съ особымъ посольствомъ 17-го августа 457 года. Оно представляло изъ себя ни что иное, какъ письмо къ палестинскимъ монахамъ, дополненное нѣкоторыми вставками. Къ нему приложены свидѣтельства оо. церкви о таинствѣ воплощенія, которыя, по мнѣнію Баллерини, суть тѣ же, что были приложены къ 28 посланію при отправленіи его на 4-й Вселенскій соборъ.

Въ одно время (10-го дек. 457 г.) съ посланіемъ къ императору св. Левъ написалъ къ Юліану Косскому (Ер. CLVII). Св. Левъ проситъ его ходатайствовать предъ императоромъ объ освобожденіи Александрійской церкви отъ преступниковъ. „Какое, говоритъ онъ, можетъ быть мѣсто въ церкви совершившимъ такое неслыханное преступленіе, даже если бы они приняли вселенскую истину?“ Но не щадя еретиковъ, св. Левъ утѣшалъ и ободрялъ православныхъ египетскихъ епископовъ, живущихъ въ Константинополѣ. Онъ послалъ имъ вторично утѣшительное посланіе (Ер. CXVIII отъ 1-го дек. 457 г.), въ которомъ выражаетъ надежду, что императоръ по своему благочестію по-

старается освободить Египетъ отъ всего, что сдѣлано здѣсь неистовствомъ еретиковъ, и возвратить церквамъ ихъ пастырей.

Но еретическая партія также не бездѣйствовала. Она добилась отъ императора пазначенія публичнаго разсужденія между православными и еutihianaми. Св. Льву было послано приглашеніе послать съ своей стороны легатовъ. Извѣстіе о назначеніи этой комиссіи было крайне непріятно для св. Льва. Онъ былъ убѣжденъ, что это уступка еретикамъ, что назначать публично разсужденіе о разностяхъ между православіемъ и еutihianствомъ значить считать православное ученіе „сомнительнымъ или нетвердымъ“.

Въ этомъ смыслѣ св. Левъ отвѣтилъ императору (Ер. CLXII отъ 21 март. 457 г.). Онъ писалъ, что исполнить требованіе императора относительно отправления пословъ въ Константинополь. Но эти послы имъ назначаются совсѣмъ не для разсужденій о вѣрѣ; онъ, Левъ, не осмѣливается входить въ какія-либо разсужденія относительно опредѣленій Никейскаго и Халкидонскаго соборовъ. Послы отправляются только для того, чтобы показать, какъ вѣруетъ апостольскій престоль. Вообще св. Левъ совѣтуетъ тщательно „избѣгать того, чего стремится достигнуть еретическій обманъ“.

Общанное св. Львомъ посольство было отправлено около 17-го числа августа 457 г. какъ это видно изъ даты писемъ (CLXIV и CLXV), отправленныхъ къ императору. Одно изъ этихъ двухъ писемъ (CLXIV) содежитъ въ себѣ развитіе (болѣе полное) извѣстныхъ уже взглядовъ св. Льва на бесполезность споровъ съ еретиками относительно разности православія отъ еutihianства. Другое (CLXV) посланіе есть общанное прежде (въ письмѣ CLVI) изложеніе того, „что согласно съ католической вѣрой“.

Неизвѣстно, происходилъ ли споръ православныхъ съ еретиками или нѣтъ; ничего также неизвѣстно о дѣятельности въ Константинополѣ папскихъ легатовъ. Вѣроятно императоръ, подъ вліяніемъ получаемыхъ отовсюду посланій митрополитовъ, содержащихъ осужденіе дѣйствій Тимофея Елура, рѣшилъ не церемониться съ еретиками. Тимофеей Елуръ былъ удаленъ изъ Александріи и сосланъ въ Гангры, а впослѣдствіи въ Херсонесъ. Но его друзья выхлопотали ему возможность прежде отправления въ ссылку лично явиться къ императору. По этому

поводу св. Левъ написалъ письма къ императору (CLXIX 17 іюня 460 г.) и св. Геннадію, (CLXX дата та же) преемнику, умершаго св. Анатолія (458).

Въ письмѣ къ императору св. Левъ выражаетъ живую радость по поводу того, что изъ Александріи изгнанъ (jugo depulsus) безчестный убійца; и народъ Божій, надъ которымъ настоятельствовавь этотъ нечестивый разбойникъ, возвратился къ прежней свободѣ вѣры. Теперь, видя изгнаніе разсадника ядовъ въ лицѣ самого виновника всего этого, народъ александрійскій можетъ быть обращенъ проповѣдью, вѣрныхъ священниковъ на путь спасенія. Нечестиваго Тимофея, виновника всѣхъ беспорядковъ въ Александрійской церкви, нужно удалить изъ Александріи, даже если бы онъ принесъ полное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ.

Въ письмѣ къ св. Геннадію (Ер. CLXX) св. Левъ жалуется на то, что Тимофею, изгнанному изъ Александріи, „по ходатайству нѣкоторыхъ противниковъ вѣры, дозволено придти въ Константинополь“. Св. Левъ настаиваетъ на томъ, чтобы не возвращать его на Александрійскую кафедру и не вступать, если бы онъ даже оказался православнымъ, съ такимъ нечестивцемъ ни въ частныя, ни въ публичныя бесѣды. Тимофей Елуръ александрійской кафедры не получилъ. На мѣсто его былъ поставленъ Тимофей Салафаліонъ. Это былъ кроткій и добрый человекъ, сумѣвшій снискать себѣ любовь и уваженіе даже еретиковъ. Св. Левъ въ отвѣтъ на его общительное посланіе (не дошедшее до насъ) послалъ письмо (CLXXI отъ 18 августа 460 г.), въ которомъ выражаетъ радость по поводу его избранія и посвященія на александрійскую кафедру и обращается съ просьбой дѣйствовать въ томъ духѣ, чтобы „въ народѣ Божіемъ не могло остаться никакого слѣда заблужденія несторіанскаго или еutihianскаго“. Одновременно св. Левъ послалъ письма къ нѣкоторымъ египетскимъ епископамъ, а также къ александрійскому клиру (CLXXII) въ отвѣтъ на ихъ, не дошедшія до насъ, посланія. Въ этихъ письмахъ св. Левъ радуется о низверженіи того, кто былъ „подражателемъ діавола“ и о возведеніи на александрійскій престолъ новаго пастыря, любящаго свое стадо и любимаго имъ. Въ заключеніи совѣтуетъ соблюдать миръ между собою и заботиться объ исправленіи удалившихся отъ пути истины еретиковъ.

Дѣятельность св. Льва противъ евтихіанства въ Константинополѣ.

Не мало безпокоило св. Льва распространеніе евтихіанства въ самомъ Константинополѣ. Намъ уже извѣстно, что св. Левъ не мало заботился объ удаленіи изъ предѣловъ Константинополя Евтихіа. Письмо объ Евтихіи было послано въ 454 году (Ер. СХХІV. 2). Въ этомъ же году св. Левъ просилъ императора удалить распространившаго ядъ евтихіанства и развратившаго многія сердца въ высшей степени невѣжественнаго и развращеннаго монаха Кароза ¹⁾ (Ер. СХХХІV). Императоръ уважилъ просьбу св. Льва. Карозъ, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ Дорофеемъ, были удалены (Ер. СХLII, 2). Св. Левъ, все таки, сильно безпокоился относительно состоянія Константинопольской церкви. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Константинополѣ, гдѣ получило начало евтихіанство, существуетъ не мало приверженцевъ его. По крайней мѣрѣ, св. Левъ проситъ Анатолія бодрствовать и заботиться о подавленіи и искорененіи остатковъ нечестивыхъ людей. Дѣйствительно, въ 457 году, подъ влияніемъ смерти Маркіана евтихіанство не замедлило обнаружиться.

Съ проповѣдью въ пользу евтихіанства выступилъ нѣкій пресвитеръ, Атиккъ. Узнавъ объ этомъ, св. Левъ написалъ къ Анатолію письмо (СLI отъ 1 сент. 457 г.) съ просьбою: если Атиккъ окажется съ сердцемъ, содержащимъ еретическій ядъ, то или исправить его или изгнать изъ церкви съ подлежащей строгостью.

Въ октябрѣ (11 числа) этого же года св. Левъ опять написалъ св. Анатолію (Ер. СLV), прося его пребывать въ святой бодрости, пока десница Господня творить силу (пс. 17, 16). При этомъ св. Левъ выражалъ, что ему „чрезвычайно не нравится“ (*illud sane plurimum mihi displicere significo*) то, что въ Константинополѣ нѣкоторые клирики сочувствуютъ развращенію противниковъ вѣры. Таковыхъ должно наставлять и поощрять къ вѣрѣ съ надлежащей строгостью. Для церкви лучше лишиться нѣкоторыхъ святыхъ членовъ, чѣмъ подпасть подъ вѣчное наказаніе. Св. Левъ обращается съ просьбами не только къ самому Анатолію, но и къ императору. Онъ проситъ его лишать еретиковъ не только степеней клира, но даже

¹⁾ Балзервилл (Migne, LIV, 1111) на основаніи замѣчанія Cod. Ratisp. полагаютъ, что этотъ Карозъ не имѣетъ ничего общаго съ Карозомъ, выступавшимъ на 4 Вс. соб.

прогонять изъ города (Ер. CLVI, 6). Но св. Анатолий по какимъ то причинамъ медлилъ исполненіемъ желанія св. Льва. Св. Левъ обратился къ нему съ вторичною просьбою отлучить отъ общенія этого человѣка, зараженнаго язвой (евтихіанства). Если онъ пожелаетъ остаться въ общеніи съ православіемъ, то пусть онъ отречется отъ евтихіанскаго ученія съ того самаго мѣста, съ котораго онъ проповѣдывалъ противъ православія Св. Левъ убѣждаетъ также прекратить общеніе съ Аттікомъ даже Константинопольскій клиръ (Ер. CLXI отъ 21 марта 458).

Между тѣмъ св. Анатолий извѣстилъ св. Льва, что Аттікъ, отвергнувъ свои заблужденія и представилъ православное исповѣданіе вѣры. Это исповѣданіе было приложено къ письму св. Анатолія (не дошло до насъ). Св. Левъ отнесся очень недовѣрчиво къ обращенію Аттіка къ православію и къ его исповѣданію. Ему казалось это исповѣданіе недостаточнымъ, такъ какъ тутъ говорилось только о томъ, что „ему ненавистенъ Евтихій“, и ничего относительно того, что онъ осуждаетъ его заблужденіе Св. Левъ требовалъ, чтобы Аттікъ подписалъ вѣроисповѣданіе Халкидонскаго собора и эту подпись прочиталъ предъ всѣмъ народомъ.

Чѣмъ дѣло это кончилось—неизвѣстно, такъ какъ св. Анатолий въ 458 году умеръ.

Кончина св. Льва.

Мы кончили свой рассказъ о жизни и дѣятельности св. Льва. Остается сказать нѣсколько словъ о времени его кончины. Это опредѣляютъ различно. Одни днемъ его кончины считаютъ 11 апрѣля, другіе 28 іюня; Кенель 30 октября, Антонъ и Францискъ Паги 4 ноября 461 года. Баллерини считаютъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что кончина св. Льва послѣдовала 10 ноября 461 года. Основаніемъ для нихъ служитъ *Martyrologium Hieronymianum*, какъ самый древній изъ такого рода памятниковъ. Всѣ (*omnia*) дошедшіе до насъ экземпляры этого *martyrologium*'а свидѣтельствуютъ, что кончина св. Льва послѣдовала IV idus Novembris=10 ноября (Migne, LV, 319—20). Къ этому мнѣнію присоединяются и позднѣйшіе изслѣдователи: Langen (102) и отчасти Arendt (403).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

ГАДАНИЯ УЧЕНЫХЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ МІРА.

Развѣ не знаете? развѣ вы не слышали? развѣ вамъ не говорено было отъ начала? развѣ вы не уразумѣли изъ основаній земли? Онъ есть Тотъ, Который возсѣдаетъ надъ кругомъ земли..... Онъ распростеръ небеса, какъ тонкую ткань, и раскинулъ ихъ, какъ шатеръ для жилья..... Поднимите глаза ваши на высоту *небесъ* и посмотрите, кто сотворилъ ихъ. Кто выводитъ воинство ихъ счетомъ? Онъ всѣхъ ихъ называетъ по имени: по множеству могущества и великой силѣ у Него ничто не убываетъ.

Исаин XL, 21, 22, 26.

Formation mécanique du système du monde par le vicomte R. du Ligondés,
L-t colonel d'Artillerie. Gauthier-Villards. Paris. 1897.

Двѣ идеи были чужды до-христіанскому міру: идея вѣчнаго существованія міра и идея мгновеннаго возникновенія его по творческому „да будетъ“. Въ космогоніяхъ древнихъ народовъ образованіе міра представлялось, какъ долгій по большей части болѣзненный процессъ. Возникновеніе міра представлялось или пантеистически, при чемъ боги должны были рубить себѣ головы, чтобы изъ своей крови производить созданія, или міръ мыслился, какъ результатъ медленнаго созданія его благимъ Творцомъ, испорченный богомъ злымъ. Какъ идея эманации, такъ и идея творенія въ различныхъ ученіяхъ принимали различную окраску и осложнялись различными подробностями. Но во всѣхъ этихъ ученіяхъ всегда утверждались два положенія: что міръ невѣченъ и что онъ возникъ не сразу. Эти положенія, какъ истину, возвѣщало послѣдователямъ истинной рели-

гн и Божественное Откровеніе. Міръ былъ вызванъ изъ небытія къ бытію Творцомъ, но онъ явился не сразу во всей своей настоящей красотѣ, но сначала былъ „невидимымъ и неустроеннымъ“. Постепенно онъ преобразовывался творческимъ всемогуществомъ, онъ сталъ хорошимъ и наконецъ, когда на немъ, уже вполнѣ устроенномъ, покрытомъ растеніями, изобилующимъ животными, появился человѣкъ, онъ сталъ „хорошимъ весьма“.

Такъ, и откровенное ученіе, и естественная мысль въ вопросѣ о происхожденіи міра согласовались между собою въ двухъ существенныхъ пунктахъ—въ отрицаніи вѣчности міра и въ признаніи, что твореніе или (у пантеистовъ) образованіе міра не было актомъ мгновеннымъ, но болѣе или менѣе продолжительнымъ процессомъ. Ко времени пришествія Христа однако у нѣкоторыхъ, должно полагать, довольныхъ строемъ жизни на землѣ, стала развиваться мысль объ абсолютной устойчивости земли и вѣчномъ строеѣ этой жизни (2 Петр. III, 4). Эта мысль впоследствии стала—хотя и въ измѣненномъ видѣ—догматомъ материалистической философіи. Въ противоположность этой мысли, утверждавшей вѣчность міра въ прошедшемъ, въ христіанской церкви въ первые вѣка возникло и нѣкоторыми усердно защищалось мнѣніе, что міръ былъ созданъ мгновенно. Ревностные Богословы находили плохо совмѣстимымъ съ Всемогуществомъ Божіимъ ученіе о постепенности и послѣдовательности творенія. Они пришли къ заключенію, что повѣствованіе первой главы кн. Бытія нужно понимать не буквально, что она представляетъ собою не описаніе дѣйствительной исторіи, а аллегорію, имѣющую цѣлью назиданіе. По мнѣнію Климента Александрійскаго, всѣ твари были созданы заразъ. Онъ полагалъ, что различіе шести дней въ Моисеевомъ повѣствованіи не указываетъ дѣйствительной послѣдовательности времени, но представляетъ собою лишь пріемъ, которымъ бытописатель приспособлялся къ нашему разумѣнію и къ нашему способу понимать вещи, представляя въ видѣ послѣдовательной лѣстницы существа, которыя составляютъ вселенную. „День, въ который Богъ сотворилъ міръ, есть Слово“ ¹⁾. Оригенъ, ученикъ Кли-

¹⁾ Ημέρα γὰρ εἶρηται ὁ Λόγος. Strom. VI, 16. Migne. Patr. gr. t. IX. 369 и 376.

мента, тоже признавалъ, что міръ былъ сотворенъ мгновенно. Онъ основывалъ этотъ взглядъ на повѣствованіи кн. Бытія о четвертомъ днѣ. „Навозможно, говорилъ онъ, понять дни съ утромъ и вечеромъ безъ солнца и безъ луны. Нельзя раздѣлять твореніе на многіе дни прежде, чѣмъ были дни. Это только образъ, которымъ Моисей обозначаетъ постепенность тварей“¹⁾. Впослѣдствіи у православныхъ богослововъ явилось еще побужденіе настаивать на мгновенномъ созданіи міра. Когда аріане стали говорить, что Христосъ только „первороденъ всея твари“ (Колос. 1, 15), нѣкоторые изъ отцовъ церкви, обличая неправильное пониманіе текста аріанами, настаивали на томъ, что самое дѣленіе тварей по времени ихъ происхожденія въ аріанскомъ (буквальномъ) смыслѣ несостоятельно. „Никакое созданіе не старше другаго, восклицалъ св. Аѳанасій Великій въ спорѣ противъ аріанъ. всѣ виды были созданы заразъ однимъ и тѣмъ же повелѣніемъ“²⁾.

Но аріанская ересь исчезла. Богословы выяснили себѣ, что послѣдовательное твореніе, какъ и твореніе мгновенное, можетъ быть дѣломъ только Всемогущаго, и идея мгновеннаго творенія, не подтверждаемая Откровеніемъ, не имѣющая для себя основанія въ мысли и опытѣ, умерла, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Этого не случилось съ идеею вѣчнаго существованія міра. Она не сохранилась въ той формѣ, что земля стояла отъ вѣка и будетъ стоять во вѣкъ, но она переработалась въ ученіе о круговоротѣ жизни во вселенной. Теорія вѣчнаго круговорота легла въ основу матеріалистической и нѣкоторыхъ видовъ пантеистической (хотя логичнѣе было бы принять ее всѣмъ видамъ пантеизма) философіи. Въ настоящее время эта теорія имѣетъ чрезвычайно многочисленныхъ поклонниковъ, сторонники ея именуютъ себя послѣдователями научной философіи и утверждаютъ, что ихъ представленія о вѣчности міра покоятся на незыблемомъ фундаментѣ науки.

1) De principiis. 1, IV, 16. Migne. Patr. gr. T. XI. col. 376—377.

2) Τῶν κτημάτων οὐδὲν ἕτερον τοῦ ἑτέρου προέχονεν, ἀλλ' ἀθρόως ἅμα πάντα τὰ γένη ἐνὶ καὶ τῇ αὐτῇ προστάξει ὑπέστη. Or. 11 contr. arianos. n° 60. Migne Patr. graec. T. XXVI col. 276. См. также or. 11 contr. arianos n° 49 col. 249 st. n° 11 col. 169.

Такого мнѣнія относительно этой философіи держатся и многіе люди науки.

Но въ своей глубочайшей основѣ эта теорія стоитъ въ противорѣчїи и съ требованіями, присущими природѣ человѣческаго духа, и съ тѣмъ, что люди дѣйствительно успѣли узнать о природѣ. Жизнь природы, поскольку ее выяснили по крайней мѣрѣ на землѣ по отношенію къ прошедшему, оказалась не вѣчнымъ вращеніемъ колеса на одномъ и томъ же мѣстѣ, но процессомъ постепеннаго развитія. Низшія формы жизни на землѣ постепенно вытѣснялись болѣе высшими, палеонтологія прослѣдила это на растительномъ и животномъ, а исторія— на человѣческомъ мірѣ. Этотъ процессъ развитія, наблюдаемый въ мірѣ органическомъ, привелъ ученыхъ къ мысли, что и строй міра неорганическаго явился результатомъ нѣкотораго процесса развитія, что міръ въ прошедшемъ не былъ такимъ, каковъ онъ теперь, но что онъ возникъ постепенно, образовался, произошелъ изъ чего-то, совсѣмъ не похожаго на то, что онъ есть. Стали дѣлать предположенія о томъ, изъ чего и какъ онъ возникъ, такъ явились космогоническія гипотезы— гипотезы о происхожденіи міра.

Однако нужно сдѣлать оговорку относительно термина „происхожденіе“. Всѣ ученые, предлагавшіе гипотезы о происхожденіи міра подъ вопросомъ о происхожденіи міра понимали вопросъ объ образованіи извѣстной намъ вселенной изъ готоваго уже матеріала, т. е., изъ матеріи, обладавшей всѣми силами и свойствами, которыя открыты или будутъ въ ней открыты наукой. Вотъ почему совершенно напрасно книги, говорящія о происхожденіи міра, считаютъ болѣе безбожными, чѣмъ какіе-либо повидимому совершенно невинные и скромные учебники по химіи, одна изъ первыхъ главъ которыхъ часто носитъ заглавіе „вѣчность вещества“ или „о вѣчности матеріи“. Изъ лицъ, предложившихъ гипотезы о происхожденіи міра (мы разумѣемъ авторовъ важнѣйшихъ гипотезъ), одного Лапласа подозрѣвали въ безбожїи, да и то его соотечественникъ Фай отрицаетъ справедливость этого подозрѣнія ¹⁾).

¹⁾ Когда гражданинъ Лапласъ, передаетъ Фай анекдотъ о Лапласѣ, представлялъ генералу Бонапарте 1-е изданіе своего изложенія системы міра, генераль

Самый терминъ „происхожденіе“ теперь повидимому уже начинаютъ считать неудачнымъ и мы видимъ въ выписанномъ нами заглавіи книги стоять не *origine*, а *formation*. Противъ такихъ книгъ однако дѣлали и дѣлаютъ возраженія съ христіанской точки зрѣнія. Исторія творенія, говорятъ, написана Моисеемъ по Божественному Откровенію, къ чему же дѣлать фактическія и ни на чемъ не основанныя предположенія объ этой исторіи, когда она намъ извѣстна? Разсуждающіе такъ опускаютъ изъ вида, что исторія творенія, написанная Моисеемъ, имѣетъ болѣе сотни далеко расходящихся между собою толкованій и что для того, чтобы составить правильное понятіе о библейскомъ ученіи о природѣ, необходимо ближе познакомиться съ природою. Едва ли хотя одинъ богословъ рѣшится утверждать съ непоколебимою увѣренностію, что весь процессъ творенія міра до призванія къ бытію Адама былъ исключительно чудеснымъ, что во весь этотъ періодъ не про- сказалъ ему: „Ньютонъ говорилъ о Богѣ въ своей книгѣ. Я уже просмотрѣлъ вашу и не нашелъ въ ней ни разу этого имени“. На что Лапласъ будто бы отвѣтилъ: „гражданинъ первый консулъ, я не имѣлъ нужды въ этой гипотезѣ“. Въ этихъ выраженіяхъ, говоритъ Фай, будто бы Лапласъ назвалъ Бога гипотезою. Если бы это было такъ, то первый консулъ повернулся бы къ нему спиною. Но Лапласъ никогда этого не говорилъ. Вотъ, я думаю, какъ было дѣло. Ньютонъ думалъ, что вѣковыя пертурбаціи, теорію которыхъ онъ намѣтилъ, кончатъ со временемъ разрушеніемъ солнечной системы, и сказалъ гдѣ-то, что Богъ выпужденъ отъ времени до времени вмѣшиваться, чтобы устроить бѣдствіе и въ нѣкоторомъ родѣ возстановить эту систему. Это было чистое предположеніе, внутреннее Ньютону непознымъ знаніемъ условій прочности нашего маленькаго міра. Наука въ то время не была довольно подвинута, чтобы показать всю очевидность этихъ условій. Но Лапласъ, открывшій ихъ посредствомъ глубокаго анализа, могъ и долженъ былъ отвѣтить первому консулу, что Ньютонъ напрасно призывалъ вмѣшательство Бога, чтобы исправлять отъ времени до времени міровую машину, и что онъ, Лапласъ, не нуждался въ такомъ предположеніи, онъ называлъ гипотезою не Бога, но Его вмѣшательство въ опредѣленный пунктъ“. Я знаю отъ Араго, прибавляетъ къ этому Фай, что Лапласъ, предупрежденный незадолго до смерти о томъ, что этотъ анекдотъ долженъ былъ войти въ біографическій сборникъ, просилъ Араго потребовать у издателя его уничтоженія. Дѣйствительно, нужно было объяснить его или уничтожить. Это второе рѣшеніе было проще всего; къ несчастію анекдотъ не былъ ни уничтоженъ, ни объясненъ“. *Faue, происхожденіе міра. Перев. 1890 стр. 87.*

Русскіе писатели, считающіе вѣру въ Бога тормазомъ научнаго развитія, повторяютъ этотъ анекдотъ и теперь. Такъ г. Гольдштейнъ съелъ нужнымъ прибавить его (и притомъ въ искаженномъ видѣ) съ переводу „очерковъ по исторіи естествознанія Даннемана“. См. *Міръ Божій. 1897 г. № 6.*

изошло ни одного естественнаго явленія, т. е., такого, которое было необходимымъ слѣдствіемъ дѣйствія началъ, призванныхъ къ бытію первымъ творческимъ актомъ. Но если въ исторіи міротворенія былъ элементъ естественный, то онъ можетъ подлежать научному изслѣдованію.

Теоріи происхожденія міра уже потому должны быть предметомъ вниманія богослова, что сообразно съ степенью ихъ правдоподобія и основательности можно составить себѣ мнѣніе и объ элементѣ естественномъ въ процессѣ міротворенія и лучше понять его сверхъестественную сторону. Далѣе, богословы должны останавливать на нихъ вниманіе и потому, что нѣкоторая часть общества придаетъ имъ преувеличенное и глубоко неправильное значеніе: во 1) гипотезы превращаетъ въ истины, во 2) въ этихъ мнимыхъ истинахъ видитъ какія то орудія для разрушенія религіи.

Могутъ представить еще возраженіе, какъ противъ теорій происхожденія міра, такъ и противъ попытокъ богослововъ подвергать критическому анализу эти теоріи и—тѣмъ болѣе—противъ попытокъ пользоваться ими при толкованіи ученія Библии о природѣ. Могутъ сказать: „наука такъ несовершенна, мы такъ мало знаемъ настоящее земли, какъ мы можемъ знать прошедшее неба? Безъ сомнѣнія, эти теоріи—дѣтская фантазія“. На это мы отвѣтимъ, что если въ концѣ концовъ всѣ предложенныя теоріи и окажутся ошибочными (изъ слѣдующихъ страницъ увидятъ, что пишущій эти строки и держится такого мнѣнія), то и тогда онѣ не пройдутъ безъ слѣда и пользы. Онѣ безъ сомнѣнія вліяли и будутъ вліять на міросозерданіе культурнаго человѣчества, и дѣло богослововъ озаботиться, чтобы это вліяніе было полезнымъ и предотвратить, если это будетъ угрожать, вредъ отъ него. Теоріи эти по своей сущности представляютъ рядъ задачъ по механикѣ и физикѣ и опыты ихъ рѣшенія и, хотя эти теоріи прейдутъ, эти задачи и вѣрныя ихъ рѣшенія останутся завоеваніемъ науки. Далѣе, замѣтимъ, что напрасно думаютъ, будто величественность вопроса непременно предполагаетъ его сложность и трудность. Движенія небесныхъ свѣтилъ по глубокому темнолоубому небесному своду несравненно величественнѣе и грандіоз-

нѣе мелкихъ капель осенняго дождя, стучащаго въ наши окна, и однако уже два столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество имѣетъ полную возможность предсказывать первыя за сотни лѣтъ, а дождь почти нельзя предсказать и за сутки. Не можетъ ли быть чего-нибудь подобнаго и съ исторіей образованія міра? Человѣкъ, увидѣвшій въ первый разъ какое-либо дерево и не обладающій обширными познаніями по ботаникѣ, можетъ намъ рассказать внѣшнюю исторію этого дерева, какъ оно возникло изъ сѣмени, какъ расло, сколько ему лѣтъ (если растеніе двусѣмянодольное, это легко опредѣлить по концентрическимъ слоямъ на стволѣ). А между тѣмъ этотъ человѣкъ можетъ быть не въ состояніи объяснить простыхъ растительныхъ фізіологическихъ процессовъ. Подобные факты побуждаютъ насъ быть осторожными и не спѣшить съ преждевременнымъ осужденіемъ научныхъ гипотезъ. Эта поспѣшность принесла много зла человѣчеству, но не нужно напередъ и привѣтствовать теоріи, какъ научныя завоеванія и открытія: ихъ нужно изслѣдовать.

Первая научная космогонія явилась около полутора ста лѣтъ назадъ (1756 г.), послѣдняя—на дняхъ. Посмотримъ, насколько въ полтора ста лѣтъ подвинулся вопросъ о прошломъ нашего міра.

I.

Первымъ, кто предложилъ считавшуюся и отчасти еще доселѣ считающуюся правдоподобною гипотезу происхожденія міровъ изъ хаоса, былъ Кантъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что извѣстныя въ его время шесть планетъ съ девятью спутниками обращаются по эллипсамъ съ весьма незначительными эксцентриситетами ¹⁾—все въ одномъ направленіи и прибли-

¹⁾ Эллипсомъ называется замкнутая кривая линіи овальной формы. Прямая линія, соединяющая наиболѣе отдаленныя одна отъ другой точки эллипса, называется большою осью, середина ея—центромъ. Двѣ точки, находящіяся на большой оси по разнымъ сторонамъ центра въ равномъ отъ него разстояніи и обладающія такимъ свойствомъ, что если отъ какой либо точки эллипса провести къ нимъ прямая, то сумма этихъ прямыхъ всегда будетъ равна большой оси, называются фокусами. На этомъ свойствѣ фокусовъ основано черченіе эллипса. Берутъ нитку, укрѣпляютъ ея концы (иголками, булавками) на бумагѣ въ двухъ точкахъ, разстоиніе которыхъ меньше длины нитки, натягиваютъ нитку остриемъ ка-

зительно въ одной плоскости. Это, по Канту, не могло быть случайностію. Однообразіе движеній тѣлъ солнечной системы было бы понятнымъ, если бы между ними существовала матеріальная связь, но такой связи между ними не существуетъ: каждая планета и ея спутникъ двигаются обособленно въ пустомъ пространствѣ. Кантъ предположилъ, что не существующая нынѣ связь между планетами существовала въ прошедшемъ. „Я принимаю, говоритъ онъ, что всѣ вещества, изъ которыхъ состоятъ шары, принадлежащіе нашему солнечному міру, всѣ планеты и кометы, въ началѣ разложенные на ихъ первичные элементы, занимали все пространство мірозданія, въ которомъ теперь носятся уже образовавшіяся тѣла. Различіе элементовъ по роду сильно способствуетъ возбужденію энергии природы и формированію хаоса, ибо, благодаря этому различію, нарушаются равновѣсіе и покой, которые царствовали бы при тожествѣ всѣхъ разсѣянныхъ элементовъ, и хаосъ начинаетъ формироваться въ точкахъ болѣе сильнаго притяженія частицъ“. Такъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ первичнаго хаоса—въ плоскости его экватора—возникаютъ тѣла, которыя притягиваютъ къ себѣ окружающую ихъ разрѣженную матерію, между тѣлами образуется пустота, а они, принявъ подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія частицъ, шарообразную форму, продолжаютъ двигаться вокругъ центральнаго свѣтила, въ томъ направленіи, въ какомъ первоначально двигался весь хаосъ.

Вслѣдъ за Кантомъ, но независимо отъ него къ мысли, что карандашъ и ведутъ карандашъ по бумагѣ, держа все время нитку въ натянутомъ положеніи; фигура, которую начертятъ карандашъ, будетъ эллипсомъ. Разстояніе фокуса отъ центра эллипса называется эксцентриситетомъ; чѣмъ меньше эксцентриситетъ, тѣмъ болѣе эллипсъ по своей фигурѣ приближается къ кругу. Планеты двигаются вокругъ солнца по эллипсамъ, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце. Кеплеръ, открывшій это, установилъ еще два закона: 1) законъ сохраненія площадей (планеты, находясь ближе къ солнцу, движутся быстрѣе удаляясь отъ солнца, движутся медленнѣе, но если концы пути пройденнаго планеты въ какое—либо количество времени t соединять прямыми съ фокусомъ, въ которомъ находится солнце, то площадь полученной фигуры для одного и того же времени всегда будетъ имѣть одну и ту же величину и вообще она пропорціональна времени движенія планеты). 2) законъ зависимости скорости движенія различныхъ планетъ отъ ихъ разстоянія отъ солнца (квадраты времени обращенія планетъ относятся, какъ кубы ихъ среднихъ разстояній отъ солнца). Эти законы разъяснятъ читателямъ нѣкоторыя положенія при дальнѣйшемъ чтеніи.

міры возникли изъ первоначально разрѣженной матеріи при-шелъ Гершель. Кантъ въ своей теоріи выходилъ изъ фактовъ, наблюдавшихся въ солнечной системѣ (единство направленной движенія, пустота междупланетнаго пространства), Гершель основалъ свой взглядъ на наблюденія надъ туманностями разсѣянными по небесному своду далеко, далеко отъ солнечнаго міра. „Многія изъ туманностей представлялись ему состоящими изъ огромныхъ массъ флюоресцирующаго пара или тумана, и онъ полагалъ, что эти массы должны постепенно сплываться каждое—около своего центра или около наиболее плотной части, пока наконецъ онѣ не превратятся въ звѣзду или звѣздную кучу. При классификаціи открытых имъ многочисленныхъ туманностей Гершель имѣлъ передъ глазами каждую ступень этого процесса. Здѣсь были большія расплывчатая пятна тумана, въ которыхъ процессъ сгущенія едва лишь начался; тамъ—меньшія болѣе свѣтлыя, которыя уплотнились настолько, что во внутреннихъ частяхъ ихъ стали образовываться звѣзды; затѣмъ такія, въ которыхъ звѣзды уже появились; наконецъ, звѣздныя кучи, въ которыхъ сгущеніе завершилось. По словамъ Лапласа Гершель прослѣживалъ сгущеніе туманныхъ пятенъ приблизительно такъ, какъ мы можемъ изучать ростъ деревьевъ въ лѣсу по стволамъ разнаго возраста, имѣющимся въ немъ въ одно и то же время“.

Гершель былъ практикомъ, Лапласъ—теоретикомъ: мысль о происхожденіи міровъ изъ туманностей онъ облекъ въ математическую форму и сообщилъ ей замѣчательное изящество и правдоподобіе. Лапласъ принялъ, что первоначально „обширная туманная масса, составлявшая солнце съ его атмосферою, имѣла медленное движеніе вокругъ оси. Раскаленная масса постепенно охлаждаалась чрезъ лучеиспусканіе въ мировое пространство и постепенно уплотнялась. вмѣстѣ съ сжатіемъ скорость ея вращенія, по основному закону механики, все возрастала, и должно было наступить время, когда на наружной границѣ массы центробѣжная сила, обусловленная вращеніемъ, сравняется съ силою притяженія къ центру. Тогда эта наружная часть должна была отдѣлиться въ видѣ вращающагося кольца, между тѣмъ какъ внутреннія части продолжали уплот-

няться. Когда во внѣшнемъ слоѣ послѣднихъ центробѣжная сила опять сравнялась съ центростремительной, отдѣлилось второе кольцо и т. д. Такимъ образомъ вмѣсто наполнявшей все пространство атмосферы, вокругъ солнца образовался рядъ концентрическихъ вращавшихся колець изъ раскаленнаго тумана или пара¹⁾. Если бы кольца во всѣхъ своихъ частяхъ по своей плотности были совершенно однообразными, то они распадались бы на группу мелкихъ планетъ подобную той, которую мы находимъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Но надо полагать, что вообще они имѣли не однородную плотность, болѣе плотныя части притягивали къ себѣ остальные, и такъ изъ колець образовались тѣла, состоявшія изъ довольно плотнаго ядра и огромной атмосферы раскаленнаго пара. Тѣла эти должны были вращаться въ томъ же самомъ направленіи, какъ и кольца, такъ какъ ихъ наружныя части по закону равенства площадей, описываемыхъ радіусами векторами (лініями, проведенными отъ солнца, какъ фокуса, къ концамъ пути планеты), имѣли съ самага начала большую скорость, чѣмъ внутренія. Отъ этихъ тѣлъ впоследствии, какъ и отъ солнца, должны были отдѣляться кольца; изъ тѣлъ образовались планеты, изъ отдѣлившихся отъ нихъ колець, вслѣдствіе неоднородности своего состава тоже превратившихся въ сферическія тѣла, ихъ спутники. Только у Сатурна одно кольцо было настолько однородно, что уплотнилось, не разрушившись, и Сатурнъ и по нынѣ движется по небу окруженный своеобразнымъ поясомъ.

Кромѣ планетъ изслѣдователь солнечной системы находить въ ней еще зодіакальный свѣтъ и кометы. Зодіакальный свѣтъ, по Лапласу, производится разрѣженными и летучими веществами, которыя не могли сплотиться въ кольцо или планету. Кометы, по его представленію, суть малыя туманности, блуждающія отъ одной солнечной системы къ другой и образовавшіяся вслѣдствіе сгущенія распространенной въ міровомъ пространствѣ туманной матеріи. Попадая въ сферу притяженія солнца, онѣ подъ его дѣйствіемъ начинаютъ двигаться по эллиптическимъ или гиперболическимъ орбитамъ со всевозможными наклоненіями и эксцентриситетами ¹⁾.

¹⁾ О гипотезахъ Банта, Гершеля и Лапласа см. „Астрономію“ Ньюкомба и Энгельмана. Перев. Дрентельна. Выпускъ. IV. 1896.

Гипотеза Лапласа имѣетъ всемірную извѣстность. Она имѣла горячихъ приверженцевъ и горячихъ противниковъ. Въ Россіи приверженцы ея существуютъ доселѣ, но въ той странѣ, сыномъ которой былъ геніальный математикъ, едва ли будутъ раздаваться громкіе голоса въ ея защиту ¹⁾. Вотъ какъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ одного изъ французскихъ научныхъ журналовъ суммируются основанія, во имя которыхъ гипотеза Лапласа должна быть безусловно отвергнута.

1) Лапласъ предполагалъ отдѣленіе громадныхъ массъ матеріи отъ вращающейся атмосферы солнца и большія промежутки между періодами такихъ отдѣленій. Но у частицъ раскаленного пара нѣтъ взаимнаго сцѣпленія, поэтому разъ уравновѣсились бы сила притяженія и центробѣжная, отдѣленіе внѣшнихъ частей солнечной атмосферы происходило бы непрерывно и вмѣсто отдѣльныхъ колець образовался бы плоскій круговой слой.

2) Скорости движенія нѣкоторыхъ спутниковъ (первый спутникъ Марса и пятый спутникъ Юпитера открытый Барнардомъ 9 сентября н. с. 1892 г.) равно какъ скорости колець Сатурна больше скорости вращенія ихъ центральныхъ планетъ. По гипотезѣ Лапласа непременно должно быть обратное.

3) „Лапласъ предположилъ, говоритъ Фай, что въ туманныхъ кольцахъ, отдѣлившись отъ солнца, треніе различныхъ концентрическихъ слоевъ происходило такъ, какъ оно происходитъ въ атмосферѣ планеты, вращающейся какъ одно цѣлою съ своимъ центральнымъ шаромъ. Вслѣдствіе этого внѣшніе слои имѣли большую скорость, чѣмъ внутреніе, и сгущеніе колець производило планеты, двигающіяся по орбитѣ въ прямомъ направленіи и имѣющія движеніе вокругъ оси въ томъ же направленіи ²⁾. Легко доказать, что этотъ способъ представленія совершенно ошибоченъ (какъ на фактическое доказательство, достаточно указать на кольца Сатурна) ³⁾. Въ кольцѣ туманности концентрическіе слои не лежатъ одни на другихъ,

¹⁾ Съ нѣкоторыми ограниченіями ее доселѣ защищаетъ Wolf см. его *Les Hypothèses cosmogoniques*. Paris. 1886.

²⁾ Прямымъ называется движеніе въ томъ направленіи, которое имѣетъ солнце при движеніи вокругъ оси.

³⁾ Ихъ движенія тѣмъ быстрѣе, чѣмъ они ближе къ Сатурну.

какъ въ атмосферѣ, и не представляютъ одного цѣлаго, потому что они вращаются каждый съ своею собственною скоростью, опредѣляемою разстояніемъ отъ солнца. Скорость внутреннихъ слоевъ будетъ больше скорости внѣшнихъ. Результатомъ этого должно было явиться то, что образовавшіяся изъ слоевъ планеты стали бы двигаться вокругъ солнца въ прямомъ направленіи, но ихъ спутники вокругъ нихъ и они сами около своихъ осей двигались бы въ обратномъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого, заключаетъ Фай, космогоническая гипотеза Лапласа, основанная на теоретической ошибкѣ, съ очевидностью, обличаемою фактами, недопустима“.

4) „Почти вся матерія первоначальной туманности, говоритъ Морисъ Фумэ, сгустилась въ центральное свѣтило (масса всѣхъ планетъ и ихъ спутниковъ равна $\frac{1}{700}$ массы солнца), имѣющее медленное вращеніе около оси. Если мы возвратимся къ прошедшему и разсѣмъ вмѣстѣ съ Лапласомъ всю эту предполагаемую газообразную матерію до орбиты Нептуна, мы натолкнемся на абсолютную невозможность. Моментъ инерціи ²⁾ такъ широко распространившейся туманности увеличится настолько, что для того, чтобы не нарушить законы площадей, можно предполагать у массы скорость вращенія только очень незначительную. Если, наоборотъ, приписать скорости начального вращенія значительную величину, то часть туманной матеріи, которую можно предположить разсѣянною въ видѣ атмосферы вокругъ солнца, окажется едва-едва большею, чѣмъ масса всѣхъ планетъ вмѣстѣ, но такая среда является столь разрѣженной, что у ней нельзя предполагать эластическихъ свойствъ газа или пара и, слѣдовательно, ее нельзя подчинять законамъ, которые прилагаетъ къ ней Лапласъ въ своемъ *Etude des atmosphères*. Основаніемъ гипотезы Лапласа являются условія равновѣсія, вытекающія изъ несуществующихъ

1) Дальше мы дадимъ объясненіе, почему это должно произойти.

2) Моментомъ инерціи точки называется произведеніе массы точки на квадратъ ея разстоянія до оси вращенія, моментомъ инерціи вращающагося тѣла будетъ сумма моментовъ инерціи всѣхъ его точекъ. Моментъ инерціи тѣла показываетъ, какую силу нужно употребить для того, чтобы сообщить тѣлу ту или иную угловую скорость вращенія.

свойствъ и изслѣдуемая на основаніи неприменимыхъ къ данному состоянію матеріи законовъ ¹⁾).

Фай, подвергшій критикѣ гипотезу Лапласа, попытался на мѣсто нея, поставить свою собственную. Онъ выступилъ съ своею космогоническою гипотезою въ 1884 г. и сначала возбуждалъ такой интересъ къ своимъ взглядамъ, что въ 1885 г. его книга *Sur l'origine du monde* вышла уже вторымъ изданіемъ (переводъ этого изданія—не вполне доброкачественный—имѣется на русскомъ языкѣ) ²⁾, но потомъ этотъ интересъ исчезъ, и третье изданіе его книги (безъ важныхъ измѣненій) явилось только въ прошедшемъ 1896 году. Сущность взглядовъ Фая сводится къ слѣдующему. Вселенная, исшедшая изъ рукъ Творца, представляла собою крайне разрѣженный хаосъ, который съ теченіемъ времени распался на отдѣльныя туманности, а изъ нихъ черезъ долгій періодъ образовались существующіе міры. Туманность, изъ которой произошелъ солнечный міръ, представляла собою сферу, имѣвшую радіусъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ разстояніе Нептуна отъ Солнца. Ея плотность (максимальная) была въ 250 милліоновъ разъ меньше плотности воздуха разрѣженнаго въ воздушномъ насосѣ до одной милліонной нормальной плотности атмосферы. Фай предполагаетъ, что молекулы этой туманности описывали орбиты вокругъ нѣкотораго общаго центра тяжести, плоскости этихъ орбитъ пересѣкались подъ всевозможными углами. „Въ подобной массѣ матеріи, говоритъ Фай, внутреннее притяженіе, представляющее собою равнодѣйствующую притягивающихъ силъ всѣхъ молекулъ, прямо пропорціонально разстоянію отъ центра. Частицы или малыя тѣла, двигающіяся въ такой средѣ, разрѣженность которой не представима, необходимо должны описывать вокругъ центра эллипсы или круги въ одно и то же время, каково бы ни было ихъ разстояніе отъ центра. Отсюда существованіе колецъ, вращающихся какъ одно цѣлое, съ однимъ и тѣмъ же направленіемъ движенія вполне совмѣ-

¹⁾ См. *Progrès recents de la cosmogonie par Th. Moreux (Revue d. Questions scientifiques. 1897. Avril).*

²⁾ Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ о теоріи Фая писалось много на русскомъ языкѣ. Нами были даны изложеніе и разборъ его взглядовъ въ статьѣ „Новая теорія происхожденія міра“ (Православн. Обзорѣн. 1889 № 1).

стимо съ существовавшимъ тогда притяженіемъ, и если ранѣе существовало вихревое движеніе, то частицы, двигавшіяся по спиральямъ, мало отличающимся отъ круговъ, должны были мало по малу вслѣдствіе слабого сопротивленія среды превратиться въ совокупность такихъ колець. „То обстоятельство, что въ этихъ кольцахъ линейная скорость внѣшнихъ слоевъ была большею, чѣмъ скорость слоевъ внутреннихъ (потому что центральное притяженіе, усиливающее скорость, было прямо пропорціонально разстоянію двигающагося тѣла отъ центра) привело къ тому, что всѣ планеты и ихъ спутники, образовавшіеся при условіяхъ предполагаемыхъ Фаемъ, имѣютъ прямое движеніе (первыя около оси, вторыя около планетъ). Образование планетъ, по представленію Фая, шло отъ центра туманности по направленію къ периферіи: сначала возникли планеты ближайшія къ центру и ихъ спутники, затѣмъ дальнѣйшіе. Когда происходилъ этотъ процессъ образованія планетъ, большая часть матеріи собралась въ центрѣ и образовала центральное свѣтило—солнце. Тогда условія тяготѣнія въ солнечномъ мірѣ существенно измѣнились: тѣла стали въ немъ притягиваться обратно пропорціонально квадрату ихъ разстоянія отъ центра. Планеты явились до возникновенія этихъ условій, но спутники отдаленнѣйшихъ планетъ (Урана и Нептуна) образовались уже при ихъ возникновеніи. Такъ какъ въ кольцахъ, изъ которыхъ они образовались, части ближайшія къ солнцу подвергались сильнѣйшему притяженію, а отдаленнѣйшія слабѣйшему, то они, превратившись изъ колець въ сферическія тѣла, стали двигаться около своихъ центральныхъ планетъ въ обратномъ направленіи. Матерія, не притянута центромъ туманности и не вошедшая въ составъ колець, образовала, по Фаю, кометы.

Гипотеза Фая повидимому хорошо согласуется съ фактами, но на самомъ дѣлѣ это ея достоинство является только кажущимся: предположенія Фая совершенно произвольны, послѣдующее въ его гипотезѣ не связано логическою необходимостію съ предыдущимъ, вслѣдствіе этого онъ свободно нагромождаетъ предположенія относительно прошедшаго солнечной системы такъ, чтобы въ концѣ концовъ въ результатѣ его предположеній явилось настоящее положеніе вещей. Большая часть воз-

раженій, вызываемыхъ гипотезою Лапласа, направляются и противъ гипотезы Фая. Почему образованіе колець совершалось съ такими большими промежутками и почему матерія кольца стучалась обыкновенно въ одну планету? Фай долженъ сознаться, что его предположенія ведутъ къ образованію иной системы, нежели солнечная. Гипотеза Фая оставляетъ совершенно необъясненнымъ то, что хорошо объясняется гипотезой Лапласа, расположеніе планетъ (приблизительно) въ одной экваторіальной плоскости. Не объясняетъ Фай, чѣмъ вызвано различное наклоненіе осей вращенія планетъ, законовъ ихъ разстоянія отъ солнца, образованія столь различныхъ планетныхъ системъ и т. д.

Въ текущемъ году полковникъ Лигондэ попытался сдѣлать шагъ впередъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи міровъ. Онъ предложилъ механическую теорію образованія системы міра, стараясь въ своей теоріи, какъ можно менѣе, давать мѣста произвольнымъ предположеніямъ и, какъ можно болѣе, руководиться математическимъ анализомъ и законами механики. Лигондэ выходитъ изъ предположенія, что первоначально все то пространство, на которое простирается дѣйствіе солнечнаго притяженія, было наполнено матерією, изъ которой впоследствии образовалась солнечная система. Понятно, это была крайне разрѣженная туманность. Частицы совершали въ ней свое движеніе во всевозможныхъ направленіяхъ. Лигондэ предполагаетъ, что эта туманность была не чисто сферическою, но имѣла видъ сфероида, т. е., была нѣсколько сжатою у полюсовъ и растянутаю у экватора ¹⁾. Но разъ такое сжатіе имѣло мѣсто въ началѣ, оно должно было все болѣе и болѣе увеличиваться потомъ. Анализъ показываетъ, что концентрація молекулъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ увеличеніе тяжести для частицъ, расположенныхъ около полюса и уменьшеніе тяжести для тѣхъ, которыя находятся въ экваторіальной области. Это измѣненіе влечетъ за собою относительное удлиненіе орбитъ молекулъ въ плоскости экватора. Измѣненіе орбитъ, въ свою

¹⁾ Сфероидъ или эллипсоидъ вращенія есть тѣло, происходящее отъ вращенія эллипса около большой или малой его оси (малая ось перпендикулярна къ большой и проходить черезъ ея центръ).

очередь, производитъ для частицъ большую задержку у полюсовъ, чѣмъ у экватора, и частицы, задерживаемыя въ ихъ движеніи, въ сосѣдствѣ съ полюсомъ падаютъ быстрѣе къ центру, чѣмъ двигающіяся въ области экваторіальной. Эти явленія влекутъ за собою два слѣдствія: 1) потерю живой силы и преобразование движенія въ теплоту и 2) измѣненіе внѣшней фигуры туманности, которая будетъ принимать все болѣе и болѣе чечевицеобразную форму. Тогда молекулы раздѣлятся на двѣ группы: однѣ, описывающія удлинненные эллипсы и двигающіяся и пересѣкающіяся во всевозможныхъ направленіяхъ, въ концѣ концовъ должны будутъ упасть къ центру, другія примутъ и сохранятъ движеніе приблизительно круговое. Изъ первыхъ должно образоваться солнце, онѣ будутъ спланиваться у центра во все продолженіе процесса концентраціи туманности. Въ теченіе этого процесса сосѣднія молекулы, описывающія окружности или мало удлинненные эллипсы, будутъ соединяться между собою и образовать въ различныхъ мѣстахъ частныя центры притяженія. Въ первое время, когда фигура туманности была еще мало сжатою, круговыя движенія безразлично имѣли мѣсто во всѣхъ плоскостяхъ. Потомъ по мѣрѣ того, какъ сжатіе туманности усиливалось, образование мѣстныхъ группъ частицъ локализовалось въ довольно тѣсной области по ту и другую стороны экватора. Въ то же самое время у всѣхъ тѣхъ частицъ, круговращеніе которыхъ совершалось въ области отдаленной отъ экватора, орбиты измѣнили свой видъ, получили болѣе эксцентриситетъ и удлиннились, какъ орбиты всѣхъ другихъ молекулъ туманности. Но по причинѣ того, что первоначально ихъ орбиты были близки къ окружности, деформація (измѣненіе формы) ихъ—хотя иногда и очень значительная—была гораздо меньше деформациі тѣхъ частицъ, которыя изъ начала уже имѣли сжатый видъ. Большая часть группъ частицъ, которыя проходили по менѣе удлинненнымъ и позже опредѣлившимся эллипсамъ, могла вслѣдствіе своего сравнительно малаго эксцентриситета ускользнуть отъ паденія къ центру и образовала малыя небесныя тѣла отличныя отъ планетъ и называемыя нынѣ кометами и падающими звѣздами. Такъ какъ, по теоріи Лигондэ, круговращенія частицъ въ туманности первоначально соверша-

лись по всевозможнымъ направленіямъ и въ плоскостяхъ, образовывавшихъ всевозможные углы съ экваторомъ, то, очевидно, и орбиты кометъ и падающихъ звѣздъ должны имѣть всевозможные наклоны къ экваторіальной плоскости солнечной системы, и движеніе этихъ свѣтилъ одинаково должно быть и прямымъ, и обратнымъ. Это мы и видимъ въ дѣйствительности.

Но деформация и сжатіе орбитъ не имѣли мѣста у тѣхъ группъ частицъ, которыя двигались въ области близкой къ экватору. Движенія близкія къ круговымъ оставались всегда возможными въ этой области, такъ какъ здѣсь притяженіе остается всегда постояннымъ для одного и того же разстоянія отъ центра. Двигающіяся по близкимъ одна къ другой орбитамъ группы частицъ здѣсь могли сливаться особенно при перекрещиваніи орбитъ по линіи ихъ узловъ. Совокупность всѣхъ этихъ группъ, двигавшихся по всевозможнымъ направленіямъ по ту и другую сторону экватора (но на очень недалекомъ отъ него разстояніи), образовала зерноподобный дискъ незначительной толщины, но плотности бѣльшей, чѣмъ средняя плотность массы. Въ составъ этого диска могли войти лишь частицы, орбиты которыхъ образовывали очень незначительные углы съ плоскостью экватора.

Этотъ дискъ распался на кольца, изъ него образовались планеты. Какъ? По мнѣнію нѣкоторыхъ, горячо привѣтствовавшихъ теорію Лигондэ, лишь только она появилась, Лигондэ—первый, кто далъ отвѣтъ на этотъ давно поставленный вопросъ. Онъ обратилъ вниманіе на распредѣленіе плотности въ экваторіальномъ дискѣ. Онъ пришелъ къ заключенію, что плотность въ немъ возрастаетъ весьма быстро вмѣстѣ съ радіусомъ по направленію отъ центра, на нѣкоторомъ разстояніи достигаетъ максимума и затѣмъ начинаетъ уменьшаться. Такимъ образомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра возникаетъ область наибольшей плотности—круговая корона, которая дѣйствуетъ притягивающимъ образомъ на группы частицъ, двигающіяся по сосѣднимъ окружностямъ. Это притяженіе производитъ первый разрывъ диска на три части: внутреннюю, имѣющую въ своемъ центрѣ солнце, и двѣ другія—кольцевыя. Кольца Лигондэ существеннымъ образомъ отличаются отъ колецъ Лапласа и Фая: 1) внутри ихъ

вслѣдствіе разрѣженности не можетъ существовать тренія концентрическихъ слоевъ и 2) движеніе молекулъ въ нихъ совершается, какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ направленіи.

Но число молекулъ, двигавшихся въ прямомъ направленіи, предполагаетъ Лигондэ, было больше числа, двигавшагося въ обратномъ. Это неравенство и было причиною превращенія колецъ въ планеты съ прямымъ движеніемъ. Молекулы Лигондэ, двигавшіяся въ кольцо, удобно сравнить съ сплошною толпою, наполняющею улицу и двигающеюся въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Происходятъ столкновения, движенія прерывается, образуется барьеръ, къ этому барьеру толпа продолжаетъ стекаться съ той и другой стороны, стеченіе принимаетъ размѣры совершенно несравнимые съ вызвавшей ихъ причиною; наконецъ, вслѣдствіе численнаго неравенства толпы, двигавшейся въ противоположныхъ направленіяхъ, вся она, какъ одно сплошное цѣлое, начнетъ двигаться въ направленіи движенія большей части, низвергая и увлекая за собою все то, что осмѣлится ей противостать.

Такимъ образомъ, происходитъ все и въ нашей туманности. Плоскость экватора становится театромъ безчисленныхъ столкновений. По мѣрѣ большаго и большаго скопленія молекулъ въ этой площади, столкновения происходятъ все чаще и чаще, круговращеніе замедляется и вся матерія медленно опускается къ центру, направляясь преимущественно къ максимумамъ плотности. Элементы, двигавшіеся въ кольцо въ противоположныхъ направленіяхъ, взаимно ударяются и образуютъ барьеръ другъ для друга, и равновѣсіе установится только тогда, когда исчезнетъ движеніе въ обратномъ направленіи. При этомъ преобразованіи обратнаго движенія въ прямое (конечно замедленное) происходитъ потеря живой силы, которая превращается въ теплоту.

Такія соображенія Лигондэ—по мнѣнію его и сторонниковъ его гипотезы—объясняютъ образованіе планетъ на значительныхъ разстояніяхъ между собою, существованіе въ прошедшемъ громаднаго количества теплоты, которое констатируетъ геологія и относительно незначительное разстояніе планетъ отъ солнца, хотя возникновеніе ихъ имѣло мѣсто очень далеко отъ центральнаго свѣтила.

Изученіе условій измѣненія тяжести въ сжимающемся эллипсоидѣ показываетъ, что кромѣ неравномѣрнаго распредѣленія плотности имѣется еще другая причина для раздѣленія экваторіальнаго диска на кольца. Въ этомъ дискѣ существуетъ нѣкоторая круговая корона, всѣ точки которой подвергаются одинаковому притяженію, молекулы, двигающіяся въ этой области, соединяются между собою и образуютъ въ нѣкоторомъ родѣ другой максимумъ плотности. Но по мѣрѣ того, какъ происходитъ концентрація эллипсоида, эта кольцевая область приближается къ центру, она представляетъ собою круговую волну, которая, возникнувъ у периферіи, постепенно уменьшаетъ размѣры своего діаметра для того, чтобы исчезнуть въ центрѣ. Ея медленное перемѣщеніе (равнозначущее съ перемѣщеніемъ болѣе быстрымъ съ послѣдовательными остановками) должно опредѣлить въ различныхъ точкахъ радіуса новыя линіи разрыва на дискѣ.

Изслѣдованіе распредѣленія плотности во внутренности диска показываетъ, по Лигондэ, что существованіе большой планеты вблизи солнца невозможно, максимумъ плотности указываетъ для такой планеты мѣсто тамъ, гдѣ находится Юпитерь. Первые планеты должны были возникнуть въ мѣстахъ наибольшей плотности. Исходя изъ этого, Лигондэ опредѣляетъ относительный возрастъ планетъ. Лапласъ полагалъ, что, чѣмъ далѣе планета отстоитъ отъ солнца, тѣмъ она древнѣе, Фай попытался установить обратное положеніе, Лигондэ вопросъ объ ихъ хронологіи находитъ болѣе сложнымъ. Юпитерь и Нептунъ, образовавшіеся прежде другихъ, благодаря ихъ положенію на первыхъ максимумахъ плотности, были по его предположенію современными, затѣмъ послѣдовали Уранъ, Сатурнъ, Земля, Марсъ (?), Венера и Меркурій.

Тяжесть внутри туманности должна измѣняться во весь періодъ ея концентраціи и вмѣстѣ съ нею должна измѣняться линейная скорость круговаго движенія. Въ началѣ притяженіе, испытываемое молекулою, должно быть пропорціонально разстоянію молекулы отъ центра (обозначая буквою A постоянную силу притяженія, получимъ, что каждая молекула испытываетъ притяженіе равное AR , разумѣя подъ R разстояніе отъ цен-

тра); затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ въ центрѣ туманности происходитъ сгущеніе, тамъ является новое начало, притягивающее къ себѣ съ силою обратно пропорціоальною квадрату разстоянія (обозначивъ эту силу чрезъ B , для обозначенія дѣйствія притяженія получимъ формулу $\frac{B}{R^2}$)¹⁾. Въ концѣ концовъ только это второе притягивающее начало и будетъ дѣйствовать. Въ періодъ между начальнымъ и конечнымъ моментомъ молекулы будутъ притягиваться по сложному закону обусловленному дѣйствіемъ двухъ указанныхъ началъ. Фай даетъ для него формулу $AR + \frac{B}{R^2}$, но Лигонде находитъ ее неправильной. Въ каждое мгновеніе притяженіе, рассматриваемое по длинѣ радіуса, равное нулю у центра, возрастаетъ сначала съ разстояніемъ, затѣмъ достигаетъ максимума и потомъ начинаетъ уменьшаться по опредѣленному закону. Но ни величина, ни положеніе этого максимума не остаются неизмѣнными. Онъ возрастаетъ во все время концентраціи, приближаясь къ центру во весь періодъ съ начала до конца образованія системы. Скорость возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ притяженія,

1) Нетрудно понять, почему законъ притяженія дѣйствуетъ такимъ образомъ. Представимъ себѣ шаръ, положимъ, нашу землю. Тѣло, находящееся внѣ земли, притягивается ею обратно пропорціоально квадрату разстоянія его отъ ея центра. Если на разстояніи равномъ единицѣ оно притягивалось съ силою 7, то на удвоенномъ разстояніи будетъ притягиваться съ силою $\frac{7}{4}$, потому что поверхность, на которую дѣйствуетъ сила 7 при удвоенномъ разстояніи увеличивалась въ 4 раза (прямо пропорціоально квадрату разстоянія), слѣдовательно на каждую точку этой поверхности сила притяженія будетъ дѣйствовать въ четыре раза слабѣе. Представимъ себѣ теперь, что мы помѣстимъ тѣло гдѣ-либо во внутренности земли. Масса вещества, лежащая къ центру ближе, чѣмъ наше тѣло, будетъ притягивать его къ центру обратно пропорціоально квадрату разстоянія, но вещество болѣе отдаленное отъ центра, чѣмъ данное тѣло, будетъ притягивать его въ противоположную сторону и чѣмъ ближе тѣло къ центру, тѣмъ сильнѣе на него воздѣйствуетъ это притяженіе, направляющее его отъ центра. Вычисленіе показываетъ, что въ общемъ матеріальная точка (тѣло) внутри сферической массы притягивается прямо пропорціоально разстоянію ея отъ центра. Планета, зарождающаяся внутри космической туманности, въ центрѣ которой уже образовалось солнце, очевидно, будетъ находиться и подъ воздѣйствіемъ силы, притягивающей прямо пропорціоально разстоянію отъ центра (притяженіе туманности) и подъ воздѣйствіемъ силы, притягивающей обратно пропорціоально квадрату разстоянія (притяженіе солнца).

значить, скорость движенія частицъ подчинена тому же закону, какъ и тяжесть, но нужно отмѣтить, что максимумъ скорости лежитъ нѣсколько за областью максимума тяжести ¹⁾.

Представимъ себѣ теперь, что какая нибудь планета образуется, когда максимумъ скорости находится еще въ периферіи, эта планета, необходимо, будетъ вращаться около своей ося въ прямомъ направленіи. Но по мѣрѣ того, какъ внутреннее притяженіе будетъ измѣняться, максимумъ скорости приблизится къ центру. Непосредственно все измѣнится. Тогда какъ планеты расположенныя между максимумомъ притяженія и центромъ будутъ вращаться въ прямомъ направленіи, планеты, находящіяся внѣ этого максимума, обнаружатъ стремленіе принять обратное круговращеніе. Группы частицъ матеріи, которыя будутъ соединяться съ этими планетами, заставятъ вращаться планетный шаръ въ обратномъ направленіи. Почему это такъ? Понять не трудно. Шаръ двигается по орбитѣ вокругъ нѣкотораго центра, къ точкамъ его наиболѣе близкимъ къ центру, около котораго онъ вращается, и къ наиболѣе отдаленнымъ отъ этого центра вращенія присоединяются новыя количества матеріи, имѣющія стремленіе двигаться по той же орбитѣ и въ томъ же направленіи, но съ тою разницею, что матерія, ближайшая къ центру вращенія, двигается гораздо быстрѣе, чѣмъ отдаленная. Тогда произойдетъ, что при движеніи отдаленнѣйшая часть должна будетъ запаздывать, а ближайшая уйдетъ впередъ. Если изъ этой матеріи, присоединившейся къ шару, образуется кольцо и потомъ изъ этого кольца—спутникъ планеты, то, понятно онъ будетъ обращаться вокругъ планеты не въ прямомъ, а въ обратномъ направленіи.

Планетные шары, возникнувъ довольно близко отъ центра, т. е., по сую сторону максимума плотности, приняли прямое круговращеніе, потомъ, когда концентрація перевела максимумъ за предѣлы ихъ орбитъ, ихъ образованіе продолжалось подѣ

¹⁾ Причину этого понять легко. Когда тяжесть въ извѣстномъ пунктѣ достигнетъ своего максимума, она затѣмъ сначала уменьшается почти нечувствительно, между тѣмъ радіусъ продолжаетъ возрастать, но квадратъ скорости круговаго движенія равенъ произведенію радіуса на ускореніе, производимое тяжестью. Скорость должна продолжать возрастать до того момента, когда притяженіе ослабѣетъ настолько, что будетъ компенсировать возрастаніе радіуса.

вліяніемъ ретрограднымъ. Но такъ какъ группы частицъ, изъ которыхъ имѣли образовываться планеты, двигались въ плоскостяхъ болѣе или менѣе наклоненныхъ къ экватору туманности, то оси вращенія этихъ планетъ должны были принять различное наклоненіе по отношенію къ плоскости симметріи. Эти оси, по теоремѣ сложенія круговращеній, должны были уклониться отъ первоначальнаго направленія, и ихъ круговращеніе болѣе и болѣе замедлялось по мѣрѣ того, какъ ихъ захватывалъ ретроградный періодъ. Выѣшнія планеты едва начали образовываться, какъ этотъ періодъ настигъ ихъ, этимъ объясняется и продолжительность ихъ движенія вокругъ осей и ихъ значительное наклоненіе къ плоскости эклиптики.

Такъ въ теоріи Лигондэ, какъ отмѣчаютъ ея сторонники, впервые объясняется расположеніе планетъ и кометъ въ солнечной системѣ, ихъ разстоянія, величина, наклоненіе ихъ осей, направленіе ихъ движеній. Предположенія Лигондэ о прошедшемъ земли, говорятъ, могутъ быть прекрасно иллюстрированы туманностями, созерцаемыми въ настоящее время на небесномъ сводѣ. Правильныя туманности Гершеля представляютъ первыя фазы въ развитіи солнечной системы (туманности Гершеля съ звѣздами оказались при изслѣдованіи въ сильнѣйшіе телескопы просто звѣздными кучами), туманность въ созвѣздіи Лиры говоритъ намъ о томъ прошломъ солнечнаго міра, когда въ немъ уже образовалось кольцо. Туманность Андромеды представляетъ намъ сжатую чачевицу, въ которомъ уже зарождаются міры. Всѣ онѣ вмѣстѣ воспроизводятъ намъ всю эмбриологію солнечной системы.

Гипотеза Лигондэ является послѣднею попыткою дать намъ космогонію-исторію того міра, въ которомъ мы живемъ. Что сказать объ этой попыткѣ? Что сказать вообще попыткахъ дать эту величественную исторію образованія міровъ? Попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе будетъ).

„Новый опыт о человеческомъ разумѣ“ Лейбница.

(Продолженіе *).

Г Л А В А VI.

Объ общихъ предложеніяхъ, ихъ истинности и достовѣрности.

§ 2. *Филалетъ*. Всѣ наши познанія касаются истинъ общихъ или частныхъ. Первыхъ, наиболѣе важныхъ, мы никогда не могли бы понять и уразумѣть (за рѣдкими исключеніями), безъ обозначенія и выраженія ихъ словами.

Теофилъ. Я полагаю, что и другіе знаки могли бы сопровождаться подобнымъ же дѣйствіемъ. Это доказываютъ китайскія письма. И можно было бы ввести *всемирную письменность*, ¹⁾ очень популярную и лучшую, чѣмъ ихняя, если—бы вмѣсто словъ стали употреблять маленькія фигуры, которыя своими очертаніями представляли бы видимые предметы, а невидимые—посредствомъ присоединенія къ нимъ извѣстныхъ придаточныхъ знаковъ, предназначенныхъ также къ пониманію, флексій и частицъ. Это прежде всего помогло бы удобному общенію съ отдаленными народами; но если бы оно введено было среди насъ безъ уничтоженія обычнаго способа писанія, то и тогда новый способъ письменности принесъ бы великую пользу, обогащеніемъ нашей фантазіи и сообщеніемъ нашимъ мыслямъ меньшей неопредѣленности и голословности, чѣмъ какъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5, за 1897 г.

¹⁾ Лейбницъ говоритъ здѣсь о своемъ планѣ основать всеобщій философскій языкъ (*spécieuse générale*), о чемъ онъ упоминалъ и въ третьей книгѣ этого сочиненія. Эту же идею послѣ него развивали Кернъ, Нефъ и въ особенности Тренделенбургъ. Не смотря однако же на свое желаніе и на нѣкоторыя предварительныя замѣтки по этому предмету, Лейбницъ не привелъ въ исполненіе своего плана.

это есть теперь. Справедливо, что такъ какъ искусство черченія не всѣмъ извѣстно, то отсюда слѣдовало бы, что, кромѣ книгъ напечатанныхъ въ этомъ родѣ, (которыя выучатся читать скоро), всѣ не иначе могли бы пользоваться ими, какъ при посредствѣ нѣкотораго рода печати, т. е. имѣя на бумагѣ печатныя фигуры уже готовыми и за тѣмъ перомъ присоединяя знаки флексій и частицъ. Но со временемъ всѣ отъ юности изучили бы рисунки, чтобы не лишиться удобствъ этого *фигурнаго письма*, которое такъ ясно *говоритъ глазамъ* и которое очень понравилось бы народу; какъ и на самомъ дѣлѣ крестьяне уже имѣютъ извѣстные календари, которые безъ словъ говорятъ имъ о значительной части того, о чемъ они спрашиваютъ. Я припоминаю также, что видѣлъ сатирическіе рисунки гравированные на мѣди, нѣсколько загадочные, гдѣ существовали *фигуры, имѣвшія сами по себѣ свое значеніе*, безъ соединенія ихъ съ словами; взамѣнъ чего наши быквы или китайскія письмена изображаютъ ихъ только по уговору людей (*ex instituto*) ¹⁾.

§ 3. *Филалетъ*. Я думаю, что ваша мысль осуществится когда либо, на столько эта *письменность* представляется мнѣ пріятною и естественною; и кажется, что она будетъ имѣть не маловажныя послѣдствія въ увеличеніи совершенствъ нашего духа и въ сообщеніи нашимъ понятіямъ реальности. Но возвращаясь къ всеобщимъ познаніямъ и ихъ достовѣрности, кстати будетъ замѣтить, что существуетъ *достовѣрность истины*, и существуетъ *достовѣрность познаній*. Когда слова соединяются въ предложеніяхъ въ такомъ видѣ, что точно выражаютъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе реальное, то это есть *достовѣрность истины*; а *достовѣрность познаній* состоитъ въ сознаніи соотвѣтствія или несоотвѣтствія идей, по скольку достовѣрность эта выражается въ предложеніяхъ. Вотъ что обыкновенно мы называемъ предложеніемъ *достовѣрнымъ*.

Теофиль. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній родъ *достовѣрности* даже безъ примѣненія словъ достаточенъ и есть не

¹⁾ Здѣсь разумѣется нѣчто такое, что въ наше время извѣстно подъ названіемъ „ребусовъ“. Полагаютъ, что подобныя изображенія послужили переходною ступенью къ гіероглифамъ, а затѣмъ и къ современной азбукѣ.

иное что, какъ совершенное познаніе истины; между тѣмъ, какъ первый родъ достовѣрности представляется ни чѣмъ инымъ, какъ самую истинною.

§ 4. *Филалетъ*. Такъ какъ мы не можемъ быть убѣждены въ истинѣ какого либо *общаго предложенія*, безъ знанія точныхъ границъ значенія словъ, изъ которыхъ оно состоитъ, то намъ необходимо знать сущности всякаго рода, что не трудно относительно простыхъ идей и модусовъ. Но при субстанціяхъ мыслится опредѣленіе родовъ, въ которыхъ реальная сущность отлична отъ номинальной, а потому объемъ общихъ терминовъ очень недостовѣренъ; ибо мы не знаемъ этихъ реальныхъ сущностей; и слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ не можемъ быть увѣрены ни въ какомъ общемъ предложеніи, составленномъ по поводу этихъ субстанцій. Но когда предполагаютъ, что сущности субстанцій суть не иное что, какъ сведеніе субстанціальныхъ индивидуумовъ къ извѣстнымъ родамъ, распределеннымъ по извѣстнымъ общимъ названіямъ, соотвѣтственно съ которыми согласуются или различаются отвлеченныя идеи, обозначаемыя этими именами, тогда нельзя сомнѣваться въ истинности или неистинности хорошо извѣстнаго предложенія.

Феофилъ. Я не знаю, м. г., для чего вы еще разъ возвращаетесь къ предмету, уже достаточно нами разсмотрѣнному и представляющемуся мнѣ рѣшеннымъ. Но въ концѣ концовъ я очень радъ этому; потому что вы, какъ мнѣ кажется, предоставляете очень удобный случай разубѣдить васъ снова въ ошибкѣ. И такъ я скажу вамъ, что мы можемъ быть убѣждены, напримѣръ, въ тысячѣ истинъ относительно золота, или относительно того тѣла, которое по своей внутренней сущности представляется намъ наиболѣе тяжелымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ на землѣ, или наиболѣе тягучимъ, или по другимъ какимъ либо признакамъ; ибо мы можемъ сказать, что наиболѣе извѣстное намъ тягучее тѣло есть также наиболѣе тяжелое изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ тѣлъ. Конечно, не невозможно, что все до сихъ поръ замѣченное нами въ золотѣ будетъ найдено въ двухъ тѣлахъ, различающихся между собою по другимъ своимъ качествамъ, и такимъ образомъ золото не будетъ уже послѣднимъ видомъ, какъ полагаютъ это теперь предварительно. Возможно

также, что такъ какъ одинъ сортъ (золота) будетъ рѣдкимъ, а другой сдѣлается общимъ, то признають удобнымъ сохранить названіе истиннаго золота за однимъ только рѣдкимъ сортомъ, чтобы вслѣдствіе новаго открытія удержать за нимъ монетное употребленіе. Затѣмъ не будутъ также сомнѣваться въ томъ, что внутренняя сущность этихъ двухъ родовъ золота различна; и даже хотя бы существующее въ дѣйствительности опредѣленіе сущности не было извѣстно хорошо во всѣхъ отношеніяхъ (какъ и въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, нѣтъ точнаго опредѣленія человѣка въ отношеніи къ внѣшней фигурѣ), все же не перестанутъ имѣть безконечное число общихъ предложеній по этому предмету, вытекающихъ изъ разума и изъ другихъ узнаваемыхъ въ предметѣ свойствъ. Все, что можно сказать объ этихъ общихъ предложеніяхъ, состоитъ въ томъ, что въ случаѣ, напримѣръ, признанія человѣка самымъ послѣднимъ родомъ и ограниченія его происхожденіемъ отъ Адама, не найдутъ такихъ свойствъ человѣка, которыя переходили бы *in quarto modo*, или которыя можно было бы выразить предложеніемъ взаимнымъ (*reciproque*) или единично къ нему примѣнимымъ (*convertible*) и которое не было бы предварительнымъ, какъ когда говорятъ: *человѣкъ есть единственное разумное животное*. И признаніе человѣка, принадлежащимъ къ нашему роду, есть *предварительное*; оно состоитъ въ допущеніи того, что онъ есть единственно разумное существо на землѣ изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ; ибо могутъ некогда найтись другія существа, раздѣляющія съ потомствомъ людей все общее, что до сихъ поръ мы замѣчаемъ въ нихъ, но имѣющія другое начало. Это было бы то же, какъ если бы австралійцы,—допускающая фантастическое предположеніе о нихъ,—распространились въ нашихъ странахъ; повидимому, тогда нашли бы какое либо средство отличить ихъ отъ насъ. Но если бы это было не возможно и предположивши, что Богъ запретилъ бы смѣшеніе этихъ двухъ расъ и что Іисусъ Христосъ искупилъ только нашу расу,—тогда надобно было бы постараться найти искусственные признаки для различія ихъ отъ насъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ существовало бы внутреннее различіе, но такъ какъ оно не поддавалось бы пониманію, то было бы сведено един-

ственно къ *внѣшнему названію* по рожденію, которое поставились бы снабдить постояннымъ искусственнымъ признакомъ, выражающимъ *внутреннее опредѣленіе* и подающимъ устойчивое средство для различенія нашей расы отъ другой. Все это суть фикціи; ибо мы не имѣемъ надобности прибѣгать къ подобнымъ различіямъ, будучи единственными разумными существами на этомъ земномъ шарѣ. Однако же эти фикціи помогаютъ узнавать природу идей субстанцій и относящихся къ нимъ общихъ истинъ. Но если бы человѣкъ не былъ принимаемъ за самый послѣдній родъ, ни за разумное существо Адамовой расы, и если бы вмѣсто этого онъ обозначалъ родъ общій многимъ видамъ, принадлежащій теперь единственно извѣстной расѣ, но могущей принадлежать еще и другимъ различнымъ расамъ, или по рожденію, или даже по другимъ естественнымъ признакамъ, какъ на примѣръ, предполагаемые австралійцы,—тогда, говорю я, это понятіе рода допускало бы предложенія взаимныя и существующее опредѣленіе человѣка не было бы предварительнымъ. То же происходитъ и съ золотомъ; ибо предположивши, что нѣкогда будутъ имѣть два различные сорта золота, одинъ сортъ рѣдкій и въ настоящее время извѣстный, и другой общераспространенный и, быть можетъ, искусственный, изобрѣтенный въ послѣдующее время; тогда, предположивши, что названіе золота должно остаться за существующимъ золотомъ, то есть, за золотомъ естественнымъ и рѣдкимъ, для сохраненія удобствъ золотой монеты, основанныхъ на рѣдкости этого матеріала,—тогда до сихъ поръ извѣстное опредѣленіе его внутренними признаками будетъ только предварительнымъ, и должно быть умножено новыми признаками, которые найдутъ для различенія рѣдкаго или прежняго вида золота отъ золота новаго, искусственнаго. Но если имя золота должно оставаться тогда общимъ для обоихъ видовъ, то есть, если подъ золотомъ будутъ разумѣть сортъ, у котораго до сихъ поръ мы не знаемъ подъ-вида и который мы теперь принимаемъ за самый краткій видъ (но только предварительно, пока подъ-видъ не сдѣлался извѣстнымъ), и если когда либо найдутъ новый сортъ, то есть, искусственно легко составяемый и легко становящійся всеобщимъ,—я утверждаю,

что въ этомъ смыслѣ опредѣленіе не должно быть признаваемо предварительнымъ, но постояннымъ. И даже, не затрудняясь названіемъ человѣка или золота, какое бы названіе ни давали роду или самому крайнему извѣстному намъ виду и если бы даже не усвоили имъ никакого названія, то все сказанное нами сейчасъ всегда будетъ истиною въ отношеніи къ идеямъ, родамъ и видамъ, и виды будутъ опредѣляемы только предварительно, иногда при посредствѣ опредѣленія родовъ. Однако же всегда будетъ позволительно и разумно подразумевать, что у нихъ есть внутренняя реальная сущность, посредствомъ взаимнаго предложенія усвояемая, какъ роду, такъ и виду, которая обыкновенно узнается при посредствѣ внѣшнихъ признаковъ. При этомъ я всегда предполагаю, что раса не перерождается или не перемѣняется, но если одна и та же раса переходитъ въ другой видъ, тогда тѣмъ болѣе обязаны прибѣгать къ другимъ признакамъ и къ классификаціямъ внутреннимъ или внѣшнимъ, не стѣсняясь расою.

§ 7. *Филалетъ*. Сложныя идеи, которыя мы обозначаемъ усвояемыми нами именами видамъ субстанцій, суть соединенія идей нѣкоторыхъ качествъ, замѣчаемыхъ нами *сосуществующими* въ неизвѣстномъ *носителѣ*, называемомъ нами субстанціею. Но какія другія качества необходимо сосуществуютъ съ подобными качествами, мы не можемъ знать достоверно, пока не откроемъ изъ зависимости въ отношеніи къ первымъ качествамъ.

Теофилъ. Еще прежде я замѣтилъ, что то же происходитъ и съ идеями *акциденцій*, коихъ сущность нѣсколько непонятна, каковы на примѣръ, геометрическія фигуры; ибо когда дѣло идетъ, на примѣръ, о фигурѣ зеркала, которое собираетъ всѣ параллельныя лучи, какъ въ фокусѣ, тогда можно находить многія свойства этого зеркала прежде дознанія его конструкціи; но не будутъ знать многихъ другихъ эффектовъ, принадлежащихъ ему, пока не найдутъ въ немъ того, что соотвѣтствуетъ внутреннему составу субстанціи, то есть, конструкціи той фигуры зеркала, которая будетъ служить какъ-бы ключемъ къ дальнѣйшему познанію.

Филалетъ. Но если бы узнали внутреннее строеніе этого тѣла, то мы нашли бы въ немъ только зависимость, которую первыя качества, или какъ вы называете ихъ, обнаруженія могутъ существовать въ немъ, то есть, узнали бы какія величины, фигуры и двигательныя силы отъ него зависятъ, но никогда не узнали бы возможной у него связи съ *второстепенными качествами* или смѣшанными, то есть, съ чувственными, каковы цвѣта, вкусы и пр.

Феофилъ. Итакъ вы опять предполагаете, что эти чувственные качества или присущія намъ идеи, не зависятъ естественнымъ образомъ отъ фигуръ и движеній, а только отъ Божественнаго произвола, дающаго намъ эти идеи. Но кажется вы забыли, м. г., какъ я неоднократно возставалъ противъ этого мнѣнія, чтобы склонить васъ къ тому, что эти *чувственныя идеи* зависятъ отъ различія фигуръ и движеній и точно выражаютъ ихъ, хотя мы не можемъ выдѣлить въ нихъ частныхъ по смѣшенію великаго ихъ множества и незначительности механическихъ дѣйствій, поражающихъ наши чувства. Однако же, если бы мы дошли до внутренняго строенія нѣкоторыхъ тѣлъ, то увидѣли бы и то, когда они должны бы имѣть эти качества, которые въ свою очередь сведены были бы къ разумнымъ причинамъ; и еслибы даже мы никогда не были бы въ состояніи узнать ихъ чувственнымъ образомъ въ этихъ чувственныхъ идеяхъ, составляющихъ смѣшанный результатъ дѣйствій тѣлъ на насъ, какъ теперь мы обладаемъ, на примѣръ, совершеннымъ анализомъ *зеленаго цвѣта*, состоящаго изъ голубаго и желтаго, и въ отношеніи къ челу намъ ничего другаго не остается спрашивать, какъ только объ этихъ *ингредиентахъ*,— все же мы не могли бы выдѣлить идей голубаго и желтаго въ нашей чувственной идеѣ зеленаго; потому именно, что эта идея смѣшанная. Это почти то же, какъ не могутъ выдѣлить въ воспріятіи зубцовъ колеса, то есть, причины *искусственнаго транспаранта*, каковой транспарантъ я видѣлъ у часовыхъ дѣлъ мастеровъ при быстромъ вращеніи зубчатаго колеса, что разсѣиваетъ зубцы и на мѣсто ихъ при помощи фантазіи создаетъ непрерывный транспарантъ, составляемый изъ послѣдовательнаго появленія зубцовъ и ихъ интерваловъ, при чемъ

послѣдовательность до того быстра, что наша фантазія не можетъ различать ее. Такимъ образомъ хорошо различаютъ эти зубцы при отдѣльномъ разсмотрѣніи этого транспаранта, но не въ этомъ чувственно-смѣшанномъ воспріятіи; въ противномъ же случаѣ, когда смѣшеніе прекращается (когда, на примѣръ, движеніе бываетъ столь медленнымъ, что можно наблюдать части и ихъ послѣдовательность), то его нѣтъ болѣе, то есть, нѣтъ болѣе фантома транспаранта. И какъ нѣтъ надобности воображать, будто Богъ по своему произволу даетъ намъ этотъ фантомъ и это зависитъ не отъ движенія зубьевъ колеса и ихъ промежутковъ, и какъ, напротивъ, извѣстно, что это есть только смѣшанное обнаруженіе того, что происходитъ въ этомъ движеніи,—обнаруженіе, говорю я, состоящее въ томъ, что предметы послѣдовательные смѣшиваются въ кажущейся одновременности; такъ легко думать, что то же происходитъ и съ другими фантомами, въ отношеніи къ которымъ мы не имѣемъ столь совершеннаго анализа, какъ въ отношеніи къ цвѣтамъ, вкусамъ и пр.; ибо, говоря по истинѣ, все это скорѣе заслуживаетъ названія фантомовъ, чѣмъ названіе *качествъ* или даже *идей*. И во всякомъ случаѣ для насъ достаточно знать ихъ столько же, сколько (знаемъ) искусственный транспарантъ, хотя бы не было не разумно или возможно желаніе знать ихъ болѣе. Ибо желать, чтобы фантомы оставались смѣшанными и однако же анализировать ихъ ингредиенты одною фантазіею, это значитъ противорѣчить себѣ, это значитъ находить удовольствіе быть обманываемымъ пріятною перспективою и въ то же время желать, чтобы глазъ видѣлъ обманъ, который его обольщаетъ. Кратко, это такой случай, когда *nihil plus quam si des operam, ut cum ratione insanias* (ты ничего другаго не дѣлаешь, какъ заботишься только о томъ, чтобы при разумѣ поступать неразумно) ¹⁾. Но съ людьми часто случается, что они ищутъ *podum in scirpo*, т. е. создаютъ себѣ затрудненія, гдѣ ихъ нѣтъ, требуя того, что невозможно и послѣ этого жалуясь на свое безсиліе и на ограниченность своихъ знаній.

§ 8. *Филалетъ*. *Всякое золото твердо*; вотъ предложеніе,

¹⁾ Стихъ заимствованъ изъ Теренціева „Евнуха“. (Дѣйст. 1., явл. 1 ст. 17—18).

истинность котораго мы не можемъ знать достовѣрно. Ибо хотя золото обозначаетъ родъ предметовъ, отличныхъ отъ другихъ по своей реальной сущности, сообщенной имъ природой, однако же неизвѣстно, какія частныя субстанціи принадлежатъ къ этому роду; поэтому нельзя утверждать этого съ достовѣрностію, хотя оно и есть золото. И если подъ золотомъ разумѣютъ тѣло, одаренное извѣстнымъ желтымъ цвѣтомъ, тягучестію и плавкостію и большею тяжестію, чѣмъ какое-либо другое тѣло, то не трудно опредѣлить, есть ли это золото или не золото, но при этомъ ни какое другое качество не можетъ быть усвояемо или отрицаемо несомнѣнному золоту, за исключеніемъ только того, которое имѣетъ или не имѣетъ связи или соотвѣтствія съ этой идеей, легко открываемой. А такъ какъ твердость не имѣетъ ни какой извѣстной связи съ цвѣтомъ, тяжестью и другими простыми идеями, которыя по моему предположенію составляютъ сложную идею, принадлежащую золоту, то невозможно достовѣрно знать истину и того предложенія, что всякое золото твердо.

Теофилъ. Мы почти также достовѣрно знаемъ, что самое тяжелое изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ земныхъ тѣлъ есть твердое, какъ достовѣрно знаемъ, что завтра будетъ день. Это потому, что мы испытываемъ это тысячу разъ; это достовѣрность опытная и фактическая, хотя мы не понимаемъ связи твердости съ другими качествами этого тѣла. Наконецъ не должно противопоставлять другъ другу двухъ предметовъ, которые согласны и сводятся къ одному и тому же. Когда я думаю о тѣлѣ, которое въ одно и то же время желтое, плавкое и выдерживающее пробу, то я думаю о такомъ тѣлѣ, коего специфическая сущность хотя и неизвѣстная въ своей внутренности, проявляетъ эти качества изъ своей основы и, по крайней мѣрѣ, смѣшанно становится понятной чрезъ нихъ. Я не вижу въ этомъ ничего дурнаго, или чего либо такого, чтобы надобно было столь часто возвращаться къ этому для опроверженія.

§ 10. *Филалетъ.* На этотъ разъ я довольствуюсь тѣмъ, что твердость самаго тяжелаго тѣла намъ извѣстна не вслѣдствіе соотвѣтствія или несоотвѣтствія идей. Съ своей же стороны я думаю, что между вторичными качествами тѣлъ и относящимися къ

нимъ силами, нельзя указать и двухъ, коихъ необходимое существованіе или несогласуемость могли бы быть намъ достоверно извѣстны, за исключеніемъ тѣхъ качествъ, которыя принадлежать къ одному и тому же смыслу и по необходимости исключаютъ другъ друга, какъ напримѣръ, когда говорятъ, что бѣлое не есть черное.

Теодилъ. Однако же я думаю, что можно находить и такія качества; напримѣръ, всякое осязаемое тѣло, или такое, которое можно ощущать посредствомъ прикосновенія, видимо. Всякое твердое тѣло производитъ шумъ, если по немъ ударяютъ въ воздухъ. Звуки струны и нитей усиливаются по мѣрѣ напряженія. Справедливо, что предполагаемое вами при этомъ достигается лишь постольку, поскольку вы сознаете раздѣльныя идеи въ связи съ чувственными смѣшанными идеями.

§ 11. *Филалетъ.* Не должно ли всегда представлять, что тѣла обладаютъ своими качествами сами по себѣ, независимо отъ другихъ предметовъ? Золотая вѣщь, освободившись отъ воздѣйствія и вліянія всякаго другаго тѣла, тотъ—часъ потеряетъ свой желтый цвѣтъ и свою тяжесть; быть можетъ также, она станетъ рыхлою и потеряетъ свою тягучесть. Извѣстно, сколько растенія и животныя зависятъ отъ земли, отъ воздуха и отъ солнца; и кто знаетъ, самыя отдаленныя неподвижныя звѣзды не имѣютъ ли вліянія на насъ?

Теодилъ. Прекрасное замѣчаніе! И если бы внутреннее строеніе извѣстныхъ тѣлъ намъ было вѣдомо, то (всеже) мы не могли бы достаточно понимать ихъ эффе́ктовъ безъ знанія внутренней сущности тѣхъ предметовъ, которые ихъ касаются и ихъ проникаютъ.

§ 13. *Филалетъ.* Однако же наше сужденіе можетъ простира́ться далѣе, чѣмъ наше знаніе. Ибо люди, способные дѣлать наблюденія, могутъ проникать глубже, и посредствомъ нѣкоторыхъ вѣроятныхъ предположеній, точныхъ наблюденій и удачнаго примѣненія кажущагося часто могутъ дѣлать вѣрныя предположенія и о томъ, чего опытъ еще не открываетъ имъ; но это всегда бываетъ только предположеніемъ.

Теодилъ. Но если опытъ оправдываетъ эти заключенія постоянно, то не находите ли вы, что можно приобрѣтать вѣр-

ныя предложенія этимъ путемъ; вѣрнымъ, говорю я, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько вѣрны, на примѣръ, положенія, утверждающіяся, что самое тяжелое изъ нашихъ тѣлъ есть твердое, а самое тяжелое послѣ него есть уже летучее. Ибо мнѣ кажется, что *достоверность* (подразумѣваю, *моральную или физическую*), но не *необходимость* (т. е. *достоверность метафизическую*) тѣхъ предложеній, которыя познаются посредствомъ одного опыта, а не посредствомъ—анализа и связи идей, принята у насъ и справедливо ¹⁾).

Г Л А В А VII.

О предложеніяхъ, называемыхъ правилами или аксіомами.

§ 1. *Филалетъ*. Существуетъ одинъ родъ предложеній, подъ именемъ *правилъ* или *аксіомъ*, которыя признаются *принципами* наукъ; и такъ какъ они *очевидны сами по себѣ*, то ихъ обыкновенно называютъ *врожденными*, хотя никто и никогда, какъ мнѣ извѣстно, не попытался открыть причину или основаніе ихъ крайней ясности, которая, такъ сказать, вынуждаетъ насъ соглашаться съ ними. Не бесполезно однако же будетъ войти въ это изслѣдованіе и посмотрѣть—принадлежитъ ли эта великая очевидность только этимъ однимъ предложеніямъ, равно какъ и изслѣдовать, насколько они полезны для развитія нашихъ познаний.

Теофилъ. Это изслѣдованіе очень полезно и очень важно. Но не должно, м. г., воображать, будто оно всецѣло было въ пренебреженіи. Въ сотни мѣстахъ вы найдете, что школьные философы говорили объ этихъ предложеніяхъ, что они очевидны *ex terminis*, т. е., какъ только понимаютъ слововыраженія ихъ; такъ что были увѣрены, что сила убѣдительности (этихъ предложеній) основывается на смыслѣ терминовъ, то есть, на связи ихъ идей. Но геометры поступали гораздо лучше,

¹⁾ Различіе между метафизическою и физическою достоверностію основывается на различіи истинъ разума и опыта. Опытныя истины предполагаютъ противоположное себѣ, какъ возможное; истины же разума не допускаютъ никакой противоположной возможности. Поэтому истины разума отличаются необходимостію мышленія и обладаютъ абсолютною очевидностію; а опытныя—основываются на избраніи Богомъ при созданіи міра наилучшаго и обладаютъ относительною очевидностію.

когда часто старались доказывать ихъ ¹⁾. Уже Фалесу Милетскому, одному изъ самыхъ древнихъ извѣстныхъ геометровъ, Прокль усвоилъ желаніе доказывать предложенія, которыя Эвклидъ призналъ за тѣмъ очевидными. Сообщаютъ, что Аполлоній доказывалъ другія аксіомы, да и Прокль дѣлалъ то же. Покойный Роберваль, восьмидесяти лѣтъ или около того, имѣлъ намѣреніе обнародовать новыя начала (элементы) геометріи, о чемъ я кажется уже говорилъ вамъ ²⁾. Быть можетъ, новыя начала Арно, надѣлавшія тогда шуму, побуждали его къ этому ³⁾. Онъ показалъ нѣчто изъ этого въ королевской Академіи наукъ, и нѣкоторые нашли нужнымъ замѣтить, что, предположивши аксіому: *если къ двумъ равнымъ величинамъ присоединить равныя величины, то они остаются равными*, онъ вмѣстѣ съ этимъ доказывалъ и слѣдующую другую, признаваемую столько же очевидною: *если отъ двухъ равныхъ величинъ отнять поровну, то они останутся равными*. Говорили, что объ эти аксіомы надобно или предположить, или доказать. Но я не былъ согласенъ съ этимъ, я всегда полагалъ, что надобно считать выигрышемъ уменьшеніе числа аксіомъ. И прибавленіе (addition) безъ сомнѣнія, преимуществуетъ предъ отнятіемъ (soustraction) и гораздо проще, потому что въ прибавленіи употребляются оба выраженія, одно и другое, чего нѣтъ въ отнятіи. Арно поступилъ противоположно тому, что сдѣлалъ Роберваль. Онъ допустилъ больше предложеній, чѣмъ Эвклидъ. Что же касается *правилъ*, то ихъ иногда принимаютъ за твердо установленныя предложенія, будутъ ли они очевидны или нѣтъ. Для начинающихъ можно признать хорошимъ то, когда ихъ освобождаютъ отъ частныхъ; но когда дѣло идетъ объ обоснованіи наукъ, тогда другое дѣло. Такъ часто пользуются ими въ морали и въ то-

¹⁾ Въ дѣлѣ доказательности Лейбницъ отдаетъ полное преимущество аксіомамъ; это его любимая мысль. Въ самомъ дѣлѣ, сведеніе всего богатаго содержанія нашего сознанія къ возможно болѣе простымъ и понятнымъ предложеніямъ всегда было задачей глубокихъ мыслителей.

²⁾ Прокль ссылается на Милета Фалесскаго въ своемъ комментарий на Эвклида (*Prop. XV, theor. VIII*). Роберваль (1602—1675) былъ выдающимся математикомъ и физикомъ въ Парижѣ и жилъ во времена Декарта. Лейбницъ познакомился съ нимъ, когда ему было уже около 70 лѣтъ.

³⁾ Подъ „Новыми Элементами“ разумѣютъ богословско-полемическое сочиненіе извѣстнаго Антонія Арнольда; сочиненіе это не имѣетъ значенія въ наше время.

пикахъ у логиковъ, находя въ нихъ хорошее пособіе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ достаточно неопредѣленны и темны. Наконецъ, уже я давно и публично и частнымъ образомъ утверждаю, что полезно было бы доказывать всѣ наши второстепенныя аксіомы, которыми обыкновенно пользуются, возводя ихъ къ аксіомамъ первоначальнымъ или непосредственнымъ и недоказуемымъ, которыя я недавно какъ и прежде назвалъ *тождественными*.

§ 2. *Филалетъ*. Знаніе бываетъ очевиднымъ само по себѣ, когда согласіе или несогласіе идей замѣтно непосредственно.

§ 3. Существуютъ истины, не признаваемыя аксіомами, но которые тѣмъ не менѣе очевидны сами по себѣ. Посмотримъ, не представляютъ ли намъ такихъ истинъ четыре рода соотвѣтствій, о которыхъ мы недавно говорили (гл. 1, § 3 и гл. 3, стр. 7), а именно: тождество, связь, отношеніе и дѣйствительное бытіе.

§ 4. Что касается *тождества* и *различія*. то мы имѣемъ столько очевидныхъ предложеній, сколько имѣемъ раздѣльныхъ идей, ибо можемъ отличать одну отъ другой, наприм., говоря: *человѣкъ не есть лошадь, красное не есть голубое*. Болѣе того. Столько же очевидно, если сказать: *то, что есть—есть*, какъ и сказать: *человѣкъ есть человѣкъ*.

Феофилъ. Справедливо, и я уже замѣтилъ, что столько же вѣрно *эстетически* сказать: *А есть А*, какъ и сказать вообще: *это есть то, что есть*. Но не всегда справедливо, какъ я тоже замѣчалъ, отличать предметы идей различныхъ, какъ если бы кто либо сталъ говорить: *трехсторонникъ* (или то, что имѣетъ три стороны) не есть *трехугольникъ*; потому что фактъ *трехсторонности* не есть фактъ *трехугольности*; или если бы кто либо сказалъ: *перлы Сюзія* (о которыхъ я недавно говорилъ съ вами) не суть *линіи кубической параболы*, то онъ ошибся бы; и однако же многимъ людямъ это могло бы представляться очевиднымъ. Покойный Гарди, совѣтникъ въ Парижскомъ округѣ, отличный геометръ и оріенталистъ и очень знакомый съ древними геометрами, обнарудовавшій комментарий

Марина на *Data* Эвклида ¹⁾, былъ до такой степени предубѣжденъ въ томъ, что косвенное сѣченіе шара, называемое эллипсисомъ, отлично отъ косвеннаго сеченія цилиндра, что доказательство Серенія ему представлялось паралогичнымъ, и я ничего не могъ добиться моими разъясненіями. Да и самъ онъ былъ, когда я познакомился съ нимъ, почти въ возрастѣ Роберваля, а я былъ тогда очень молодымъ человѣкомъ: различіе, которое не могло дѣлать меня очень убѣдительнымъ въ отношеніи къ нему, хотя я находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Этотъ примѣръ мимоходомъ хорошо показываетъ, какъ сильно предубѣжденіе даже у даровитыхъ людей, коль скоро оно предстаетъ имъ вѣроятнымъ; а о Робервалѣ отзываются съ уваженіемъ въ письмахъ Декарта. Но я привелъ этотъ примѣръ только для того, чтобы показать, какъ возможно ошибаться отличая одну идею отъ другой, когда недостаточно, насколько необходимо, углубляются въ нихъ ²⁾.

§ 5. *Филалетъ*. Въ отношеніи къ *связи* или *сосуществованію*, мы имѣемъ очень немного предложеній очевидныхъ въ себѣ самихъ; но все же они сосуществуютъ и кажется таково слѣдующее, само по себѣ очевидное, предложеніе: *два тѣла не могутъ находиться въ одномъ и томъ же мѣстѣ*.

Феофилъ. Многіе христіанскіе мыслители, какъ я уже замѣтилъ, оспариваютъ это; и даже Аристотель и всѣ допускаяшіе

¹⁾ Сочиненіе Клода Гарди, подъ названіемъ: *Data Euclidis*, съ комментаріемъ неоплатоника Марина, было издано въ Парижѣ въ 1625 году. Сочиненіе Севера Антисскаго о сѣченіи цилиндра и шара вмѣстѣ съ сочиненіемъ Аполлонія Пергаскаго по тому же предмету появилось въ Пистойѣ въ 1696 году, а потомъ въ Оксфордѣ въ 1710 году. Такимъ образомъ полемика Гарди не могла относиться ни къ первому, ни къ послѣднему изданію этого сочиненія; такъ какъ Гарди умеръ уже въ 1678 году. Кромѣ того, второе изданіе появилось позже, чѣмъ Лейбницъ написалъ свое сочиненіе. Поэтому полагаютъ, что Гарди ссылается на *Synopsis* Мерсена (Парижъ, 1644), который въ краткомъ видѣ содержитъ ученіе Аполлонія и Севера.

²⁾ Полагаютъ, что Лейбницъ смѣшиваетъ здѣсь Гарди съ вышеупомянутымъ Робервалемъ. Декартъ въ своихъ письмахъ часто упоминаетъ о Гарди; онъ находился съ нимъ въ перепискѣ и, безъ сомнѣнія, цѣнилъ его высоко; однако же не находилъ, чтобы онъ расхваливалъ его въ своихъ письмахъ. Напротивъ того, о Робервалѣ онъ говоритъ: *qui procul dubio inter primarios seculi nostri geometras censeri debet*. И Лейбницъ о Гарди говоритъ, что онъ былъ *homme de merite, grand geometre, grand orientaliste*.

послѣ него въ собственномъ и точномъ смыслѣ отвердѣніе, по которому цѣлое тѣло занимаетъ меньшій объемъ, чѣмъ какой оно занимало прежде, что, по мнѣнію покойнаго Коменія, въ его небольшой, по этому поводу, написанной книгѣ, ниспровергаетъ современную философію при посредствѣ опыта съ духовымъ ружьемъ,—тоже не могутъ согласиться съ этимъ ¹⁾. Если вы принимаете тѣло за непроницаемую массу, то ваше положеніе будетъ истиннымъ, потому что оно будетъ тогда совершенно или почти совершенно идентичнымъ; но можно оспаривать, чтобы дѣйствительное тѣло могло быть въ такомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, могутъ сказать, что Богъ могъ создать это иначе; такъ что мы только предполагаемъ эту непроницаемость, какъ сообразную съ естественнымъ порядкомъ вещей, установленнымъ Богомъ и подтверждаемымъ опытомъ; но надобно признать, что это очень согласно и съ разумомъ.

§ 6. *Филалетъ*. Что касается *отношеній* модусовъ, то математики составили много аксіомъ только относительно равенства, какова вышеупомянутая аксіома: *если отъ двухъ равныхъ величинъ отнять поровну, то остатокъ будетъ равнымъ*. Не менѣе, думаю, очевидно, что одинъ и одинъ равны двумъ; и если отъ пяти пальцевъ одной руки вы устранили два, и еще устранили два пальца отъ другой руки, то число оставшихся пальцевъ будетъ равно.

Теофилъ. Что *одинъ да одинъ составляютъ два*, это не есть въ собственномъ смыслѣ истина, а есть опредѣленіе *двухъ*. Конечно здѣсь истинно и очевидно то, что это опредѣленіе относится къ возможному. Что касается аксіомы Эвклида, примененной къ пальцамъ руки, то я хочу присовокупить, что сказанное вами о пальцахъ, столько же легко понять, какъ и въ отношеніи къ А и В; но чтобы не повторять часто одного и того же (дѣйствія), его обозначаютъ вообще, и послѣ этого довольствуются подведеніемъ. Иначе произошло бы то, какъ если бы предпочитали вычисленіе въ частныхъ числахъ вычисленію

¹⁾ Догадываются, что Лейбницъ говоритъ здѣсь о рѣдкомъ въ настоящее время сочиненіи, изданномъ въ 1633 и 1643 г.г., и извѣстномъ подъ названіемъ *Physicae reformatae sinopsis*. Писатель этого сочиненія пользовался большою славой за свою педагогическую дидактику и за свои естественнаучныя свѣдѣнія.

въ общихъ правилахъ, и при этомъ достигали бы меньшаго, чѣмъ возможно. Ибо удобнѣе рѣшить слѣдующую общую проблему: „Найти два числа, коихъ сумма составляла бы данное число и коихъ разность тоже составила бы данное число“, чѣмъ отыскать два числа, коихъ сумма была бы равна 10, а разность равнялась бы 6. Ибо если я при этой второй задачѣ воспользуюсь исчисленіемъ начальной ариѳметики съ алгебраическимъ приѣмомъ, то исчисленіе будетъ таково: пусть $a+b=10$ и $a-b=6$. Присоединяя съ правой стороны знаки правой стороны и съ лѣвой лѣвые, я получу $a+b+a-b=10+6$; то есть, (поелику $+b$ и $-b$ уничтожаются) $2a=16$, или $a=8$. Отнимая знаки правой стороны отъ другой правой и лѣвой стороны отъ другой лѣвой (такъ какъ отнять $a-b$ есть то же, что присоединить сюда $-a+b$), отсюда получимъ, что $a+b-a+b=10-6$, то есть $2b=4$ или $b=2$. Такимъ образомъ я буду имѣть требуемое мною истинное число a и b , которое есть 8 и 2. Сумма этихъ чиселъ составляетъ 10, а ихъ разность 6. Но при посредствѣ этого (дѣйствія) я не нашелъ общаго метода для всякаго другого желательнаго числа, которое можно подставить на мѣсто 10 или 6; однако же методъ этотъ я могу найти съ такою же легкостію, какъ и эти два числа: 8 и 2, подставляя X и Y на мѣсто чиселъ 10 и 6. Ибо поступая по прежнему, получимъ $a+b+a-b=X+Y$, то есть, $2a=X+Y$, или $a=\frac{1}{2}(X+Y)$ и далѣе $a+b-a+b=X-Y$, то есть, $2a=X-Y$, или $a=\frac{1}{2}(X-Y)$; и далѣе $a+b-a+b=X+Y$, то есть $2b=X+Y$, или $b=\frac{1}{2}(X+Y)$. А это вычисленіе даетъ слѣдующую теорему или общее правило: когда требуются два числа, коихъ сумма и разность даны, то для (нахожденія) наибольшаго требуемаго числа надобно взять половину суммы составляемой изъ суммы и разности данныхъ чиселъ; а для (нахожденія) наименьшаго требуемаго числа надобно брать половину разности между данною суммою и разностію. Очевидно также, что я могъ бы обойтись безъ буквенныхъ знаковъ, если бы я замѣнялъ буквы числами, то есть, если бы я вмѣсто того чтобы писать $2a=16$ и $2b=4$ написалъ бы: $2a=10+6$, и $2b=10-6$, что дало бы $a=\frac{1}{2}(10+6)$ и $b=\frac{1}{2}(10-6)$. Такимъ образомъ и въ частномъ

вычисленіи я имѣлъ бы общее исчисленіе, принимая числа 10 и 6 за общіе знаки, какъ если бы это были буквы X и V, чтобы получить общую истину или найти методъ. Если же я прииму эти знаки 10 и 6 за числа, которыя они обычно выражаютъ, то я буду имѣть въ нихъ наглядный примѣръ, могущій служить повѣркою. Какъ Виета на мѣсто чиселъ поставилъ буквы чтобы достигнуть наибольшей всеобщности ¹⁾; такъ и я хотѣлъ бы снова внести числовые знаки, потому что они болѣе свойственны алгебрѣ, чѣмъ буквы. Для избѣжанія ошибокъ при большихъ исчисленіяхъ я нашелъ это весьма полезнымъ и даже примѣнимымъ къ повѣркѣ, какъ напримѣръ, при обозначеніи въ вычисленіяхъ девяти вмѣсто самаго числа, не достигая результата, когда вмѣсто чиселъ ставятъ буквы; это можетъ случаться часто, когда при подставленіи чиселъ поступаютъ умѣло, такъ что подставленіе оказывается истиннымъ въ частности, не говоря уже о полезности видѣть связь и порядокъ чиселъ, чего одни буквы никогда не могутъ съ такою легкостію открывать духу. Это я показалъ въ другомъ мѣстѣ, находя, что хорошая *характеристика* (т. е., общіе знаки) служатъ величайшею помощію для человѣческаго дѣла.

§ 7. *Филалетъ*. Что касается *дѣйствительнаго бытія*, которое я призналъ четвертымъ родомъ соотвѣтствія, замѣчаемаго нами въ идеяхъ, то оно не доставляетъ намъ никакой аксіомы, ибо мы не имѣемъ демонстративнаго доказательства даже о существахъ внѣ насъ, за исключеніемъ одного только Бога.

Феофилъ. Всегда можно сказать, что слѣдующее предложеніе: *я существую*, будучи предложеніемъ недоказуемымъ никакимъ другимъ, обладаетъ крайнею очевидностію, или лучше, есть *непосредственная истина*. Сказать: *я мыслю, слѣдовательно существую*, это не значитъ доказывать существованіе посредствомъ мысли, потому что мыслить и мыслящее существо есть одно и то же; и сказать: *я есмь мыслящій* значитъ уже

¹⁾ Фривцъ Виета (род. 154, ум. 1603) первый ввелъ въ алгебру буквенные знаки для обозначенія величинъ и этимъ проложилъ путь къ высшему математическому анализу, чему вслѣдъ за нимъ подражалъ Декартъ. Шоотень при помощи Голія и Мерсея собралъ его статьи и сочиненія, существовавшія въ немногихъ экземплярахъ, и въ одномъ фоліантѣ вздалъ ихъ въ Лейденѣ въ 1646 году.

сказать: *я существую*. Однако же вы съ нѣкоторымъ правомъ можете исключить это предложеніе изъ числа аксіомъ; потому что это предложеніе опытное, основанное на непосредственномъ опытѣ, и не есть предложеніе необходимое, коего необходимость очевидна въ непосредственномъ соотвѣтствіи идей. Напротивъ одному только Богу вѣдомо, какимъ образомъ соединяются эти два термина: *я* и *существованіе*, то есть, почему я существую. Но когда аксіома принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ за истину непосредственную и *недоказуемую*, тогда можно сказать, что слѣдующее предложеніе: *я существую* есть аксіома; и во всякомъ случаѣ можно сказать, что это есть *истина примитивная*, или лучше—*ипит ex primis cognitis inter terminos comptexos*; то есть, что это есть первое изъ познаваемыхъ выраженій, которое подразумѣвается въ естественномъ порядкѣ нашихъ познаній; ибо возможно, что человѣкъ никогда не думалъ нарочито составлять этого предложенія, и однако же оно ему врождено.

§ 8. *Филалетъ*. Я всегда думалъ, что аксіомы имѣютъ небольшое вліяніе на другія части нашихъ познаній; но вы меня разубѣдили, показавши мнѣ весьма важное значеніе аксіомъ даже тождественныхъ. Позвольте мнѣ однако же, м. г., еще представить вамъ то, что я имѣю въ умѣ своемъ въ отношеніи къ этому пункту; потому что ваши разъясненія могутъ помочь и другимъ освободиться отъ ихъ заблужденій.

§ 8. Благотворно школьное правило, по которому доказательства вытекаютъ изъ предметовъ уже принятыхъ и допущенныхъ (*ex praecognitis et praeconcessis*). Это правило по видимому требуетъ признавать начала (*maximes*) истинами, извѣстными уму прежде другихъ истинъ, а другія части нашихъ познаній—истинами зависящими отъ аксіомъ.

§ 9. Кажется, я показалъ уже (кн. 1, гл. 1), что эти аксіомы не суть первопознаваемые, потому что дитя гораздо прежде этого узнаетъ, что розга, которую ему показываютъ, не есть сахаръ, который оно ѣстъ,—чѣмъ какую либо другую аксіому. Но вы находите различіе между частными познавіями, или опытными фактами, и между принципами познавія всеобщаго и необходимаго (при чемъ, какъ я думаю, надобно прибѣгнуть

къ аксіомамъ), равно какъ между случайнымъ и естественнымъ порядкомъ.

Теодилъ. Къ этому я присовокупилъ бы еще, что по естественному порядку слѣдуетъ прежде сказать: вещь есть то, что она есть, чѣмъ говорить: она не есть какая-либо другая; потому что здѣсь дѣло идетъ не объ исторіи нашихъ открытій, которая различна по различію людей, но о связи и естественномъ порядкѣ истинъ, всегда однихъ и тѣхъ же ¹⁾. Но ваше замѣчаніе о томъ, что видимое дитятею есть фактъ, заслуживаетъ большаго разсмотрѣнія; ибо опыты чувствъ совершенно не даютъ ни истинъ абсолютно вѣрныхъ (какъ и сами вы, м. г., недавно замѣтили это), ни свободныхъ отъ всякой опасности иллюзорности. Ибо, если позволительно дѣлать возможныя метафизическія измышленія, то допустимо, что сахаръ непостижимымъ образомъ можетъ превратиться въ розгу для наказанія злаго дитяти, какъ вода превращается у насъ въ вино наканунѣ праздника Рождества, если дитя благо нравно. Но вы возразите: никогда розга, причиняющая боль, не превратится въ сахаръ, доставляющій удовольствіе. Я отвѣчаю: дитя столько же поздно прійдетъ къ составленію этого точнаго предложенія, какъ и къ замѣчанію той аксіомы, по которой то, что есть, въ то же время не можетъ не быть, хотя оно очень хорошо можетъ различать удовольствіе отъ боли, равно какъ находить различіе между сознаваніемъ и несознаваніемъ.

§ 10. *Филалетъ.* Вотъ однако же нѣсколько другихъ истинъ, столько же очевидныхъ въ себѣ самихъ, какъ и эти правила (maximes). Напримѣръ, предложеніе: *одинъ и два равны тремъ*, столько же очевидно, какъ и слѣдующая аксіома, утверждающая, что *цѣлое равно вѣсьмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ*.

Теодилъ. Вы кажется забыли, м. г., все сказанное мною не-

¹⁾ Лейбницъ хочетъ сказать, что иное дѣло разсматривать происхожденіе (генезисъ) нашихъ познаній исторически, т. е. въ послѣдовательномъ порядкѣ времени, и иное дѣло разсматривать ихъ естественно, т. е. въ логическомъ порядкѣ возникновенія. „Исторія нашихъ открытій“, т. е. всеобщее возникновеніе познаній въ теченіе жизни, у каждаго человѣка бываетъ особенное, индивидуальное и поэтому отличное отъ познаній другихъ людей; напротивъ, познанія, посредствуемыя, логическимъ мышленіемъ, или на разумѣ основанный порядокъ истинъ, у всѣхъ людей бываетъ тождественнымъ.

однократно, что предложеніе: *одинъ и два составляютъ три* есть только опредѣленіе термина *три*; такъ что сказать: одинъ и два *равно тремъ*, значить то же, что сказать: каждая вещь равна себѣ самой. Что же касается той аксіомы, по которой *цѣлое равно вѣсьмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ*, то Эвклидъ не пользовался ею явнымъ образомъ. И эта аксіома нуждается въ ограженіи; ибо къ этому надобно присовокупить, чтобы эти части сами не составляли частей какого либо общаго числа; ибо 7 и 8 составляютъ части 12, но вмѣстѣ составляютъ болѣе 12. Бюстъ и туловище, взятые вмѣстѣ, составляютъ болѣе, чѣмъ челоуѣка; потому что грудная полость обща имъ обоимъ. Но Эвклидъ говоритъ, что *цѣлое больше своей части*, при чемъ не требуется дальнѣйшаго подтвержденія. И предложеніе: *тѣло больше, чѣмъ его туловище*, отличается отъ аксіомы Эвклида только тѣмъ, что эта аксіома обозначаетъ опредѣленный предметъ; но распространяя ее и облекая во всякое тѣло достигаютъ того, что мыслимое подтверждается чувственнымъ; ибо сказать, что *такое—то* цѣлое больше *такой—то* своей части, значить высказать такое предложеніе, по которому цѣлое больше своей части, дополненной въ объемъ нѣкоторымъ объясненіемъ или прибавленіемъ; это же бываетъ, когда кто говоритъ объ АВ, тотъ упоминаетъ и А. Такимъ образомъ здѣсь не должно противопоставлять аксіому и примѣръ, какъ различныя въ этомъ отношеніи истины, но надобно смотрѣть на аксіому, какъ на воплощенную въ примѣрѣ и представляющую примѣръ достовѣрнымъ. Иное дѣло бываетъ, когда очевидность не проявляется въ самомъ примѣрѣ и когда утвержденіе есть выводъ, а не одно только *подведеніе* всеобщаго предложенія, какъ это можетъ случиться и въ отношеніи къ аксіомамъ.

Филалетъ. Нашъ ученый писатель говоритъ здѣсь: я хотѣлъ бы спросить тѣхъ господъ, которые утверждаютъ, что всякое другое познаніе (не основывающееся на опытѣ) зависитъ отъ общихъ врожденныхъ началъ, очевидныхъ въ себѣ самихъ, въ какомъ именпо началѣ люди нуждаются, чтобы доказать, что *два и два составляютъ четыре*? Ибо, по нему, истинность этого рода предложеній извѣстна безъ посредства какого либо доказательства. Что вы скажете объ этомъ, м. г.?

Теофилъ. Я скажу, что ожидалъ отъ васъ этого вопроса. Что два и два составляютъ четыре, предположивши, что они обозначаютъ три и одинъ, такъ это не есть совершенно непосредственная истина. Это можно доказать, и вотъ какимъ образомъ:

- Опредѣленія:* 1) *Два* есть одинъ и одинъ.
 2) *Три* есть два и одинъ.
 3) *Четыре* есть три и одинъ.

Аксиома: Прибавляя равные предметы, равенство сохраняется:

Доказательство: 2 и 2 есть 2 и 1 и 1 (по опредѣл. 1)

2 и 1 и 1 есть 3 и 1 (по опредѣл. 2)

3 и 1 есть 4 (по опредѣл. 3)

И такъ (по аксіомѣ) 2 и 2 есть 4.

Это и слѣдовало доказать. Вмѣсто того, чтобы сказать 2 и 2 есть 2 и 1 и 1, я могу сказать 2 и 2 равно 2 и 1 и 1, и такъ далѣе. И такъ можно подразумѣвать всегда, чтобы скорѣй совершить дѣйствіе; и это въ силу другой аксіомы, утверждающей, что каждая вещь равна сама себѣ, или то, что есть, равно себѣ.

Филалетъ. Это доказательство, какъ бы ни было мало необходимымъ по отношенію къ своему общеизвѣстному заключенію, показываетъ, какимъ образомъ истины зависятъ отъ опредѣленій и аксіомъ. Поэтому я предвижу, что вы отвѣтите на многія возраженія, направляемые противъ употребленія аксіомъ. Возражаютъ, что существуетъ безчисленное множество принциповъ, но только оттого, что въ число принциповъ включаютъ королларіи (выводныя положенія), которые вытекаютъ изъ опредѣленій при помощи какой либо аксіомы. И такъ какъ опредѣленія или идеи безчисленны, то и принципы, признаваемые въ этомъ смыслѣ, тоже безчисленны, коль скоро вмѣстѣ съ вами раздѣлять предположеніе о томъ, что не доказуемые принципы тождественны съ аксіомами. Они становятся безчисленными чрезъ перечисленіе (exemplification); но въ сущности можно считать, что А есть А, и В есть В, за одинъ и тотъ же принципъ, выраженный различно.

Теофилъ. Болѣе того. Именно различіе въ степени суще-

ствующей въ очевидности, приводитъ меня къ несогласію съ вашимъ славнымъ писателемъ относительно того, что всѣ эти истины, называемыя *принципами* и признаваемыя очевидными въ себѣ самихъ, (потому что они такъ близки къ первымъ недоказуемымъ аксіомамъ),—совершенно независимы и не способны воспринимать другъ отъ друга никакого свѣта и никакого доказательства; потому что ихъ всегда можно свести или къ самымъ аксіомамъ, или къ другимъ истинамъ, болѣе близкимъ къ аксіомамъ, какъ это показываетъ истина: два и два составляютъ четыре. И я только что показалъ вамъ, какъ Роберваль уменьшилъ число Эвклидовыхъ аксіомъ, превращая иногда одну въ другую.

§ 11. *Филалетъ*. Нашъ умный писатель, подавшій поводъ къ нашей бесѣдѣ, согласенъ, что правила полезны, но онъ думаетъ, что они полезны скорѣе для загражденія устъ упрямыхъ людей, чѣмъ для обоснованія наукъ. Буду очень радъ, говорить онъ, если мнѣ покажутъ какую либо науку, обоснованную на тѣхъ общихъ аксіомахъ, изъ которыхъ было бы видно, что наука эта не могла бы быть столько же твердой безъ этихъ аксіомъ.

Феофиль. Геометрія, безъ сомнѣнія, есть одна изъ такихъ наукъ. Эвклидъ рѣшительно пользуется аксіомами при своихъ доказательствахъ; и слѣдующая аксіома: „двѣ однородныя величины равны, если ни одна ни больше, ни меньше другой“ есть основа доказательствъ Эвклида и Архимеда относительно величины криволинейныхъ фигуръ. Архимедъ пользовался аксіомами, въ которыхъ не нуждался Эвклидъ; такова на примѣръ, аксіома: изъ двухъ линій, изъ коихъ каждая всегда имѣетъ свою вогнутую на одной и той же сторонѣ, больше той линіи, которая замыкаетъ другую. Въ геометріи нельзя такъ же отказаться отъ аксіомъ *идентичныхъ*, какъ, на примѣръ, отъ начала противорѣчія, или отъ доказательствъ, приводящихъ къ невозможному. Что же касается другихъ аксіомъ, доказуемыхъ этими, то говоря въ безусловномъ смыслѣ, безъ нихъ можно обойтись и (можно) извлекать непосредственныя заключенія изъ идентичныхъ предложеній и опредѣленій; но продолжительность доказательствъ и безконечныя повторенія, въ которыя

при этомъ впадали бы, причинили бы страшное замѣшательство, если бы всегда надобно было начинать *ab ovo*; вмѣсто того, чтобы предположивши посредствующія предложенія уже доказанными, могли легко идти далѣе. И это предположеніе истинъ уже извѣстныхъ полезно въ особенности въ отношеніи къ аксіомамъ; потому что къ нимъ обращаются, когда геометры вынуждены бывають пользоваться ими ежеминутно, не упоминая о нихъ; такъ что можно обмануться, полагая, что ихъ нѣтъ при этомъ; потому что ихъ не упоминають.

Филалетъ. Въ качествѣ возраженія приводятъ примѣръ изъ богословія. Именно изъ откровенія, говоритъ нашъ писатель, возникаетъ познаніе нашей святой религіи; а безъ этого источника правила никогда не въ состояніи были бы сообщить о ней свѣдѣнія. Такимъ образомъ свѣтъ истекаетъ для насъ отъ этого предмета, или непосредственно отъ непогрѣшимой истинности Божіей.

Теофилъ. Это то же, какъ если бы сказать: медицина основывается на опытѣ, а потому разумъ при ней не нуженъ. Христіанское богословіе, эта истинная медицина душъ, основывается на откровеніи соответствующемъ опыту, но чтобы его представить въ полномъ объемѣ, къ нему надобно присоединить естественное богословіе, которое заимствуется изъ аксіомъ вѣчнаго разума. Да и принципъ: *истинность есть свойство Божіе*, на которомъ по вашему призванію основывается достовѣрность откровенія, не есть ли правило, заимствованное изъ естественнаго богословія? ¹⁾

Филалетъ. Нашъ писатель требуетъ, чтобы различали средства пріобрѣтенія познанія отъ преподаванія, или лучше—различали обученіе отъ сообщенія. Когда открыты были школы

¹⁾ Подобно Бакону, Локъ полагаетъ источникъ религіи въ „откровеніи“ и этимъ спасаетъ себя отъ выводовъ эмпирическаго реализма. Напротивъ, Лейбницъ отдастъ въ Богословіи преимущество рациональному элементу, говоря, что „откровеніе“ предполагаетъ уже естественное Богопознаніе, къ которому оно примыкаетъ. Совершенно такъ же думаетъ и Спиноза, а за нимъ Лессингъ, между тѣмъ какъ Кантъ пролагаетъ новый путь. Но всѣмъ этимъ философамъ обща мысль, что вѣра въ откровеніе утверждается на понятія о Богѣ. Именно изъ этого понятія должно быть выводимо ученіе объ истинности Божіей, чтобы вообще можно было прійти къ признанію „откровенія“. Декартъ въ своихъ „Размышленіяхъ“ съ особенною силою развиваетъ эту мысль.

и поставлены были профессора для преподаванія наукъ, изобрѣтенныхъ другими, то эти профессора пользовались этими правилами для напечатлѣнія наукъ въ умахъ своихъ учениковъ и для убѣжденія ихъ при посредствѣ аксіомъ въ нѣкоторыхъ частныхъ истинахъ; но это не то, чтобы частныя истины помогали первымъ изобрѣтателямъ открывать истину безъ всеобщихъ правилъ.

Феофилаъ. Я хотѣлъ бы, чтобы намъ оправдали это мнимое происхожденіе на примѣрѣ нѣкоторыхъ частныхъ истинъ. Но вникнувши хорошенько, не найдутъ оправданія этому въ дѣлѣ изобрѣтенія наукъ; и если бы изобрѣтатель находилъ только частную истину, то онъ былъ бы изобрѣтателемъ только на—половину. Если бы на примѣрѣ, Пифагоръ сдѣлалъ то наблюденіе, по которому треугольникъ, коего стороны суть 3, 4, 5, обладаетъ такимъ свойствомъ, что квадратъ его гипотенузы равенъ двумъ его катетамъ (то есть, $9+16$ составляютъ 25), то былъ ли бы онъ изобрѣтателемъ той великой истины, которая обнимаетъ всѣ правильные треугольники и которая стала у геометровъ правиломъ? Справедливо, что часто одинъ примѣръ, замѣченный случайно, подаетъ умному человѣку поводъ предаться изысканію всеобщей истины; но это сопряжено со многими затрудненіями при нахожденіи. Кромѣ того, этотъ путь изобрѣтенія не есть наилучшій и не есть наиболѣе употребительный среди тѣхъ, которые держатся порядка и поступаютъ методично; и они пользуются имъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ лучшаго метода. Это тоже, какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ, Архимедъ нашелъ квадратуру параболы, взвѣсивая кусокъ дерева, отрубленнаго параболически, и этотъ частный случай привелъ его къ открытію общей истины; но знающіе проникаемость этого великаго человѣка ясно видятъ, что онъ не пуждался въ подобномъ случаѣ. Однако же, если бы этотъ эмпирическій путь къ частнымъ истинамъ и подавалъ поводъ ко всѣмъ открытіямъ, то онъ не былъ бы удовлетворительнымъ для сообщенія ихъ; и сами изобрѣтатели съ радостію отмѣтили правила и общія истины, когда смогли ихъ достигнуть; безъ этого же, ихъ открытія были бы очень несовершенными. Такимъ образомъ все,

что можно усвоить школамъ и профессорамъ, это собраніе и упорядоченіе нѣкоторыхъ другихъ всеобщихъ истинъ; и далъ бы Богъ, чтобы они дѣлали это въ большемъ объемѣ, съ большею заботливостію и тщательностію; тогда науки не были бы такъ безсвязны и смѣшанны. Наконецъ, я признаю, что часто существуетъ различіе между методомъ, которымъ пользуются при преподаваніи наукъ, и методомъ, употребляемымъ для открытія ихъ; но мы не объ этомъ говоримъ. Иногда, какъ я уже замѣчалъ, случай подаютъ поводъ къ открытіямъ. Если бы эти случаи были замѣчены и память о нихъ была сохранена для потомства (что было бы очень полезнымъ), то эти частности составили бы значительную долю исторіи; но они не дали бы возможности привести ихъ въ систему. Иногда также изобрѣтатели достигали истины разумнымъ путемъ, но слишкомъ большими распутіями. Я нахожу, что при важныхъ открытіяхъ писатели оказали бы публикѣ услугу, если бы съ искренностію захотѣли бы отмѣчать въ своихъ сочиненіяхъ слѣды своихъ опытовъ; но если бы система науки была составлена по этому масштабу, то это было бы то же, какъ если бы въ отстроенномъ домѣ захотѣли бы сохранить всѣ приспособленія, въ которыхъ архитекторъ нуждался при возведеніи зданія. Хорошіе методы преподаванія всегда суть тѣ, которые наука можетъ находить на своемъ собственномъ пути; и если тогда они не бываютъ эмпирическими, т. е., если истины преподаются на основаніи разума и доказательствъ, заимствованныхъ изъ идей, то это всегда совершается при посредствѣ аксіомъ, теоремъ, правилъ и другихъ подобныхъ предложеній. Иное дѣло, когда истины бываютъ *афоризмами*, каковы на примѣръ истины Гиппократы, то есть, когда бываютъ истинами опытными, или общими, или по крайней мѣрѣ по большей части вѣрными, заимствованными изъ наблюденій или основанными на опытѣ, и для которыхъ нѣтъ убѣдительныхъ доводовъ сей-часъ же. Но мы не объ этомъ говоримъ; ибо эти истины узнаются не при посредствѣ связи идей.

Филалетъ. По мнѣнію нашего даровитаго автора, потребность въ правилахъ была создана слѣдующимъ образомъ. Когда школы ввели диспуты, служившіе пробнымъ камнемъ для опре-

дѣленія достоинства ученыхъ, они стали усвоить побѣду тому кто оставался на полѣ сраженія и кто говорилъ послѣднимъ. Но чтобы доставить возможность побѣждать упрямыхъ, надобно было установить правила.

Теофилъ. Школы философовъ, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы гораздо лучше, если бы присоединили практику къ теоріи, какъ дѣлаютъ это школы медиковъ, химиковъ и математиковъ, и если бы давали награду лишь тому, кто лучше поступаетъ, въ особенности относительно нравственности, чѣмъ тому, кто лучше говоритъ. Но такъ какъ существуютъ предметы, при которыхъ самыя разсужденія служатъ опытами, а иногда единственнымъ опытомъ и образцомъ, доказывающимъ умѣлость человѣка, какъ это бываетъ при метафизическихъ предметахъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ резонно судятъ объ умѣлости людей по успѣхамъ, приобрѣтаемымъ ими при собесѣдованіяхъ. Извѣстно также, что въ началѣ реформаціи протестанты призывали своихъ противниковъ выходить на диспуты и собесѣдованія; и иногда, на основаніи успѣховъ при этихъ диспутахъ, публика заключала въ пользу реформы. Извѣстно также, какъ искусство говорить, сообщать доводамъ ясность и силу, и если можно такъ выразиться искусство диспутировать, важно въ государственныхъ совѣтахъ, на войнѣ, въ судебныхъ учрежденіяхъ, при медицинскихъ совѣщаніяхъ и даже при разговорахъ. И люди бываютъ обязаны прибѣгать къ этому средству и довольствоваться въ этихъ случаяхъ словами вмѣсто фактовъ по той самой причинѣ, что при этихъ случаяхъ дѣло идетъ о событіи или фактѣ будущемъ, когда узнаютъ истину опытно слишкомъ поздно. Такимъ образомъ искусство диспутировать или побѣждать доводами (я разумѣю здѣсь и приведеніе авторитетовъ и примѣровъ) весьма велико и весьма важно; но къ несчастію оно очень дурно упорядочено; и именно поэтому часто случается, что не приходятъ ни къ какому заключенію; или заключаютъ дурно. Вотъ почему я неоднократно желалъ составить замѣтки о коллоквиумахъ богослововъ, о которыхъ мы имѣемъ извѣстія, чтобы показать ошибки, замѣчаемыя въ нихъ, и указать на врачевство, возможное при этомъ. При совѣщаніяхъ о дѣлахъ, если люди, одаренные боль-

шею властію, не обладаютъ серьезнымъ умомъ, обыкновенно авторитетъ и краснорѣчіе превозмогаютъ, когда соединяются противъ истины. Однимъ словомъ, искусство бесѣдовать и диспутировать нуждается въ полной переработкѣ. Что же касается преимущества того человѣка, который говорить послѣднимъ, то это бываетъ только при свободныхъ собесѣдованіяхъ; ибо при совѣщаніяхъ обыкновенно держатся извѣстнаго порядка, будетъ ли кто говорить первымъ или послѣднимъ по очереди. Справедливо, что обыкновенно предсѣдатель начинаетъ и оканчиваетъ рѣчь, т. е., предлагаетъ и заключаетъ, но заключаетъ по большинству голосовъ. И при академическихъ совѣщаніяхъ отвѣчающій или защищающій говоритъ послѣднимъ, но поле сраженія остается за нимъ почти всегда на основаніи установленнаго обычая. Дѣло идетъ тутъ объ испытаніи, а не о приведеніи въ замѣшательство; поступать иначе, значило бы поступать враждебно. И говоря по правдѣ, при этихъ собесѣдованіяхъ почти никогда не было вопроса объ истинѣ; такъ въ разное время съ одной и той же кафедрой защищали противоположные тезисы. Казавбонъ показывали Сорбоннскую залу и ему сказали: „Вотъ мѣсто, гдѣ диспутировали столько вѣковъ“. Онъ отвѣчалъ: „Къ какому же пришли заключенію?“

Филалетъ. Одвако же желали помѣшкать тому, чтобы диспутъ простирался въ безконечность, и желали найти средство покончить съ двумя противниками равно опытными, дабы они не вдались въ безконечную послѣдовательность силлогизмовъ. И этимъ путемъ были введены извѣстныя всеобщія предложенія, большею частію очевидныя сами по себѣ, которыя, будучи естественно приняты всѣми людьми съ полнымъ согласіемъ, должны быть признаваемы общимъ масштабомъ истины и замѣнять собою принципы (если спорящіе не установили другихъ), за предѣлы которыхъ не должно нереступать и которыхъ они взаимно должны были держаться. Такимъ образомъ эти правила, получивши названіе принциповъ, которыхъ нельзя отрицать при диспутѣ и которыя рѣшаютъ вопросъ, ошибочно (по мнѣнію нашего писателя) были призваны источниками познаний и фундаментомъ науки.

«*Феофилъ.* Далъ бы Богъ, чтобы ими пользовались при диспутахъ подобнымъ образомъ, противъ этого нечего было бы возразить; потому что ими все же что либо рѣшали бы. И что могло бы быть лучшимъ какъ сведеніе спора, т. е., оспариваемыхъ истинъ, къ истинамъ очевиднымъ и бесспорнымъ? Не значило ли бы это установить ихъ доказательно? И кто можетъ сомнѣваться, что эти принципы, окапчивающіе диспуты и устанавливающіе истинны, не бываютъ въ то же время и источниками познаний? Лишь бы разсужденія были правильными, а тогда не важно то, будутъ ли пользоваться ими тайно въ своемъ кабинетѣ, или будутъ устанавливать ихъ публично, съ кафедръ. И если бы даже эти принципы были скорѣе вопросами, чѣмъ аксіомами, принимая эти вопросы не въ смыслѣ Эвклида, а въ смыслѣ Аристотеля, то есть, какъ предположенія, съ которыми желательно согласится—въ надеждѣ, что наступитъ время, когда они будутъ доказаны,—то и тогда они всегда будутъ доставлять ту пользу, что при посредствѣ ихъ всѣ другіе вопросы могутъ быть сводимы къ небольшому числу предложеній. Такимъ образомъ я чрезвычайно удивляюсь, видя какъ люди по какому то неизвѣстному мнѣ, но очевидному предубѣжденію, порицаютъ дѣло похвальное, какъ напримѣръ, дѣлаетъ вашъ писатель, которому подражаютъ многіе умные люди по недостатку внимательности. Къ несчастію дѣло происходитъ совершенно иначе при академическихъ диспутахъ. вмѣсто установленія всеобщихъ аксіомъ, дѣлаютъ все возможное для ихъ ослабленія посредствомъ пустыхъ и малопонятныхъ различеній, и любятъ пользоваться извѣстными философскими правилами, которыми наполнены большіе фоліанты, но которыя мало достовѣрны и мало опредѣленны, и которыя любятъ уничтожать различеніями. Это есть средство не оканчивать диспуты, а дѣлать ихъ безконечными и за тѣмъ утомлять противника. Это то же, какъ если бы привести его въ темное мѣсто и наносить ему частые удары, о которыхъ никто не можетъ сказать, откуда они. Это изобрѣтеніе очень полезно для отвѣтчиковъ, обязанныхъ защищать извѣстные тезисы. Это щитъ Вулкана, который дѣлаетъ ихъ неуязвимыми; это *Orci galea*, или бальсамное дерево Плутона, которое дѣлаетъ ихъ невидимыми. Надобно по-

лагать, что они очень недостаточны или очень неудовлетворительны, если при нихъ заблужденія остаются. Справедливо, что существуютъ правила, допускающія исключенія, особенно въ вопросахъ, связанныхъ со многими обстоятельствами, какъ въ юриспруденціи. Но чтобы изъ нихъ сдѣлать вѣрное употребленіе, надобно, чтобы эти исключенія были опредѣлены по числу и по смыслу, насколько это возможно; и тогда можетъ случиться, что само исключеніе имѣетъ свои подъ—исключенія, *то есть имѣетъ реплики*, а эти реплики имѣли свои *дублики* и т. д.; но надобно, чтобы въ концѣ концовъ всѣ эти исключенія и подъ—исключенія были опредѣлены, соединены съ правилами и приводили къ всеобщности. Юриспруденція въ этомъ отношеніи представляетъ весьма замѣчательные образцы. Но если этого рода правила, осложненные исключеніями и подъ—исключеніями, должны имѣть мѣсто при академическихъ диспутахъ, то всегда надобно диспутировать съ перомъ въ рукѣ и составлять какъ-бы протоколъ всему тому, что говорится съ одной и съ другой стороны. И это, кромѣ того, бываетъ необходимо при продолжительныхъ диспутахъ въ формѣ многихъ силлогизмовъ, отъ времени до времени соединяемыхъ съ различеніями, при которыхъ самая лучшая въ мірѣ память можетъ спутаться. Но бояться дать себѣ трудъ вести дѣло въ строгой силлогистической формѣ и примѣнять ее къ открытіямъ истины, когда не надѣются на вознагражденіе, и поэтому не приходятъ къ концу, когда даже желаютъ его, по крайней мѣрѣ, пока различенія не бывають устранены или болѣе упорядочены.

Филалетъ. Однако же справедливо, какъ замѣчаетъ и нашъ авторъ, что школьная метода введенная въ разговоры внѣ школы, для загражденія устъ спорщиковъ, произвела дурное дѣйствіе. Ибо, обладая только посредствующими идеями, легко было видѣть ихъ связь безъ помощи правилъ, до установленія ихъ; и это удовлетворяло людей искреннихъ и понятливыхъ. Но такъ какъ школьная метода вызвала и уполномочила людей оспаривать и возставать противъ очевидныхъ истинъ, до того, что они стали противорѣчить другъ другу или отвергать установленные принципы, то все должно удивляться, что и при обычныхъ разговорахъ люди не стыдятся дѣлать то, что составляетъ пред-

метъ славы и что въ школахъ признается преимуществомъ. Авторъ присовокупляетъ, что люди разсудительные, принадлежащія къ остальному міру, не испорченные образованіемъ, съ трудомъ повѣрили бы, чтобы подобная метода усвоена была лицами, составившими себѣ профессію изъ любви къ истинѣ, которые проводятъ всю свою жизнь въ изученіи религіи и природы. Я не изслѣдую здѣсь, говоритъ онъ, насколько эта манера образованія можетъ отвращать духъ молодыхъ людей отъ любви и искренняго изысканія истины и скорѣе можетъ приводить ихъ къ вопросу, ужь дѣйствительно ли существуетъ въ мірѣ истина и надобно ли, по крайней мѣрѣ, стремиться къ ней. Но я рѣшительно думаю, присовокупляетъ онъ, что за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ школахъ была принята перепатетическая философія и гдѣ въ теченіе многихъ вѣковъ не преподавали ничего другого, кромѣ искусства диспутировать, нигдѣ не смотрѣли на эти правила, какъ на основу наукъ, и какъ на важный источникъ для развитія познаній о предметахъ.

Феофилъ. Вашъ ученый авторъ думаетъ, что одни лишь школы склонны создавать правила; и однако же это есть инстинктъ всеобщій и весьма разумный у всего рода человѣческаго. Вы можете заключить это на основаніи пословицъ, употребительныхъ у всѣхъ народовъ, которые обычно суть правила, принятая въ обществѣ. Однако же, когда люди разсудительные высказываютъ нѣчто представляющееся намъ противнымъ истинѣ, то по справедливости падобно предполагать, что ошибка скорѣе скрывается въ выраженіяхъ, чѣмъ мысляхъ; это подтверждается здѣсь и на примѣрѣ нашего автора, коего мотивы, заставлявшіе его возставать противъ правилъ, я начинаю наконецъ угадывать. Въ самомъ дѣлѣ, при обыкновенныхъ разговорахъ, когда дѣло идетъ не о школьномъ упражненіи, этимъ хотятъ защищаться, а не сдаваться, когда бываютъ побѣждаемы; чаще же всего отвергаютъ понятныя послылки (силлогизмовъ) и довольствуются энтимемами; и даже, не прибѣгая къ послылкамъ, часто считаютъ достаточнымъ привести *medius terminus* или посредствующую идею, и духъ

нашъ достаточно понимаетъ связь безъ выраженія оной. ¹⁾ И дѣло идетъ хорошо, когда эта связь безспорна. Но часто случается, и вы согласитесь съ этимъ, что предполагаютъ эту связь слишкомъ поспѣшно, и отсюда возникаютъ паралогизмы, такъ что часто было бы гораздо лучше обращать вниманіе на точность выраженій, чѣмъ предпочитать ей краткость и изящество. Но предубѣжденіе вашего писателя противъ правилъ заставило его совершенно отвергнуть полезность ихъ и довело его до обвиненія ихъ въ безпорядочности при взаимномъ собесѣдованіи людей. Справедливо, что молодые люди, привыкшіе къ академическимъ упражненіямъ, когда нѣсколько излишне упражняются и недостаточно извлекаютъ изъ упражненія наибольшую выгоду, которую можно имѣть и которая состоитъ въ познаніи,—съ трудомъ отказываются отъ этого въ практической жизни. И одинъ изъ ихъ приемовъ (*chicanes*) состоитъ въ нежеланіи признать истину до тѣхъ поръ, пока не представятъ ее совершенно наглядною, хотя искренность и даже цивилизованность должны бы побудить не домогаться подобныхъ крайностей, которыя дѣлаютъ ихъ неудобными и сообщаютъ о нихъ дурное мнѣніе. И надобно признаться, что это такой порокъ, коимъ ученые люди всего чаще бываютъ заражены. Но этотъ порокъ состоитъ не въ томъ, что желаютъ подвести истины подъ правила, а въ томъ, что желаютъ дѣлать это неблаговременно и безъ надобности; ибо духъ человѣческой созерцаетъ многое за одинъ разъ, и для него бываетъ стѣсненіемъ, когда заставляютъ его останавливаться на каждомъ шагѣ и выражать все, что онъ думаетъ. Это совершенно то же,

1) При доказываніи, какъ справедливо замѣчаетъ Лейбницъ, мы обыкновенно опускаемъ нѣкоторыя силлогистическія послыки и чаще всего—большую послыку. Напримѣръ, „Кай долженъ умереть, потому что онъ человѣкъ“; при чемъ большая послыка: „всѣ люди смертны“, какъ понятная сама по себѣ, опускается. Или „затменіе луны происходитъ отъ помѣщенія земли“; гдѣ опускается слѣдующая большая послыка, какъ понятная сама по себѣ: „каждое тѣло становится темнымъ, когда между нимъ и освѣщающимъ пунктомъ помѣщается непрозрачное тѣло“. *Medius terminus* или же средняя послыка при этомъ увеличивается или усиливается, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, и содержитъ подлинное, ближайшее основаніе мысли, такъ: Кай человѣкъ, земля помѣщается между луною и солнцемъ. Послѣ приведенія этого основанія мыслящему человѣку легко уже самому составить большую послыку.

какъ если бы, разсчитываясь съ продавцомъ или хозяиномъ, потребовать, чтобы все высчитывали по пальцамъ для большей вѣрности. Но чтобы требовать этого, надобно быть или глупымъ или капризнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, иногда находятъ, что Петроній имѣлъ право сказать: *adolescentes in scholis stultissimos fieri* (юноши въ школахъ становятся совершенно глупыми)¹⁾ и даже самыя школы превращаются иногда въ мѣста безразсудства; хотя должны бы быть школами мудрости: *corruptio optimi pessima* (чѣмъ лучше что либо, тѣмъ хуже становится при испорченности). Но всего чаще, подобные люди становятся пустыми, хлопотунами и безпокойными, капризными, несносными, и это чаще всего зависитъ отъ настроенія учителей, которыхъ имѣютъ. Наконецъ, я нахожу, что при общественныхъ разговорахъ существуютъ бѣльшіе пороки, чѣмъ требованіе чрезмѣрной ясности. Ибо обыкновенно впадаютъ въ противоположный порокъ и не требуютъ или не сообщаютъ достаточной ясности. Если первое неудобно, то второе вредно и опасно.

§ 12. *Филалетъ*. Примѣненіе правилъ случается иногда и тогда, когда соединяютъ ихъ съ понятіями ложными, сбивчивыми и недостоверными; и тогда правила служатъ къ утвержденію насъ въ ошибкахъ, и даже доказываютъ противорѣчивое. Напримѣръ, кто съ Декартомъ составилъ себѣ идею о томъ, что онъ называетъ *тѣломъ*, какъ о вещи только протяженной, тотъ легко можетъ доказывать при посредствѣ слѣдующей аксіомы: *то, что есть—есть*, и то, что нѣтъ пустоты, то есть, что нѣтъ пространства безъ тѣла; ибо признавая эту его идею, онъ признаетъ, что она есть то, что есть и не есть другая идея; такимъ образомъ, такъ какъ протяженіе, тѣло и пространство суть для него три слова обозначаютія одинъ и тотъ же предметъ, то для него столько же будетъ правильно сказать, что пространство есть тѣло, какъ и сказать: тѣло есть тѣло. § 13. Но другой, для котораго тѣло означаетъ твердое протяженіе, будетъ уже заключать, что предложеніе: *пространство не есть тѣло*, столько же вѣрно, какъ всякое другое предложеніе, которое мо-

¹⁾ Въ первой главѣ *Satyricon*—а.

жетъ быть доказываемо слѣдующимъ правиломъ: *невозможно чтобы вещь въ одно и то же время была и не была.*

Геофилъ. Злоупотребленіе правилами не должно возбуждать порицанія употребленія ихъ вообще; всѣ истины подпадаютъ тому неудобству, что при соединеніи ихъ съ ошибочными понятіями можно составлять ложныя заключенія и даже вывести противорѣчивыя положенія. И въ приведенныхъ примѣрахъ, нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ идентичныхъ аксіомахъ, которымъ усвояютъ причину заблужденій или противорѣчій. Въ этомъ можно убѣдиться, когда аргументъ тѣхъ, которые на основаніи своего опредѣленія заключаютъ, что пространство есть тѣло, или оно не есть тѣло,—будетъ представленъ въ ясной формѣ. Есть даже нѣчто излишнее въ слѣдующемъ заключеніи: всякое тѣло есть пространственное и твердое; слѣдовательно, протяженіе, то есть, пространство не есть тѣло и пространство не есть корпоральный предметъ: ибо я замѣтилъ уже, что существуютъ выраженія идей излишнія или такія, которыя не увеличиваютъ знанія предметовъ; какъ если бы кто сказалъ: подъ *тройнымъ* (triquatrum) я разумѣю трехсторонній треугольникъ, и отсюда заключалъ бы, что трехсторонникъ не есть треугольникъ. Такъ и картезіанецъ могъ бы сказать, что идея твердаго пространства подобнаго же рода, то есть, что она излишняя. Да и въ самомъ дѣлѣ, принимая пространство за пѣчто субстанціальное, всякое пространство будетъ твердымъ, или всякое пространство будетъ корпоральнымъ. Что же касается пустаго пространства, то картезіанецъ изъ своей идеи или изъ своего образа представленія могъ бы заключать, что подобнаго пространства нѣтъ, предположивши, что его идея правильная; но другой не имѣлъ бы права изъ этой же идеи заключать, что оно существуетъ; какъ и въ самомъ дѣлѣ, хотя я не держусь картезіанскихъ воззрѣній, однако же думаю, что нѣтъ пустаго пространства ¹⁾ и нахожу,

1) Уже во второй книгѣ этого сочиненія Лейбницъ отвергаетъ существованіе пустаго пространства и соглашается въ этомъ отношеніи съ Декартомъ; но прежде онъ соглашался съ Локкомъ, т. е. допускалъ возможность существованія пространственной пустоты. По его мнѣнію, пустое пространство мыслимо при допущеніи существованія первоначальныхъ твердыхъ тѣлъ, т. е. атомовъ; но его нельзя призывать при первоначальномъ допущеніи разсѣвающихся или эластическихъ тѣлъ.

что на этомъ примѣрѣ скорѣе злоупотребляютъ идеями, чѣмъ правилами.

§ 15. *Филалетъ*. По крайней мѣрѣ, кажется что то употребленіе, которое хотятъ сдѣлать изъ правилъ въ словесныхъ предложеніяхъ, не можетъ дать намъ ни малѣйшаго знанія о субстанціяхъ, существующихъ внѣ насъ.

Феофилъ. Я совершенно другаго мнѣнія. Напримѣръ, то правило, по которому природа дѣйствуетъ кратчайшими или, по крайней мѣрѣ, самыми опредѣленными путями, одно достаточно для показанія основаній почти для всей оптики, катоприки и діоптрики, то есть, для всего того, что совершается внѣ насъ въ явленіяхъ свѣта. Я вѣкогда указалъ на это и Молино совершенно доказалъ это въ своей Діоптрикѣ, весьма хорошей книгѣ ¹⁾).

Филалетъ. Однако же доказываютъ, что когда пользуются идентичными принципами для доказательства предложеній, у которыхъ встрѣчаются слова, обозначающія сложныя идеи, каковы: *человѣкъ* или *добродѣтель*, то употребленіе ихъ чрезвычайно опасно, и приводитъ людей къ принятію или признанію ложнаго за ясную истину. И это потому, что, употребляя одинаковые термины, люди думаютъ, что предложенія обнимаютъ тѣ же предметы, хотя идеи, обозначаемыя этими терминами, различны; такъ что люди, принимая слова за предметы, какъ это обычно дѣлаютъ, всегда пользуются правилами для доказыванія предложеній противорѣчивыхъ.

Феофилъ. Какая несправедливость порицать правила за то, что должно быть поставлено въ вину злоупотребленію терминами и ихъ двусмысленности! На этомъ же основаніи могутъ порицать силлогизмы, потому что заключаютъ неправильно, когда термины двусмысленны. Но силлогизмъ въ этомъ неповиненъ; потому что въ самомъ дѣлѣ существуетъ четыре термина, противоположныхъ правиламъ силлогизма. На этомъ же основаніи

¹⁾ Сочиненіе Молино подъ заглавіемъ: *Dioptrica gena* подъ редакціею Галлея было издано въ Лондонѣ въ 1692 году и долгое время составляло главное руководство по оптикѣ. Молино состоялъ въ перепискѣ съ Локкомъ, какъ это видно изъ извѣстнаго письма Лейбница къ Монмартру. О немъ говорятъ, что онъ, желая лично познакомиться съ Локкомъ, отпраиваясь въ Лондонъ, но дорогою заболѣлъ и померъ.

можно порицать и арифметическія или алгебраическія вычисления, когда X поставляютъ вмѣсто V и неосмотрительно принимаютъ a за b , а отсюда выводятъ ошибочныя или противорѣчающія заключенія.

§ 19. *Филалетъ*. Я по крайней мѣрѣ думаю, что правила могутъ быть полезными, когда люди обладаютъ ясными и раздѣльными идеями; другіе же думаютъ, что даже и тогда они рѣшительно не приносятъ никакой пользы и полагаютъ, что кто не можетъ различать истины отъ заблужденія безъ этого рода правилъ, тотъ не можетъ достигнуть этого и при посредствѣ ихъ; и нашъ писатель (§§ 16, 17) показалъ, что они рѣшительно не помогаютъ намъ въ рѣшеніи даже слѣдующаго вопроса: извѣстное существо есть ли человѣкъ, или не человѣкъ?

Теофилъ. Когда истины бываютъ очень просты и очевидны и очень близки къ предложеніямъ идентичнымъ и къ опредѣленіямъ, тогда вовсе нѣтъ надобности въ нарочитомъ употребленіи правилъ для извлеченія изъ нихъ этихъ истинъ, потому, что духъ пользуется ими безсознательно и составляетъ свое заключеніе быстро, безъ посредства ихъ. Но безъ аксіомъ и теоремъ, уже извѣстныхъ, математики съ трудомъ могли бы идти впередъ; потому, что при продолжительныхъ выводахъ хорошо бываетъ отъ времени до времени остановиться и устроить себѣ какъ бы поверстныя стоянки на пути, которыя другимъ показывали бы пройденный путь. Безъ этого, эти длинные пути были бы очень неудобны и даже представлялись бы сбивчивыми и темными; такъ что нельзя было бы ничего различить и открыть, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Это похоже на то, какъ въ темную ночь отправиться плавать по морю безъ компаса, не видя ни дна, ни берега, ни здѣздъ; или когда идутъ по обширной стени, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни холмовъ, ни ручьевъ; или похоже на цѣпь изъ колець, предназначаемую для измѣренія длиннотъ, гдѣ соединены сотни подобныхъ же колець безъ различій, какъ въ четкахъ, безъ болѣе крупныхъ зеренъ, или болѣе крупныхъ колець, или другихъ отличій, которыя могли бы обозначать футы, аршины, сажни, и т. п. Поэтому духъ, любящій единство во множествѣ, соединяетъ нѣкоторые выводы вмѣстѣ для образованія изъ нихъ посредствующихъ заключеній, и отсюда возникаетъ

употребленіе правилъ и теоремъ. Посредствомъ этого получается больше удовольствія, больше свѣта, больше припоминанія, больше внимательности и меньше повторенія. Если бы какой либо аналитикъ, при объясненіи слѣдующихъ двухъ геометрическихъ положеній, по которымъ квадратъ гипотенузы равенъ двумъ катетамъ и соотвѣтственныя стороны подобныхъ треугольниковъ пропорціональны, вообразилъ бы, что такъ какъ существуетъ доказательство обоихъ этихъ теоремъ при посредствѣ связи идей, содержащейся въ нихъ, а потому легко можетъ обойтись (безъ этихъ теоремъ), поставляя самыя идеи на ихъ мѣсто, то онъ слишкомъ удалился бы отъ своего вычисленія. Но чтобы вы не думали, м. г., что полезное употребленіе этихъ правилъ ограничивается только математическими науками, вы найдете, что оно не меньше и въ юриспруденціи. Одно изъ главныхъ средствъ сдѣлать юриспруденцію болѣе легкою и обширнымъ океанъ ея разсматривать какъ на географической картѣ, состоитъ въ сведеніи множества частныхъ рѣшеній къ болѣе общимъ пачаламъ. Напримѣръ, нашли, что множество узаконеній Дигестъ, дѣйствій и изъятій, такъ называемыхъ *in factum*, зависятъ отъ слѣдующаго правила: *ne quis alterius damno fiat locupletior*, т. е. никто не долженъ пользоваться убыткомъ другаго для своего обогащенія, что однако же надобно было бы выразить поточнѣе. Справедливо, что между правилами права надобно полагать большое различіе. Я говорю о правилахъ хорошихъ, а не о введенныхъ учеными юристами (*brocardica*), двусмысленныхъ и темныхъ ¹⁾, хотя и эти правила часто могли бы стать хорошими и полезными, если бы ихъ преобразовать; между тѣмъ какъ теперь съ своими безконечными различеніями (*cum suis fallentiis*) они приводятъ лишь къ замѣпательству. Но хорошія правила суть или афоризмы или максимы, а подъ максимами я разумѣю, какъ аксіомы, такъ и теоремы. Если они суть афоризмы, составленные на основаніи наведенія и наблюденія, а не *a priori*,

¹⁾ Названіе: *Brocardica* самъ Лейбницъ въ письмѣ своемъ къ Кестнеру опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: *sunt vel ipsa juris solida principia vel regula, quaedam topicae: priora necessaria sunt, posteriores utiles forent, si satis examinatae explicataeque haberentur, pertinent enim fore ad facti quaestionem artemque concipiendi, ad quam refero interpretandi artificium.*

и установлены учеными людьми послѣ разсмотрѣнія существующаго права, то слѣдующій текстъ юрисконсульта Павлюса въ сочиненіи подѣ заглавіемъ о Дигестахъ, трактующій о правилахъ права, будетъ правильнымъ: *non ex regula jus sumi, sed ex jure quod est regulum fieri*, то есть, надобно извлекать правила изъ извѣстнаго уже права для лучшаго памятованія его, а не устанавливать, право на этихъ правилахъ. Но существуютъ основныя правила, которыя составляютъ самое право и опредѣляютъ дѣйствія, ограниченія, жалобы и пр., которыя коль скоро устанавливаются чистымъ разумомъ и не истекаютъ изъ произвольной власти государства, составляютъ естественное право, а таково и есть упомянутое мною правило, по которому запрещается пользоваться убыткомъ другаго. Существуютъ также правила, коихъ ограниченія рѣдки и слѣдовательно признаются всеобщими. Таково правило установленій императора Юстиніана въ § 2 подѣ заглавіемъ о жалобахъ, по которому, коль скоро дѣло идетъ о вещественныхъ предметахъ, то жалобщикъ не владѣеть ими, за исключеніемъ единственнаго случая, обозначеннаго, по словамъ императора, въ Дигестахъ, но надобно быть опытнымъ, чтобы найти его. Справедливо, что нѣкоторые вмѣсто *sane uno casu* читаютъ *sane non uno casu*, и одинъ случай можетъ иногда превращаться во многіе. ¹⁾ Среди медиковъ, покойный Барнеръ, подавшій надежду на новаго Сеннерта или на новую медицинскую систему, приспособленную къ новымъ открытіямъ или мнѣніямъ, издавши свой *Prodromus* ²⁾,—утверждаетъ, что пріемы, употребляемые обыкновенно

¹⁾ Упоминаемаго здѣсь юриста мы называемъ Павлюсомъ, хотя въ нѣкоторыхъ изданіяхъ твореній Лейбница это имя вовсе пропущено или потому, какъ догадываются, что не было знакомо Лейбницу, или потому, что было написано въ первоначальной рукописи неразборчиво. Но оно принято во всѣхъ лучшихъ изданіяхъ Лейбницевыхъ твореній на основаніи слѣдующихъ словъ: *Paulus libro XVI—mo quod Plantium. Regula est, quae rem, quae est breviter, enarrat. Non ex regula jus sumatur, sed ex jure quod est regula fiat.* (Digest. L. XVII). Вторая цитата изъ Пандектовъ находится въ *Institutiones* (L. IV. Tit. VI. de *actionibus*). Въ изданіи Бретера (Гаде 1728) въ примѣчаніи говорится, что должно быть принято чтеніе: *sane uno casu*; это чтеніе удерживается и новѣйшими издателями.

²⁾ Яковъ Барнеръ, какъ говоритъ Лейбницъ, хотѣлъ дополнить и сообразно съ своимъ временемъ переработать сочиненіе систематика Сеннерта, жившаго въ половинѣ XVII вѣка. Для какой цѣли онъ въ 1674 г. написалъ *Prodromus Sen-*

медиками сообразно съ своими практическими системами, состоятъ въ изложеніи искусства леченія, переходя отъ одной болѣзни къ другой, по порядку частей человѣческаго тѣла, или, иначе, не сообщая практическихъ правилъ всеобщихъ, тождественныхъ для многихъ болѣзненныхъ симптомовъ, а это обязываетъ ихъ къ безконечнымъ повтореніямъ; такъ что, по нему, можно было бы уменьшить *Сеннерта* на три четверти и безконечно сократить медицинскую науку при посредствѣ общихъ положеній и преимущественно, при посредствѣ того, что соответствуетъ *καθόλου πρῶτον* (общее прежде всего) Аристотеля, то есть, что является общимъ или приближается къ этому. Я полагаю, что онъ вправѣ былъ совѣтовать этотъ методъ, преимущественно же въ отношеніи къ правиламъ, когда медицина становится умозаключительною; но по мѣрѣ того, какъ она становится эмпирическою, не легко и не безопасно составлять всеобщія правила. Кромѣ того, среди частныхъ болѣзней обыкновенно происходятъ осложненія, которыя какъ бы раздражаютъ субстанціямъ, такъ что болѣзнь есть какъ бы растеніе или животное, требующее своей стдѣльной исторіи; то есть, это суть модусы или образы бытія, къ коимъ примѣнимо то, что мы сказали о тѣлахъ или о предметахъ субстанціальныхъ. Четырехдневную лихорадку столько же трудно изслѣдовать, какъ золото или ртуть. Такимъ образомъ, не нарушая общихъ правилъ, полезно при различныхъ болѣзняхъ искать методовъ леченіе или средствъ, удовлетворяющихъ многимъ симптомамъ или совмѣстному стеченію причинъ и преимущественно прибѣгать къ тѣмъ, которыя подтверждаются опытомъ. Этого Сеннертъ не сдѣлалъ удовлетворительнымъ образомъ, потому то знающіе люди замѣтили, что составъ предлагаемыхъ имъ рецептовъ часто болѣе сформированъ *ex ingenio* (на основаніи предположеній), чѣмъ авторизованъ опытомъ, какъ это слѣдовало бы, чтобы быть увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ. Итакъ я думаю, что лучше всего было бы соединять оба пути и не жаловаться на повторенія при столь тонкомъ и важномъ предметѣ, какъ ме-

nerti noui. Но предпріятіе его не было приведено въ исполненіе, какъ не было осуществлено и другое предпріятіе того же писателя, предназначенное для развитіе химіи.

дицина, гдѣ, какъ я думаю, памъ недостаетъ того, чего, по моему мнѣнію, мы имѣемъ слишкомъ много въ юриспруденціи; то есть, недостаетъ книгъ по частнымъ случаямъ и повтореніямъ того, что уже было замѣчено; ибо я думаю, что тысячная доля юридическихъ книгъ могла бы удовлетворить насъ, но мы рѣшительно не имѣли бы слишкомъ много ихъ по предмету медицины, если бы въ тысячу разъ больше сдѣлали наблюдений; обстоятельно замѣченныхъ; потому что юриспруденція всецѣло утверждается на разумныхъ основаніяхъ въ отношеніи къ тому, что не обозначено точно законами или обычаями. Ибо все это всегда легко можно извлечь или изъ закона, или изъ естественнаго права при отсутствіи закона, посредствомъ разума. И законы страны бывають закончены и опредѣлены или могутъ сдѣлаться такими; между тѣмъ какъ опытные начала въ медицинѣ, то есть, наблюденія, не могутъ быть доведены до излишества, такъ чтобы не представлять разуму большей возможности разгадывать того, что природа даетъ намъ понять лишь наполовину. Наконецъ, я не знаю ни одного человѣка, который бы пользовался правилами такъ, какъ ученый писатель, о которомъ вы говорите, предполагаетъ это (§§ 16, 17); какъ если бы кто либо, желая доказать дитяти, что негръ есть человѣкъ, пользуясь слѣдующимъ принципомъ: то, что есть, есть; сталъ бы утверждать: негръ имѣетъ разумную душу, и слѣдовательно, разумная душа и негръ одно и то же; а отсюда, если кто имѣетъ разумную душу и не есть человѣкъ, то было бы ложнымъ предложеніе: то, что есть—есть, или же одинъ и тотъ же предметъ могъ бы быть и не быть въ одно и то же время. Ибо, не употребляя этихъ правилъ, которыя не имѣютъ здѣсь вліянія и прямо не относятся къ умозаключенію, равно какъ и ничего не уясняютъ, всѣ люди довольствуются слѣдующимъ заключеніемъ: негръ имѣетъ разумную душу; кто имѣетъ разумную душу, тотъ есть человѣкъ; слѣдовательно, негръ есть человѣкъ. И если бы кто либо по тому предубѣжденію, что нѣтъ разумной души, коль скоро она не обнаруживается, заключилъ бы, что только что рожденные дѣти и слабоумные люди не принадлежать къ человѣческому роду (какъ и дѣйстви-

тельно писатель рассказываетъ, что онъ разсуждалъ съ очень умными людьми, утверждавшими это),—все же я не думаю чтобы злоупотребленіе правиломъ: невозможно, чтобы нѣчто въ одно и то же время существовало и не существовало, привело бы ихъ къ принятію этого заключенія, или чтобы они думали объ этомъ правилѣ при этомъ заключеніи. Источникъ ихъ ошибки заключается въ расширеніи принципа нашего писателя, отрицающаго въ душѣ существованіе чего либо не замѣчаемаго, а эти господа доходятъ даже до отрицанія самой души, коль скоро иные ее не замѣчаютъ.

К. И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его Высокопреосвященства.—Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 12 день сентября, на награжденіе за 50-лѣтнюю службу, псаломщика Іоанно-Богословской церкви въ слободѣ Гомольшѣ, Зміевскаго уѣзда, Александра *Оглоблина* золотою медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ.

Отношеніе Г. Оберъ - Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его
Высокопреосвященства.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.

Въ послѣднее время нерѣдко стали появляться въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи неблагонамѣренныя личности, самозванно выдающія себя, между прочимъ, за уполномоченныхъ отъ Святѣйшаго Синода и даже отъ самой Высочайшей Власти или произвести ревизію церковныхъ учрежденій, или собрать какія-либо свѣдѣнія, или содѣйствовать миссіонерскому дѣлу и проч. Бывали случаи, что настоятели монастырей и приходскіе священники, по неразумной довѣрчивости своей, допускали разныхъ проходимцевъ свѣтскаго званія, и только носящихъ присвоенныя духовенству одежды, совершать въ храмахъ богослуженія.

Въ предупрежденіе подобныхъ возмутительныхъ явленій на будущее время, долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство сдѣлать распоряженіе по ввѣренной Вамъ епархіи, чтобы настоятели монастырей и приходское духовенство, въ случаѣ появленія лицъ, выдающихъ себя за командированныхъ для какой либо цѣли отъ высшаго начальства, нѣкомъ образомъ не довѣряли личнымъ ихъ словеснымъ заявленіямъ, но требовали бы предьявленія надлежащихъ документовъ, удостоверяющихъ какъ ихъ личность, такъ равно и цѣль командированія ихъ въ данную мѣстность.

Подлинное подписали: К. Побѣдоносцевъ и Начальникъ Отдѣленія Ив. Преображенскій. На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала 22 Сентября н. г. такая: „Въ Консисторію для объявленія по епархіи. Послать копію въ Редакцію мѣстнаго журнала для напечатанія“.

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 23 сентября настоящаго года.

Журналь № 1. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ семи (7) человекъ, прибывъ въ 11-ть часовъ утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища и, по молитвѣ, избравъ поредствомъ закрытой баллотировки предсѣдателемъ съѣзда протоіерея Павла Малишевскаго, а дѣлопроизводителемъ единогласно священника Алексѣя Станславскаго предварительно слушали журнальныя постановленія предидущаго съѣзда, съ резолюціямъ на нихъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію съѣзда духовенства.

Слушали: 1. Составленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1898 году и объяснительную къ ней записку. Постановили: сумму, ассигнуемую церквами училищнаго округа на содержаніе Сумскаго духовнаго училища, съ будущаго года увеличить на тысячу (1000) рублей ежегодно по слѣдующимъ соображеніямъ съѣзда: на содержаніе училища вновь устроеннаго въ разѹ со времени его основанія (1888 г.) не была ассигнуема сумма по смѣтѣ на его ремонтъ, въ каковомъ на первыхъ порахъ не ощущалось и надобности; за девять же лѣтъ своего существованія училищное зданіе въ многихъ

своихъ частяхъ теперь, какъ нами усмотрѣно, требуетъ неотложно капитальнаго ремонта (напр. починка разохшихся оконъ и дверей, и также погнившихъ половъ и т. п.), какового безъ специальной ассигновки потребной на то суммы произвести нѣтъ никакой возможности, ибо въ послѣднее время при настоящихъ экономическихъ условіяхъ не только нѣтъ остатковъ изъ училищныхъ суммъ, но даже имѣется дефицитъ, поясненной-же добавки вполнѣ будетъ достаточно на могущій понадобится ремонтъ училища.

2. Докладъ временно-ревизіоннаго комитета о повѣркѣ прихода, расхода суммъ по содержанію училища за 1896 годъ. Постановили: доклады принять и выразить за трудъ благодарность членамъ комитета-священникамъ: Максиму Подлуцкому, Михаилу Добрецькому и Сумеону Недѣлькѣ.

3. Разсматривали вѣдомости за 1896 годъ—а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ Епархіальнаго свѣчаго завода церквами училищнаго округа. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

4. Докладъ Правленія Сумскаго духовнаго училища, въ коемъ оно проситъ у съѣзда согласія произвести ему тщательный осмотръ совмѣстно съ архитекторомъ училищныхъ колориферовъ и если затѣмъ окажется нужнымъ сдѣлать имъ ремонтъ на счетъ текущихъ училищныхъ доходовъ съ тѣмъ, чтобы сумма эта была покрыта изъ особыхъ средствъ по указанію имѣющаго быть въ 1898 году съѣзда духовенства. Постановили: предоставить право Правленію училища сдѣлать тщательный осмотръ училищныхъ колориферовъ и если окажется нужнымъ слѣдующимъ лѣтомъ сдѣлать ихъ ремонтъ, употребивъ на это текущіе доходы училища, о чемъ представить докладъ съѣзду духовенства, имѣющему быть въ 1898 году.

5. Докладъ Правленія училища объ израсходованіи на ремонтъ училищной столовой 999 руб. 59 коп.; изъ коихъ 500 руб. пожертвованы въ прошломъ году протоіереемъ о. Николаемъ Фесенковымъ,—124 р. 50 коп. домашнія средства, а 375 руб. 9 коп. составляютъ сумму перерасходованія. Постановили: перерасходованные на ремонтъ училищной столовой 375 руб. 9 коп. покрыть въ настоящемъ же году раскладкой на причты училищнаго округа, учинивъ таковую по принятому порядку, а протоіерею о. Николаю Фесенкову еще разъ выразить благодарность за значительное пожертвованіе. Ремонтъ училищной столовой произведенъ согласно 5-го пункта журнальнаго постановленія вечерняго засѣданія съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 24 сентября

1896 года. На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „Октября 3. Утверждается“.

№ 2. Вечернее засѣданіе того же сентября. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ семи (7) чело-вѣкъ, прибывъ въ собраніе въ 6-ть часовъ вечера.

1. Слушали прошеніе штатныхъ преподавателей Сумскаго духовнаго училища объ увеличеніи до двухъ третей, вмѣсто половины, отчисленія въ ихъ пользу изъ оплаты за обученіе вносословныхъ воспитанниковъ. Постановили: просьбу просителей отклонить за скудостью училищныхъ средствъ.

2. Прошеніе надзирателей—репетиторовъ Сумскаго духовнаго училища Александра Жадановскаго, Ивана Бугуцкаго и Сергѣя Сушкова о вознагражденіи ихъ за вѣкклассное веденіе дивтанта по русскому языку.—Постановили: просителямъ отказать на томъ-же основаніи.

3. Прошенія: почетнаго гражданина Николая Чехова и учительницы Бѣлопольской Пророко-Ильинской церковно-приходской школы, вдовы Хіонія Запороженко о дозволеніи имъ содержать въ училищномъ общежитіи ихъ дѣтей съ платою, положенкою для дѣтей духовенства. Постановили: просьбу просителей удовлетворить.

4. Прошеніе учителя Буймерскаго народнаго училища, Михаила Герасимова Кузнецова, о прощеніи ему недоимки въ количествѣ 50 руб., начислившихся за воспитаніе его сына въ Сумскомъ духовномъ училищѣ въ 1896/7 учебномъ году. Постановили: просьбу просителя оставить безъ удовлетворенія.

5. Докладъ Правленія Сумскаго духовнаго училища о выборѣ на основаніи п. 3 § 22 Учил. Уст. членовъ Правленія отъ духовенства и членовъ временно-ревизіоннаго комитета за окончаніемъ трехлѣтней службы настоящихъ членовъ Правленія и ревизіоннаго комитета, при чемъ Правленіе училища постановило съѣзду въ извѣстность, что оканчивающіе срокъ своей службы священники: Василій Ѳедоровъ и Павелъ Клементьевъ, какъ люди опытные, знакомые со всѣми нуждами училища и безукоризненно добросовѣстные въ исполненіи своихъ обязанностей заслужили весьма лестный отзывъ за свою дѣятельность на пользу училища отъ г. Синодальнаго Ревизора, обозрѣвавшаго училище въ 1896 году. Постановили: а) выразить искреннюю благодарность за отлично-усердное исполненіе своихъ обязанностей членамъ Правленія отъ духовенства священникамъ: Василю Ѳедорову и Павлу Клементьеву и почтительно-ѣйше просить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія внести сію благодарность въ ихъ послужные списки, б)

произвести выборы членовъ Правленія отъ духовенства и членовъ временно-ревизионнаго комитета на будущее трехлѣтіе посредствомъ закрытой баллотировки и избрали: членами Правленія отъ духовенства священниковъ: Василя Ѳедорова и Павла Клементьева и кандидатомъ къ нимъ протоіерея Николая Фесемкова;—членами временно-ревизионнаго комитета—священниковъ: Сумеона Недѣлку, Николая Мощенкова и Филарета Григоровича. Баллотировочные листы при семъ прилагаются.

6. О.о. Депутаты осматривали больницу, баню, столовую, кухню и проч., и нашли, что хозяйство училища ведется образцово, благодаря энергіи о. смотрителя училища, почему постановили снова выразить ему искреннюю благодарность со внесеніемъ въ послужной списокъ.

7). Съѣздъ депутатовъ въ будущемъ 1898 году предположенъ на 22 сентября. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства. „Октября 3. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

— Окончившій курсъ въ Московской духовной семинаріи Константинъ *Сперанскій*, опредѣленный на штатное священническое мѣсто къ Георгиевской церкви с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда, 19 іюля н. г.,—29 августа рукоположенъ въ санъ священника.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, псаломщикъ соборной Смоленской церкви г. Бѣгорода, Георгій *Золотаревъ*, опредѣленный 30 іюля н. г. на штатное священническое мѣсто къ Покровской церкви с. Ободовъ, Сумскаго уѣзда, 26 августа н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Павелъ *Лисенко*, опредѣленный резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 27 іюля н. г. на праздное священническое мѣсто къ Петро-Павловской церкви зашт. города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, 30 августа рукоположенъ въ санъ священника.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Петръ *Кузнецовъ*, опредѣленный резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 1 іюля н. г. на праздное священническое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви с. Малаго Истороба, Лебединскаго уѣзда, —9 сентября н. г. рукоположенъ въ санъ священника.

— Священникъ Покровской церкви города Сумъ, Михаилъ *Литкевичъ*, 9 сентября н. г., волею Божіею, умеръ.

— Безвѣстный діаконъ, Петръ *Виноградскій*, опредѣленъ діакономъ къ Покровской церкви села Каменнаго Пригородка, Лебедипскаго уѣзда.

— Діаконъ Покровской церкви с. Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Мураховскій* и діаконъ Преображенской церкви с. Печенѣгъ, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Петровъ*, согласно прошенію ихъ, перемѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Сергій *Сокальскій* рукоположенъ во діакона къ Іоанно-Предтеченской церкви села Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Пророко-Ильинской церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда, Андрей *Цоговъ*, опредѣленный 30 іюля н. г. на штатное діаконское мѣсто къ Димитріевской церкви с. Рыснаго, Ахтырскаго уѣзда, 29 августа рукоположенъ въ санъ діакона.

— Діаконъ-псаломщикъ села Гіевки, Харьковскаго уѣзда, Тимошей *Бутковскій*, 19 сентября 1897 года умеръ; псаломщикомъ въ село Гіевку 5 сего октября опредѣленъ, по прошенію, окончившій полный курсъ Купянскаго Духовнаго училища, Викторъ *Макаровъ*.

— И. д. псаломщика Пророко-Ильинской церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда, Семень *Ширяевъ*, по прошенію, уволенъ отъ должности псаломщика, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ бывшій воспитанникъ 2 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Яковъ *Васильковскій*.

— Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 1—3 сентября н. г. окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, Александръ *Пипенко*, временно допущенъ къ исправленію должности столоначальника Харьковской Духовной Консисторіи.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Трехсотлѣтіе Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря.—Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ.—Значеніе храма въ приходской жизни.—Заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія.—Охраненіе святости праздниковъ.—Кончина о. протоіерея А. И. Парвова.—Высочайшая милость, оказанная сельскому священнику.—Пожертвованія духовенства на общепользныя учрежденія.—Заботы о призрѣніи дѣтей духовенства.—Приготовленіе псаломщиковъ къ учительской дѣятельности.—Церковъ-школа.—Некрологъ.

5 октября въ Вильнѣ Свято-Духовское братство торжественно праздновало трехсотлѣтній юбилей своего соборнаго храма и монастыря. Церковь Св. Духа въ Вильнѣ, по преданію, основана великою княгиней Еленою Ивановною, супругой Александра Литовскаго. Болѣе вѣроятно, однако, что этотъ фактъ совершился гораздо позднѣе, именно въ концѣ XVI вѣка. Знаменитое Виленское Свято-Троицкое братство, тѣснимое уніатами въ пользованіи

своею церковью, въ 1592 году обратилось къ королю и получило отъ него разрѣшеніе построить для себя новый храмъ. Достоверно извѣстно, что работы по его сооруженію производились въ 1597 году. Если къ этому году отнести и начало работъ, то въ настоящемъ году, слѣдовательно, исполняется триста лѣтъ со времени основанія главнаго храма монастыря. Въ 1749 году всѣ монастырскія постройки сгорѣли, въ томъ числѣ и соборъ, отъ котораго остались однѣ стѣны. Въ послѣдствіи онъ былъ возстановленъ въ прежнемъ благолѣпномъ видѣ. Когда уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй въ 1609 году отнялъ у православныхъ Свято-Троицкій монастырь, назначивъ настоятелемъ его Іосифа Вельямнна Рутскаго на мѣсто изгнаннаго архимандрита Самуила Сенчицы, православное братство окончательно присоединилось къ Свято-Духовской церкви со своими училищемъ, богадѣльней и типографіей. При ней же учрежденъ былъ и постепенно организовался монастырь. Братство проявляло неустанную дѣятельность: оно должно было вести упорную борьбу за свое существованіе съ Поцѣемъ, который хотѣлъ лишить его всѣхъ корпоративныхъ правъ и перенести ихъ на уніатское братство, учрежденное при Троицкой церкви архимандритомъ Рутскимъ. То было время уніатскаго фанатизма, не знавшаго границъ въ своемъ жестокомъ обнаруженіи. Православныя церкви отбирались, противники уніи подвергались разнымъ мученіямъ, заключались въ тюрьмы, не падали даже мертвыхъ поборниковъ православія: ихъ бранные останки вырывались и подвергались поруганію. Въ эту прискорбную эпоху жестокаго гоненія на Православіе, Свято-Духовское братство стояло на высотѣ своего призванія. Не ограничиваясь защитой православныхъ жителей города Вильны, оно разослало по всей Лптовѣ грамоты, въ которыхъ укрѣпляло и воодушевляло настроеніе гонимыхъ, ходатайствовало о вѣротерпимости предъ правительствомъ, устроило большое училище, возстановило высшую православную іерархію въ краѣ и пр. Послѣдовавшее въ концѣ первой четверти XVII вѣка оживленіе въ средѣ православныхъ встревожило уніатско-іезуитскую партію. Воздвигнуто было жестокое гоненіе: братчики должностные были устранимы и заключены въ тюрьму, на улицахъ хватали всѣхъ кто только подозрѣвался въ приверженности Православію: въ зданіи Духовскаго монастыря бросали камни и горящія полѣнья (1621 годъ). Въ это тяжелое время братство не унывало и, между прочимъ, на сеймѣ съ твердостью заявило что, пока есть въ Польшѣ Русскіе люди, православ-

ная вѣра будетъ тамъ исповѣдываться. вмѣстѣ съ этимъ братство издавало апологетическія сочиненія, въ родѣ Синописа, то есть обзорнія правъ западно-русскаго Православія. Со второй половины XVII вѣка средоточіемъ Православія, на смѣну Вильны, выступаетъ Кіевъ, гдѣ являются новыя силы, новые защитники угнетеннаго Православія. Въ Вильнѣ же замѣчается обратное теченіе дѣлъ, съ преобладающимъ латинно-польскимъ вліаніемъ. Благодаря похвальной ревности братства, Свято-Духовская обитель уцѣлѣла отъ захвата уніатовъ и сдѣлалась единственнымъ убѣжищемъ для незначительнаго числа православныхъ оставшихся вѣрными религіи своихъ предковъ, несмотря на всѣ притѣсненія. Настоятель Свято-Духовской обители Феофанъ Леонтовичъ, задолго до раздѣловъ Польши, въ эпоху гоненій на диссидентовъ, вселялъ въ умы пасомыхъ единую надежду на помощь Россіи, а въ донесеніи Синоду высказалъ мысль о своевременности присоединенія къ Русской Имперіи Западнаго края, которымъ неправильно владѣтъ Польская республика. Вообще же, много славныхъ мужей принимало участіе въ жизни знаменитой обители; можно, для примѣра, указать на слѣдующихъ, извѣстныхъ всѣмъ: управляли монастыремъ, между прочимъ, Мелетій Смотрицкій—составитель первой славянской грамматики и краснорѣчивый апологетъ Православія, Амвросій Юшкевичъ—извѣстный проповѣдникъ, въ послѣдствіи Новгородскій архіепископъ. Съ церковной кафедры Свято-Духовскаго монастыря проповѣдывалъ славный витія Св. Дмитрій, потомъ святитель Ростовскій; здѣсь же нѣкоторое время проживалъ и приснопамятный Могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій, когда отправлялся на сеймъ для того, чтобы поднять свой одинокій, но мощный голосъ въ защиту Православія, и друг. Высочайшимъ повелѣніемъ 19 мая 1833 года Свято-Духовскій монастырь возведенъ въ первоклассный, съ предоставленіемъ архимандриту его нѣкоторыхъ отличій при богослуженіи. Въ монастырѣ теперь почиваютъ мощи трехъ виленскихъ мучениковъ (Антонія, Іоанна и Евстаѳія) въ богатой ракѣ, установленной предъ царскими вратами пещерной церкви. Съ возрожденіемъ въ краѣ русскыхъ началъ незабвеннымъ М. Н. Муравьевымъ, историческое братство Св. Духа 6 августа 1865 года было возстановлено и съ тѣхъ поръ продолжаетъ свою благотворную дѣятельность—поддерживаетъ и украшаетъ православныя церкви, развиваетъ духовное просвѣщеніе среди мѣстнаго населенія открытіемъ школъ, изданіемъ книгъ, и т. д.

«Моск. Вѣд.»

— 30-го сентября, по издавна установившемуся обычаю, торжественно перенесена была чудотворная Озерянская икона Божіей Матери изъ Куряжскаго Преображенскаго въ харьковскій Покровскій монастырь. Около часа дня благовѣсть всѣхъ городскихъ церквей возвѣстилъ о прибытіи иконы къ Холодной горѣ. Здѣсь икону встрѣтили: преосвященный Петръ, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи, въ сопровожденіи многочисленнаго чернаго и бѣлаго духовенства, командиръ корпуса, генераль-отъ-кавалеріи В. Ѳ. Винбергъ, губернаторъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Г. А. Тобизенъ, городской голова И. Т. Голенищевъ - Кутузовъ, харьковскій уѣздный предводитель дворянства В. Ф. фонъ деръ-Лауницъ, валковскій уѣздный предводитель дворянства В. В. Ширковъ и другіе представители нравительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и масса народа. Отсюда торжественная процессія, сопровождаемая казаками Оренбургскаго полка и частями войскъ, расположенныхъ въ Харьковѣ, при звукахъ гимна „Коль славенъ нашъ Господь“ и пѣніи „Пресвятая Богородице, спаси насъ!“, по шоссе, Семинарской, Усовской и Екатеринославской улицамъ, чрезъ Лопанскій мостъ, по Сергіевской и Торговой площадямъ и Университетской улицѣ прослѣдовала къ Покровскому монастырю, куда и прибыла въ началѣ третьяго часа дня. По всему пути слѣдованія процессіи всѣ улицы и площади были запружены народомъ. «Юж. Кр.»

— По мнѣнію «Моск. Лист.», у насъ ощущается необходимость поднять церковно-приходскую жизнь. Въ этой сферѣ вліяніе храма очень сильно. Здѣсь пробуждаются, кромѣ религіознаго чувства, наши нравственные чувства и стремленія, любовь къ ближнему, къ добру, отвращеніе отъ грѣха и зла; здѣсь же мы научаемся чтить Царя, молиться за Него, повиноваться Ему и поставленнымъ отъ Него властямъ. Храмъ прихода долженъ быть центромъ и другихъ его учрежденій, расширяющихъ и углубляющихъ его вліяніе. Рядомъ съ нимъ и въ живой связи должны стоять и церковно-приходская школа, и приходская бібліотека, и читальня. Церковно-приходскія попечительства должны стать наилучшимъ орудіемъ помощи самымъ ближнимъ—бѣднымъ и нуждающимся, именно въ своемъ приходѣ. Кто лучше можетъ узнать ихъ нужды и положеніе, какъ не мѣстное духовенство и сосѣди прихожане? Вотъ почему здѣсь именно всего лучше устроить богадѣльни, пріюты столовыя, лѣчебницы, ясли для грудныхъ дѣтей и приходскія общества трезвости. Оживленіе приходской жизни сдѣлаетъ то, что

и благотворительность частныхъ лицъ будетъ направляться въ приходъ и его учрежденія.

— Епархіальное духовенство продолжаетъ дѣлать попытки осуществить въ новыхъ и новыхъ мѣстностяхъ тѣ мѣропріятія, необходимость которыхъ признава, но примѣненіе которыхъ къ жизни задерживается по мѣстамъ разными обстоятельствами. Такъ, по словамъ «Церк. Вѣст.», на съѣздѣ благочинныхъ и настоятелей соборовъ тверской епархіи была подвергнута довольно внимательному и тщательному разсмотрѣнію одна изъ главнѣйшихъ сторонъ церковнаго богослуженія — пѣніе церковное. Коммиссія въ составѣ 12 членовъ, пришла по этому предмету къ рѣшенію, сущность котораго можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: желательно, чтобы были при церквахъ организованы хоры; но для этого нужны руководители. Желательно также, чтобы въ пѣніи участвовали и предстоящіе въ церкви. Правда, и теперь иногда въ сельскихъ церквахъ поютъ на клиросѣ и взрослые и учащіеся, но это пѣніе оставляетъ желать многого. Чтобы возвысить пѣніе, необходимо и для учителей церковныхъ школъ и для псаломщиковъ учреждать по временамъ пѣвческіе курсы, чтобы одни изъ нихъ могли обучать пѣнію съ голоса въ школахъ, а другіе и обучать и руководить поющими на клиросѣ. Въ городахъ есть хоры поющихъ; но здѣсь другой недостатокъ: эти хоры стоятъ въ прямой зависимости отъ церковныхъ старостъ, и потому нерѣдко удовлетворяютъ ихъ своеобразному вкусу и слуху, не испрашивая позволенія настоятеля церкви, что пѣть. Въ отношеніи такихъ пѣвческихъ хоровъ необходимо наблюдать, чтобы ими исполнялись слѣдующія постановленія: „пѣніе въ церквахъ по рукописнымъ тетрадамъ, не одобреннымъ къ употребленію, не должно быть допускаемо (указъ Св. Синода 14 февр. 1816 г.). Изъ дозволенныхъ сочиненій и переложеній могутъ быть употребляемы только тѣ, которыя на каждую службу будутъ избраны настоятелями, такъ какъ послѣднимъ, по церковному уставу, предоставляется всякое относящееся къ богослуженію распоряженіе (указъ 23 іюня 1853 г.). Въ отношеніи псаломщиковъ еще желательно, чтобы они употребляли напѣвы, сохраненные въ изданныхъ Св. Синодомъ обиходахъ, такъ какъ введеніе своеобразныхъ новыхъ напѣвовъ служить одною изъ причинъ уклоненія отъ соединенія съ православною церковію раскольниковъ. Привлеченіе къ участию въ пѣніи и чтеніи въ церкви учащихъ тамъ, гдѣ есть церковно-приходскія школы, фактъ, почти уже совершившійся. Желательно, чтобы и ученики земскихъ школъ участвовали въ этомъ.

— На томъ же Сѣздѣ, какъ сообщаетъ тотъ же журналъ, представленъ докладъ особой комиссіи о закрытіи базаровъ и ярмарокъ въ праздничные и воскресные дни. Докладъ сдѣланъ былъ въ томъ смыслѣ, что закрытіе базаровъ въ воскресные дни и перенесеніе ихъ на будни комиссія считаетъ великимъ благомъ для религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, но сознаетъ свое безсиліе въ указаніи мѣръ къ закрытію базаровъ и единственно возможнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли находить — просить гражданское начальство содѣйствовать епархіальному. Сѣздъ согласился съ заключеніемъ комиссіи. Епархіальный преосвященный высказался по этому предмету слѣдующимъ образомъ: „Въ юго-западномъ краѣ, гдѣ торговля въ рукахъ евреевъ, въ послѣднее время, благодаря настоятельнымъ требованіямъ гражданского и духовнаго начальства, въ большинствѣ городовъ и мѣстечекъ воскресные базары закрыты и перенесены на будничные дни; между тѣмъ въ тверской губерніи, отличающейся всегда благочестіемъ, исполненіемъ предписаній св. церкви, къ стыду современнаго православнаго населенія, вопреки ясной заповѣди закона Божія, въ воскресные дни и доселѣ продолжаютъ существовать базары, которые не отмѣняются даже въ такіе великіе праздники, какъ праздникъ св. Троицы. Въ нынѣшнемъ году, въ бытность на этомъ праздникѣ, усмотрѣнъ былъ базаръ въ г. Ржевѣ, гдѣ большинство, такъ называемыхъ, старообрядцевъ, ревниво охраняющихъ прадѣдовскіе обычаи, подъ вліяніемъ анти-религіознаго духа времени, въ погонѣ за наживой, поддерживаютъ своею коммерціею воскресные базары... Стыдно за нихъ и за православныхъ, которые не считаютъ грѣхомъ нарушеніе заповѣди Божіей объ охраненіи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней... И нужно особенное усиленіе со стороны прав. духовенства убѣждать своихъ прихожанъ не позорить себя воскресными базарами и, вмѣсто поѣздки въ торговые села или города, посвящать воскресные и праздные дни Богу, — посѣщать храмы Божіи, присутствовать при богослуженіи. Въ виду постановленія оо. благочинныхъ, изготовить отъ моего имени отношеніе къ г. начальнику губерніи о закрытіи воскресныхъ базаровъ и ярмарокъ и перенесеніи оныхъ на будничные дни“.

— Въ четвергъ, 25 сентября, скончался на 63 году отъ рожденія одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей петербургскаго духовенства, предсѣдатель учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Си-

нодѣ, протоіерей синодальной седми вселенскихъ соборовъ церкви, Алексѣй Ивановичъ Парвовъ. Почившій былъ сынъ священника крестецкаго уѣзда, новгородской губерніи, родился въ 1834 г. Образование получилъ въ старорусскомъ духовномъ училищѣ, въ новгородской дух. семинаріи и въ 1853—1857 г.г. въ с.-петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи третьимъ магистромъ, Алексѣй Ивановичъ былъ оставленъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ гомилетики и въ то же время читалъ лекціи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ; въ 1859 г. перешелъ на кафедру церковнаго законовѣдѣнія, а 30 апрѣля 1860 года принялъ санъ священника и къ профессорскимъ занятіямъ въ академіи присоединилъ служеніе въ церкви св. архистратига Михаила въ Инженерномъ замкѣ и обученіе Закону Божию нижнихъ чиновъ гальванической учебной роты. Это начало или лучше—первый періодъ духовно-учебной дѣятельности Алексѣя Ивановича ознаменовался замѣчательнымъ трудомъ его на пользу духовенства—изданіемъ въ 1864 г. и до сихъ поръ необходимой книги: „Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику при совершеніи важнѣйшихъ требъ церковныхъ“, выдержавшей нѣсколько изданій и служащей учебнымъ пособіемъ въ духовныхъ семинаріяхъ при изученіи литургики. Къ этому же времени относятся и помѣщенные имъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» ученыя статьи его: „Охраненіе православной вѣры въ древней вселенской церкви“, „Изложеніе каноническихъ постановленій о бѣломъ духовествѣ“ и „Постъ святыя четыредесятницы по древнимъ правиламъ и обычаямъ“. 2 іюля 1864 г. за ревностные труды Алексѣй Ивановичъ возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора академіи. Въ 1865 г. 6 октября Алексѣй Ивановичъ, по ходатайству князя Петра Георгіевича Ольденбургскаго, перемѣщенъ былъ на должность священника, законоучителя и профессора церковнаго права въ Императорское училище правовѣдѣнія. Это былъ второй періодъ дѣятельности покойнаго протоіерея, ознаменовавшійся широкою просвѣтительною дѣятельностью его въ Петербургѣ. Кромѣ профессорствованія въ училищѣ правовѣдѣнія, Алексѣй Ивановичъ состоялъ: законоучителемъ въ Маріинской женской гимназіи (съ 15 августа 1867 г. до 15 августа 1871 г.), преподавателемъ богословія при педагогическихъ курсахъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій (съ 1 янв. 1868 г.), членомъ корреспондентомъ ученаго Комитета мнни-

стерства государственныхъ имуществъ (съ 31 октября 1866 г.), членомъ учебнаго Комитета при Св. Синодѣ (съ 21 мая 1871 г.) и членомъ С.-Петербургскаго губернскаго училищнаго Совѣта (съ 17 іюля 1874 г. до 20 декабря 1877 г.). Ревностные труды его были достойнымъ образомъ награждены: 6 мая 1869 г. Алексѣй Ивановичъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а 6 ноября 1882 г. удостоенъ званія заслуженнаго профессора Императорскаго училища правовѣдѣнія. Третьимъ и послѣднимъ періодомъ дѣятельности протоіерея А. И. Парвова, обнимавшимъ около 15 послѣднихъ лѣтъ его жизни, было предсѣдательствованіе его въ учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ. Учебный Комитетъ учрежденъ былъ въ 1867 г., первый предсѣдатель его протоіерей І. В. Васильевъ скончался въ 1881 г. и 22 января 1883 г. мѣсто его занялъ Алексѣй Ивановичъ, соединивъ съ обязанностями предсѣдателя в служеніе при синодальной седми вселенскихъ соборовъ церкви. Разставшись съ училищемъ правовѣдѣнія и съ законоучительскою должностію въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, Алексѣй Ивановичъ всецѣло посвятилъ себя административной дѣятельности по духовно-учебнымъ заведеніямъ. На его глазахъ прошла и при немъ, какъ членѣ учебнаго Комитета, осуществлялась реформа духовно-учебныхъ заведеній 1869 г.; при его дѣятельномъ участіи совершилась духовно-учебная реформа 1884 года; принималъ онъ участіе въ подготовительныхъ работахъ и къ предстоящей реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. За ревностную и полезную дѣятельность покойный имѣлъ всѣ высшія доступныя бѣлому духовенству награды (метру, ордена св. Анны 1 ст. и св. Владимира 2 ст. и др.). Сорокалѣтніе неутомимые труды протоіерея А. И. Парвова, направленные по преимуществу на пользу и процвѣтаніе духовно-учебныхъ заведеній, сломали и безъ того некрѣпкое его здоровье и свели полезнаго труженика въ могилу. Протоіерей А. И. Парвовъ скончался на дачѣ въ Царскомъ Селѣ. Тѣло его 28 сентября въ 4^{1/2} часа пополудни было привезено по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ съ подобающею честію было перенесено въ Александро-Невскую лавру и 29 сентября, послѣ заупокойной литургіи и отпѣванія, совершеннаго высокопреосвященнымъ Арсеніемъ архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ, съ преосвященными Гуріемъ, Іоанномъ и Назаріемъ, съ сонмомъ столпчиаго духовенства, погребено на Александро-Невскомъ Никольскомъ кладбищѣ. Миръ праху его и вѣчная память почившему. «С.-Петерб. Дух. Вѣст.»

— Въ «Сиб. Вѣд.» Бѣловѣжскій священникъ о. Левъ Паевскій

сообщаетъ о „несказанной радости и величайшемъ счастьи“ оказанномъ ему Государемъ Императоромъ. Извѣстный Императорской Фамиліи живописецъ Панкрышевъ прислалъ ему коню съ древней иконы Божіей Матери, принадлежавшей некогда владѣльцу Бѣлой Вѣжи, волыцкому князю Владиміру Васильковичу (1268—1288 г.). Икона эта уцѣлѣла во время пожара церкви, истребившаго все, бывшее въ храмѣ. Съ тѣхъ поръ она стала очень чтимой. О. Левъ — большой любитель старины своего края и 25 лѣтъ труда положилъ на изслѣдованіе архивовъ. Печатныхъ трудовъ его всего 12. Эти то труды рѣшился скромный пастырь всеподданнѣйше поднести Его Величеству, думая, что этимъ и ограничится его скромная миссія. Но Государю Императору угодно было назначить ему аудіенцію на 5 сентября въ 7 час. вечера. „У меня, пишетъ о. Паевскій, нѣтъ словъ для выраженія тѣхъ мыслей и чувствъ, каковыми были объаты моя душа и сердце! Государь Императоръ нѣсколько разъ цѣловалъ образъ, поцѣловалъ в мою недостойную руку, на что я отвѣчалъ тѣмъ же, благоговѣйно цѣлуя руку Монарха... Три четверти часа Царской аудіенціи пролетѣли для меня какъ одинъ навсчастливѣйшій мигъ въ моей страдальческой жизни!. Его Величество какъ бы Самъ приподнял тяжелую завѣсу далекаго прошлаго, наиподробнѣйшимъ образомъ интересуясь исторіею нашего края и въ частности Каменца-Литовскаго, выразивъ мнѣ Свое Монаршее сожалѣніе, что раньше не узналъ о моемъ прибытіи въ Бѣловѣжъ, а также Свое удовольствіе по поводу моихъ трудовъ и обѣщаніе обратить вниманіе на храмъ и башню въ Каменецъ-Литовскѣ (о возстановленіи которыхъ просилъ Государя о. Паевскій). Въ концѣ милостивой бесѣды Государь благодарилъ меня за привезенные мною документы. Какъ посланіе съ неба запечатлѣется на вѣки въ моей душѣ все, сказанное Государемъ“.

— Внупная любовь къ ближнимъ, православное духовенство и само показываетъ примѣръ дѣятельной любви. По сообщенію «Церк. Вѣст.», въ послѣднихъ выпускахъ енархіальныхъ періодическихъ изданій указано нѣсколько такихъ фактовъ. Вблизи г. Острова, псковской епархіи, въ селѣ Екатерининскомъ, открыта 17 августа новая женская община стараніями священника П. В. Симанскаго, который отдалъ въ собственность общины нѣсколько домовъ въ названомъ селѣ, необходимыя постройки и большой фруктовый складъ, а также пожертвовалъ значительный капиталъ. Въ Твери протоіерей городской Никольской церкви М. В. Озеровъ пожертвовалъ въ пользу духовенства епархіи домъ и мѣсто для епарх. свѣч-

наго завода цѣнностью около 25,000 р. Въ херсонской епархіи протоіерей с. Благодатнаго о. Мпхалъ Угриновичъ (цѣнь почившій) завѣщалъ 3,500 р. на учрежденіе при одесской семинаріи стипендіи для нуждающихся священническихъ дѣтей.

— Въ высшемъ духовномъ вѣдомствѣ, по словамъ «С.-Пет. Дух. Вѣст.», возбужденъ въ настоящее время вопросъ о разработкѣ мѣропріятій для призрѣнія сиротъ и бѣдныхъ дѣтей изъ духовнаго званія, остающихся зачастую за сиротствомъ или крайнею бѣдностью ихъ родителей безъ всякаго образованія. Съ этою цѣлью предполагается, между прочимъ, рекомендовать устройство по отдѣльнымъ епархіямъ особыхъ школъ-пріютовъ для безпріютныхъ сиротъ, не имѣющихъ близкихъ родственниковъ, могущихъ принять на себя попеченіе о нихъ, а также для дѣтей, родители которыхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не въ состояніи дать имъ какое-либо воспитаніе и образованіе. Изъ полученныхъ въ Святѣйшемъ Синодѣ свѣдѣній видно, что починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ въ пермской и кievской епархіяхъ.

— Въ настоящее время псаломщики должны быть учителями церковно-приходскихъ школъ; между тѣмъ, одни изъ нихъ давняго времени сами нигдѣ не учились, а вновь поступающіе изъ учениковъ, уволенныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній, также не подготовлены къ дѣлу учительства. Чтобы улучшить положеніе дѣла, преосвященнѣйшій Полтавскій Иларіонъ, какъ сообщаютъ «Полт. Еп. Вѣд.», сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе въ своей епархіи: 1) Монастырскіе послушники и ученики, уволенные изъ разныхъ училищъ и первыхъ двухъ классовъ семинаріи, желающіе получить штатныя псаломщическія мѣста, должны посѣщать на мѣстахъ своего жительства полный учебный годъ церковную или народную школу (съ дозволенія въ послѣднемъ случаѣ подлежащаго начальства) во время уроковъ и обучаться преподаванію, дѣлая для себя замѣтки въ доказательство, что они дѣйствительно практиковались. 2) Епархіальный и уѣздные наблюдатели, при посѣщеніи школъ, узнаютъ дѣйствительно-ли ученики ходятъ на уроки и отмѣчаютъ для своего памятованія. 3) Благочинные также наблюдаютъ за симъ и дѣлаютъ отмѣтки въ клировыхъ вѣдомостяхъ противъ уволенныхъ учениковъ, а бѣднѣйшимъ изъ нихъ оказываютъ возможное пособіе изъ церковныхъ суммъ, при согласіи священника или церковнаго старосты. 4) Лучшимъ изъ практикантовъ учителя могутъ довѣрять уроки на время необходимыхъ отлучекъ по службѣ. 5) При подачѣ прошеній о предоставленіи мѣстъ каждый, кромѣ другихъ свѣдѣній, прилагаетъ завѣреніе отъ благочиннаго и

уѣзднаго наблюдателя, что просвѣтель дѣйствительно учебный годъ посѣщалъ школу съ успѣхомъ, а отъ священника мѣстнаго, что былъ при богослуженіяхъ и изучалъ клиросное дѣло. При такихъ только условіяхъ будутъ принимаемы прошенія съ надеждою получить мѣсто.

— 28-го сентября, какъ сообщаютъ «Моск. Вѣд.», епископомъ Полюевкомъ, викаріемъ Рязанской епархіи, при огромномъ стеченіи народа и въ присутствіи мѣстнаго желѣзнодорожнаго начальства, совершенно было торжественное освященіе вновь построенной при станціи «Рязскъ» церкви-школы, которая сооружена на средства Общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Зданіе церкви-школы, рассчитанное на 1.000 человѣкъ,—каменное, съ бетонными полами; внутренняя обстановка его отлѣпается богатствомъ и великолѣпиемъ: рѣзной вызолоченный иконостасъ, съ прекрасно написанными иконами, по стоимости своей—дороже 3.000 руб.; подсвѣчники, люстры и прочая церковная утварь—бронзовые вызолоченныя; священные сосуды и напрестольные вѣсты—серебряныя вызолоченныя, художественной работы. На особой колокольницѣ помѣщенъ полный звонъ благозвучныхъ колоколовъ. Эта вновь освященная церковь-школа будетъ совмѣщать въ себѣ два образцовыя училища—мужское и женское, въ которыхъ будутъ обучаться дѣти служащихъ на желѣзной дорогѣ, а также дѣти и другихъ лицъ, проживающихъ при станціи и въ ближайшихъ къ станціи поселкахъ. Устройство же церкви при станціи было встрѣчено взрослымъ населеніемъ служащихъ съ особеннымъ восторгомъ и благодарностью строителямъ, потому что приходскій храмъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ станціи, и служащимъ, по своимъ недосугамъ и отдаленности, весьма рѣдко приходилось посѣщать его даже и въ великіе праздники. Теперь же является для нихъ возможность бывать въ храмѣ каждый праздникъ. Изъ среды служащихъ успѣлъ уже сформироваться довольно большой пѣвческій хоръ, который стройно пѣлъ за всѣми церковными службами при освященіи церкви-школы. Новая Рязская церковь-школа является уже четвертою по линіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги: раньше ея выстроены такія же церкви-школы при станціяхъ въ Саратовѣ, Ртищевѣ и въ Козловѣ, при которыхъ имѣются и причты съ приличнымъ содержаніемъ отъ Общества дороги. Въ постройкѣ церквей-школъ, да и вообще школъ, Общество Рязанско-Уральской желѣзной дороги представляетъ примѣръ щедрости и благотворительности на пользу своихъ труженниковъ, соединяющейся съ общегосударственной пользой.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

15-го іюля на 62 году своей жизни, волею Божію, тихо скончался священникъ Іоанно-Предтеченской церкви, с. Озерянки Харьковскаго уѣзда, Петръ Гавріиловъ Владыковъ, прослужившій въ санѣ священника 37¹/₂ лѣтъ.

Почившій, сынъ протоіерея с. Козельщины, Богодуховскаго уѣзда, уволившись по болѣзни изъ старшаго богословскаго отдѣленія Харьковской Духовной Семинаріи, въ 1859 г. декабря 9 дня былъ рукоположенъ въ санъ священника къ Преображенской церкви с. Мерёфы Харьковскаго уѣзда, откуда, по упраздненіи сего прихода, по прошенію, былъ перемѣщенъ къ Іоанно-Предтеченской церкви с. Озерянки, гдѣ и состоялъ на приходѣ до дней своей смерти.

Во время своего пастырскаго служенія въ сл. Мерёфѣ, почившій о. Петръ проходилъ должность учителя при Мерёфянскомъ женскомъ училищѣ (отъ 1860—1865 г.), и по распоряженію Епархіальнаго начальства преподавалъ Законъ Божій нижнимъ чинамъ резервнаго эскадрона Бѣлгородскаго Уланскаго полка (1860—1863 г.), причемъ за ревностное преподаваніе Закона Божія 11 апрѣля 1863 г. награжденъ былъ набедренникомъ; въ селѣ же Озерянкѣ, за постоянное и ревностное прохожденіе своей службы—Всемилюстивѣйше пожалованъ бархатной епитиміею.

Почившій о. Петръ до 60 лѣтъ своей жизни обладалъ прекраснымъ здоровьемъ, сильнымъ, стойкимъ характеромъ и непоколебимой энергіей, почему стоически переносилъ всѣ невзгоды, огорченія и скорби, которыя не оставляли его до самыхъ послѣднихъ дней жизни.

Поступивъ въ с. Озерянку, почившій, имѣя у себя уже семью въ нѣсколько человѣкъ,—принялъ на свое попеченіе пять сиротъ, дѣтей оставшихся послѣ смерти своего предшественника о. Василя Тугаринова, которыхъ и нужно было о. Петру, состоя на приходѣ (въ Озерянкѣ въ то время было около 300 чел.) возрастить и воспитать, имѣя при этомъ и свою не малую семью.

Однако всѣ житейскія заботы и невзгоды надломали отъ природы прекрасное здоровье почившаго, и уже въ послѣдній годъ своей жизни онъ рѣдко поднимался на ноги.

Находясь на смертномъ одрѣ, о. Петръ въ полномъ сознаніи неоднократно исповѣдывался и приобщался св. Таинъ; совершенно было падъ нимъ и таинство Елеосвященія.

Почившій о. Петръ отличался особенно своею глубокою вѣрой въ Промыслъ Божій, и въ радостяхъ и въ печаляхъ онъ никогда не забывалъ возносить свои сердечныя пламенные молитвы къ Всевышнему; и послѣдніе часы своей жизни особенно провелъ почившій въ молитвенномъ на-

строеніи. „Сердечный мой Господи“—были послѣднія слова умершаго. Отличительной чертой почившаго была также неподдѣльная искренняя доброта къ ближнимъ. Нуждаясь самъ во всемъ, почившій о. Петръ бѣдняку готовъ былъ отдать послѣднее изъ своего достоянія.

Въ образѣ жизни и потребностяхъ онъ былъ въ высшей степени простъ и невзыскателенъ, въ обхожденіи съ прихожанами пріветливъ и доступенъ. А какого высокаго ума былъ почившій, какимъ обладалъ краснорѣчіемъ и находчивостью это знаетъ всякій, ● проведеншій хотя нѣсколько минутъ съ нимъ.

Отличаясь такими качествами, почившій, въ кругу родной семьи, какъ и въ кругу своихъ знакомыхъ и прихожанъ, пользовался постоянной искренней любовью.

17-го іюля послѣ заупокойной литургіи, совершенной тремя священниками во главѣ съ помощникомъ благочиннаго о. Василіемъ Люблинскимъ, было совершено погребеніе надъ почившимъ свящ. о. Андреемъ Любарскимъ, при участіи 4 священниковъ и діакона и многочисленномъ стеченіи народа изъ ближайшихъ окрестностей.

По окончаніи отпѣванія произнесено было прочувствованное слово свящ. о. Петромъ Шебатинскимъ.

Миръ праху твоему, честный и многотерпѣвшій на нивѣ Христовой. Да успокоитъ Господь душу твою въ селеніяхъ праведныхъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„Ученіе св. Викентія Лиринскаго

О СВЯЩ. ПРЕДАНІИ И ЕГО ЗНАЧЕНІИ“.

Апологетическій очеркъ.

Законоучителя Харьков. Комм. училища Императора Александра III,
свящ. Іонна Филевскаго.

Продается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Цѣна 60 коп., съ перес. 80 коп.

Только что отпечатано и поступило въ продажу большое иллюстрированное изданіе

А. Ф. МАРКСА:
 „ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“

Соч. Н. Н. Случевского.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ, XX+XII+1064 страницы большого 8^о, съ двумя картами сѣвернаго и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 305-ю рисунками.

Авторъ этого капитальнаго сочиненія имѣлъ счастье сопутствовать Е. И. В. К. Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ 1864—88 годовъ по сѣверу и западу Россіи. Собранныя во время этихъ 6 путешествій, въ многочисленныхъ посѣщенныхъ городахъ и мѣстностяхъ, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, провѣренныя, обработанныя и дополненыя данными пзъ другихъ источниковъ, а равно непосредственныя наблюденія автора—и послужили матеріаломъ для вновь изданной книги, первая изданія которой (1886 и 1888 гг.), подъ заглавіемъ „По Сѣверу Россіи“ и „Балтійская Сторона“, нынѣ совершенно распроданы. Въ новомъ, второмъ изданіи исключены всѣ подробности, имѣвшія лишь временный интересъ, и, напротивъ, сохранены и отчасти дополнены существенныя части книги. Вслѣдствіе исключительнаго благоприятныхъ условій, въ которыхъ находится авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстъ и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ рѣдко бываетъ доступно. Благодаря этому книга К. К. Случевского заключаетъ въ себѣ чрезвычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ. Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно-исполненныхъ гравюрахъ и автотипнѣхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. О богатствѣ содержанія книги даетъ понятіе простой перечень описываемыхъ мѣстъ.

Томъ I. По Сѣверу Россіи. Путешествіе первое: Очеркъ пути. Грузино. Боровичи. Устюжна. Череповецъ. Кирилловъ. Бѣлозерскъ. Вытегра. Петрозаводскъ. Поѣздка на Кивачъ. Охота на Климцекомъ островѣ. Вознесенье. Лодейное Поле. Новая Ладога. Шлиссельбургъ. **Путешествіе второе:** Очеркъ пути. Городъ Островъ. Святогорскій монастырь. Новоржевъ. Холмъ. Демянскъ. Валдай. Вышній Волочекъ. Бѣжецкъ. Рыбинскъ. Волга отъ Рыбинска до Ярославля. Ярославль. Ростовъ Великій. Вологда. Рѣка Сухона до Тотьмы. Тотьма. Устюгъ Великій. Отъ Устюга до Сольвычегодска. Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ. По древнему Заволочью. Холмогоры. Архангельскъ. Соловецкій монастырь. Отъ Соловокъ до Кеми. Кемь. Отъ Кеми до Терибери. Териберская губа. Отъ Терибери къ Арѣ-губѣ. Арскій впадобный заводъ. Еретки въ Урской губѣ. Кольская губа. Кола. Обратный путь вдоль Мурмана. Юванская гавань. Мезенскій заливъ. Мезень. Отъ Мезени къ Онегѣ. Конецъ морскаго пути. Сумскій посадъ. Отъ Сумскаго посада до Петровскаго Яма. Отъ Петровскаго Яма къ Цовѣнцу. Цовѣнецъ. Пудождь. **Путешествіе третье:** Пяжній-Новгородъ. Ярмарка. Владиміръ. Усть-Ижорскій лагерь. **Томъ II. По Западу Россіи. Путешествіе четвертое:** Очеркъ путешествія. Транзундъ. Вильманстрандъ. Иматра. Выборгъ. Ревель. Балтійскій портъ Галсаль. Церновъ. Аренсбургъ. Виндава. Ливава. Отъ Ливавы до Митавы. Рянгенъ. Митава. Рига. Устье Западной Двины. Усть-Двинскъ. Дуббельнъ. Ибскуль. Штокмангофъ. Якобштадтъ. Крейцбургъ. Двинскъ. Исковъ. Псковское озеро. Талабскіе острова. Гдовъ. Отъ Гдова къ Юрьеву. Чудское озеро. Юрьевъ. Вейсенштейнъ. Везенбергъ. Нарва. Усть Нарова, или Гунгенбургъ. Ямбургъ. Прибалтійскій край за послѣднее десятилѣтіе. **Путешествіе пятое:** Очеркъ путешествія. Луга. Порховъ. Опочка. Невель. Великія Луки. Торонецъ. Отъ Торонца на Холмъ къ Старой Руссѣ. Старая Русса. Крестцы. Пушь къ Тихвинцу. Тихвинъ. Отъ Тихвина къ Новой Ладогѣ. Столбово. Ладожскіе каналы. Александро-Свирскій монастырь. Олонецъ. Валаамъ. Мариньскій система. Валаамъ и Обонежье за послѣднее десятилѣтіе: I. Мариньская система. II. Валаамъ. III. По Обонежью. **Путешествіе шестое:** Очеркъ пути. Ковна. Нѣманъ отъ Ковны до Юрбурга. Гродна. Осовецъ. Варшава. Повогеоргиевскъ. Ивангородъ. Брестъ-Литовскъ. Полѣсье. Несвижъ. Минскъ. Смоленскъ. Калуга. Тула. Троице-Сергіева лавра. Книга издана очень изящно и роскошно, отпечатана на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПб. 1897 г. ЦѢНА изданія, несмотря на его большой объемъ и на обиліе иллюстрацій, назначена весьма умѣренная—**7 руб.**, за оба тома съ пересылкою—**8 руб.** Съ требованіями просятъ обращаться въ Контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ. Мал. Морская, № 22.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Сочиненіе Д-ра Богословія, Епископа Далматинскаго

Н. И. Ж. О. Д. М. М. А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА НА РУССКІЙ

М. Т. Петровича.

ИЗДАНИЕ В. В. КОМАРОВА.

Цѣна 3 рубля.

Складъ изданія при типографіи В. В. Комарова. Спб., Невскій, 136.
Продажа производится въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ газеты „Свѣтъ“
и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Этотъ ученый трудъ былъ изданъ въ 1890 году на сербскомъ языкѣ епископомъ Долматіи Никодимомъ, и въ его предисловіи указывается— какое значеніе имѣеть это изданіе для науки „церковнаго права“. „До настоящаго времени еще ни на одномъ языкѣ не существуетъ книги, въ которой обстоятельно излагалось бы право, дѣйствующее нынѣ въ православной церкви, иначе сказать, въ которой были бы систематически изложены законы, какъ обязательные для православной церкви, такъ и дѣйствующіе въ частныхъ, нынѣ существующихъ церквахъ, имѣющихъ свое самостоятельное управленіе. Отсутствие такой книги замѣтно чувствуется повсюду и особенно оцутительно для лицъ, преподающихъ науки православнаго церковнаго права въ учебныхъ заведеніяхъ“... Эта первая попытка представить „православное церковное право“, какъ оно есть, была встрѣчена сочувственно такими представителями науки церковнаго права, какъ гг. Н. Суворовъ, Г. А. Воскресенскій, Н. С. Пальмовъ и друг.

Книга профессора богословія Никодима отличается тѣмъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ, который дается только серьезно ученымъ людямъ, согрѣтымъ чувствомъ любви къ человечеству и воспитаннымъ на глубокой вѣрѣ христіанина. Надо имѣть обширный интересъ къ явленіямъ православно-церковной жизни во всѣхъ странахъ вселенной, — гдѣ только теплится эта жизнь, надо искренне и сильно быть преданнымъ православію, чтобы написать сочиненіе, подобное церковному праву преосвященнаго Никодима. Онъ первый изъ православныхъ канонистовъ сдѣлалъ попытку окинуть взоромъ всю православную церковь въ современномъ ея положеніи. Онъ первый предпринялъ трудъ въ сравнительно сжатомъ очеркѣ изложить источники права, устройство и дисциплину всѣхъ помѣстныхъ самоуправляющихся православныхъ церквей, а именно: Цареградской, Александрійской, Антиохійской, Иерусалимской, Русской, Кипрской, Карловацкой, Синайской, Черногорской, Новогреческой, Сибирской, Буковино-Далматинской, Сербской, Румынской и Болгарской.

Кто и съ какого времени завѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школам.							Сколько и отъ кого поступило въ вознагражденіе учащимъ?	Число жителей въ приходѣ обоюбого пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содержаніе школы въ 1896/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебному году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій и законоучитель священникъ Александръ Червонецкій, съ 1895 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи. П. д. учителя псаломщикъ Теофілъ Дюковъ, съ 20 сентября 1894 года, окончилъ курсъ въ двухъ-классномъ училищѣ.	—	—	15	—	—	—	—	15 руб. остатка нѣтъ.	—	2384	—	—
Съ того-же времени протоіерей Георгій Половъ, онъ же и законоучитель. Окончилъ семинарск. курсъ студент. Учительница, — окончившая курсъ въ Старобѣльской прогимназіи, дѣвица Елизавета Добычина.	—	—	5	—	5	—	—	Намелоч. починки употреблено церковн. суммы 5 р. остается отъ попечителя 5 руб. 5 р. израсходовано.	За трудъ учительницы уплачено діакономъ Гавріиломъ Поповымъ — 100 р. имъ же ей дается квартир. и столъ.	3017	—	—
Завѣдующій, онъ же и законоучитель, священникъ Николай Веселовскій, съ 1-го іюня 1892 года; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. Учитель — диаконъ Левъ Лядскій; обучался въ Купянскомъ духовномъ училищѣ и получилъ свидѣтельство на званіе учителя сельскихъ народныхъ училищъ.	—	—	5	—	—	—	—	5 р. 50 к. израсходовано.	—	2738	—	—
Завѣдующій школою съ самаго открытія ея священникъ Іаковъ Макухинъ. Въ 1894/95 учебномъ году обучалъ диаконъ Арсеній Лонгиновъ, а въ 1895/96 году обучала окончившая курсъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ — дѣвица Елена Козмина. Священникъ Іаковъ Макухинъ окончилъ курсъ духовной семинаріи.	—	—	5 р. 50 к.	—	—	—	—	5 р. 50 к. израсходовано.	Отъ діакона въ вознагражденіе учительницъ 100 руб.	5595	—	7
Завѣдующіямъ школою и законоучителемъ состоятъ съ самаго открытія ея священникъ Іаковъ Ивановъ, окончилъ курсъ въ Воронежской духовной семинаріи, учителемъ диаконъ Василій Лядскій, окончилъ курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, имѣеть свидѣтельство на право учителя народного училища	—	—	15	—	—	—	—	15 руб. израсходовано.	—	2938	—	—

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и насколько оно удобно для школьных занятій.	Число учащихся въ школѣ.		Въ томъ числѣ.	Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или почитателемъ школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.								
316	Въ слободѣ Бунчуковѣ. Открыта въ 1894 году.	Въ церковной ка-раулкѣ, очень удобно.	19	120	—	—	—	—	До ст а т о ч н о.	—		
347	Въ слободѣ Богородичной, при Пантелеймоновской ц. Открыта 1886 года 20 янв.	Въ церковной сто-рожекѣ, неудобно.	36	36	—	—	4	247	21	—		
348	Въ слободѣ Бѣлоураин-ной, при Успенской церкви, 21 января 1890 года, открыта школа грамоты, а 5 ноября 1892 года, переимено-вана въ церковно-приход-скую школу.	Помѣщается въ сторожкѣ при Ка-плуновской млад-шей церковной церкви, находится за сѣ-веромъ и потому не защищена отъ влі-яній зимнихъ су-ровыхъ вѣтровъ и обыкн. обнос. снѣг.	47	451	—	—	17	3	102	—	Государ. крестьян. слободы Бѣлоураинной П. О. Вонда-ренко съ ноября 1891 г.	
349	Въ слободѣ Бѣлоураин-ной, при Тихоновской цер-кви, въ 1887 году, открыта школа грамоты, а въ 1891 году, переименована въ цер-ковно-приходскую школу.	Въ церковной сто-рожекѣ, неудобно: сыро.	44	650	—	5	8	2	101	—	—	
350	Въ слободѣ Боровской. От-крыта въ 1881 году.	Въ церковной сто-рожекѣ, удобно.	34	640	—	4	2	3	3	260	30	—
351	Въ слободѣ Безгиновой. Открыта въ 1894 году 16 ноября.	Въ церковной сто-рожекѣ, не очень удобно.	14	317	—	—	—	—	9	327	—	крестьян. Мина Семенеп-ко.
352	Въ слободѣ Бахмутовѣ. Открыта въ 1894 году.	Въ церковной сто-рожекѣ, удобно.	12	12	—	—	—	—	—	39	—	крестьян. П. Н. Голубовъ съ 1894 г.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цѣнзъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щихъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ почителя школы.	Отъ сельскаго общества		Отъ частныхъ жертвователей.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.
Съ открытія школы обучаетъ при- ходскій священникъ и приходскій псаломщикъ; священникъ — окон- чившій курсъ въ Харьковской ду- ховной семинаріи Митрофанъ Ива- ницкій, и псаломщикъ — уволенный изъ духовнаго училища Александръ Жуковский; завѣдующій и законо- учитель съ самаго открытія школы священникъ Николай Касьяновъ, съ полнымъ семинарскимъ образо- ваніемъ, учительницей — Юлія Ту- ранская, окончившая курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ.								Не поступало.	2272		
Со времени открытія школы за- вѣдующимъ и законоучителемъ свя- щенникъ Веніаминъ Поповъ; окон- чилъ курсъ въ духовной семинаріи; учителемъ діакопъ Григорій Сте- фановскій, уволенный изъ духов- ной семинаріи, и пѣнію обучаетъ псаломщикъ Ѳеодоръ Сѣнцовъ, окончившій курсъ въ земской школѣ.			25					Израсхо- довано 12 р., въ ос- таткѣ 13 руб.		5296	
Завѣдующій и законоучитель священникъ Леонидъ Поповъ, съ 13 декабря 1893 года, окончилъ курсъ въ духовной семинаріи, учи- телемъ діакопскій сынъ Тимофей Андреевъ Поповъ, съ 16 октября 1893 года, имѣющій свидѣтельство на званіе сел. народ. учителя.						4 р. 60 к.	Учѣнка 60 к. отъ завѣд.	израсхо- дованы.	При готовой квартирѣ и столѣ отъ завѣдуща- го учитель полу- чаетъ 120 р. въ годъ отъ причта.	2507	
Завѣдующій священникъ Алек- сандръ Ветуховъ съ 1869 года, окончилъ курсъ въ духовной се- минаріи; законоучитель священникъ Филиппъ Пестряковъ, съ 1895 года, выбывшій изъ духовной семинаріи до окончанія курса; учитель пса- ломщикъ Іосифъ Васютинъ, съ 1893 года, окончилъ курсъ въ Харь- ковской духовной семинаріи.			68		50	60		Всѣ 178 р. израс- ходованы.	Учитель полу- чаетъ жалованье отъ церкви 60 р. и отъ діакона Да- ниіла Мамцаго 60 р. въ годъ, всего 120 руб.	4981	5
Священникъ Алексѣй Лобковскій, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. Учитель — пса- ломщикъ діакопъ Симеонъ Бесѣда, домашняго образованія.										2032	
Завѣд. и законоучит. священ. Петръ Ветуховъ, оконч. кур. въ Екатеринославской духов. семин. Съ 1893 г. 28 окт. Учитель — діакопъ Іоаннъ Константиновъ, изъ 3 кл. духов. учвл. Съ 1894 г. 8 апрѣля.			5				Учѣнка 10 р.	израсхо- довано.		2276	5

№.№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и насколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число окончившихъ курсъ.			Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или поначальницею школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.							
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.			Съ свѣд. на льготу.				Безъ свѣд. на льготу.		
353	Въ слободѣ Богодаровой. Въ 1892 г. открыта школа грамоты, переименована въ церковно-приходск. въ 1894 году.	Въ церковной сторожкѣ, помѣщеніе тѣсно, а въ дни богос. особ. въ Св. Четыредес. за ст. гов. вовсе неудоб.	29	—	29	—	—	—	—	6	—	65	—	—	
354	Въ слободѣ Бондаровкѣ. Открыта въ 1893 году.	Въ церковной сторожкѣ, тѣсно.	15	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
355	Въ слободѣ Бѣлолуцкой, при Покровской церкви, открыта въ 1894 году.	Въ церковной сторожкѣ; удобно.	28	5	33	—	—	—	—	12	—	88	24	Со времени открытія школы крестьян. Григорій Головинскій.	
356	Въ слободѣ Бѣлолуцкой, при Троицкой церкви; открыта въ 1892 году, школа грамоты, а въ 1894 г. переименована въ церковно-приходскую школу.	Въ церковной сторожкѣ; удобно.	46	3	49	—	—	10	—	2	20	2	99	Попечитель завѣдующій школою.	
357	Въ слободѣ Баранниковѣ. Открыта въ 1882 году.	Въ церковной сторожкѣ; тѣсно и холодно.	18	3	21	—	—	—	—	3	—	63	8	—	
358	Въ слободѣ Брусовкѣ. Открыта 1 ноября 1894 года.	Въ церковн. сторожкѣ; тѣсно.	16	—	16	—	—	—	—	—	—	109	—	—	
359	Въ слободѣ Бѣловодскѣ, при Троицкой церкви, открыта въ 1891 г. 1 октяб.	Въ собственномъ домѣ, весьма удобно.	78	—	77	—	—	12	—	—	10	—	680	130	—

Раскольниковъ 1

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ вознагра- жденіе уча- щимъ?	Число жител- ей въ при- ходѣ обоюго пола.			
	Отъ Епарх. Училищнаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечителя.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельского общества.		Отъ частныхъ жертвователей.	Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ. Иновѣрцевъ.
Завѣдующій в законоучитель священникъ Проконій Поповъ, съ 1892 года, изъ средняго отдѣленія духовной семинаріи. Учитель псаломщикъ Стефанъ Платоновъ, изъ выс. отдѣл. духов. училища.									1981		
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Гавриилъ Макаровский, съ 1893 года, окончивъ курсъ въ духовной семинаріи.									1397		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Іоаннъ Бутковъ, съ 1894 года, окончившій курсъ въ духовной семинаріи. Учитель диаконъ Петръ Войтовъ, имѣющій одобри- тельное свидѣтельство о препода- ваніи въ церковно-приходской школѣ; изъ духовнаго училища.				5				5 р. из- расходи- вано.	3924		
Завѣдующій протоіерей Іоаннъ Поповъ, съ 1892 года, окончившій курсъ духовной семинаріи; законо- учитель—окончившій курсъ въ ду- ховной семинаріи, Феоктистъ По- повъ, съ 1894 года; п. д. учителя, псаломщикъ Димитрій Кустовскій, окончивъ кур. въ духов. училищѣ.		32 р. 39 к.				40 р. отъ з. в 25 р. отъ п.		Всѣ 97 р. 39 к. из- расходи- ваны.	2078		
Законоучителемъ и завѣдующимъ съ 1895 года, 2 іюля, священникъ Николай Приходьковъ, окончив- шій курсъ въ Харьковской духов- ной семинаріи; учителемъ диаконъ Павелъ Діаконовъ, съ 1 ноября 1888 года, уволившійся изъ сред- няго отдѣленія Харьковской ду- ховной семинаріи.		10						10 руб. израсходи- ваны.	3000	9	
Завѣдующимъ и законоучителемъ съ 1894 года, священникъ Капитонъ Баженовъ; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семина- ріи; учителемъ псаломщикъ Яковъ Климентовъ, изъ 2 класса Купян- скаго духовнаго училища.			15					Всѣ 15 р. израсходи- вано.	2743		
Завѣдующій священникъ Сергій Косьминъ, съ 1893 года, 7 іюня, студентъ духовной семинаріи; за- копоучитель свѣщ. Леонидъ Поно- маревъ, съ 10 апрѣля 1891 года, оконч. кур. духов. сем; учительн. дѣв. Варвара Шелестова, съ 20 март. 1895 г., оконч. кур. въ жен. прог. и имѣющ. свид. на зван. уч.; учит. діак.—псал. Павелъ Станковъ съ 10 апр. 1891 г., изъ 3 кл. муж. сем. и имѣетъ свид. на зван. учит.		100				70 р. 19 к.		Израсходи- вано 119 р. 75 к оста- лось 50р. 44 коп.	Отъ штатнаго ді- акона въ пользу учительницы 213 р. 57 к.	6835	37

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Православнаго исповѣданія.	Католическаго.	Лютеранскаго.	Число оконченнаго курсъ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Учебниковъ и пособій.	Число книгъ школьнаго библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или почительницею школы?
			Въ томъ числѣ.	Въ томъ числѣ.						Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.						
360	Въ слободѣ Бѣловодскѣ, при Николаевской церкви, въ 1889 году, 24 января, открыта школа грамоты, а въ 1890 году, 22 января, переименована въ церковно-приходскую.	Въ церковной сторожкѣ, удобно.	38	—	33	—	—	—	—	4	—	—	—	8	422	55	—
361	Въ слободѣ Боровенькѣ. Открыта 20 марта 1890 г.	Въ общественномъ зданіи, очень удобно.	12	—	12	—	—	—	—	2	—	—	—	6	123	12	—
362	Въ слободѣ Байдовкѣ. Открыта 7 сентября 1894 г.	Въ домѣ псаломщика, удобно.	27	—	27	—	—	—	—	1	—	—	—	5	45	20	Современны открытія школы крестьян. Алексѣй Евоновъ.
363	Въ слободѣ Варваровкѣ. Открыта 9 февраля 1885 г.	Въ общественномъ, не совсѣмъ удобномъ домѣ.	28	—	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45	57	—
364	Въ слободѣ Валкодавовой. Открыта 19 сентября 1884 года.	Въ собственномъ, очень удоб. домѣ.	71	4	75	—	—	—	—	1	—	1	—	—	250	85	—
365	Въ слободѣ Великотской. Открыта въ 1888 году.	Въ церковной караукѣ, удобно.	28	4	32	—	—	—	—	2	—	—	2	—	18	40	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ вознагра- жденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.				
	Отъ Епарх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительс.	Отъ почетеля школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій священникъ Андрей Базилевичъ, съ 1 ноября 1891 г., студентъ духовной семинаріи; за- коноучитель священникъ Іоаннъ Иняковъ, съ 22 января 1890 г., окончившій курсъ въ духовной семинаріи; учительница Елена Фи- левская, съ 20 марта 1895 года; окончила курсъ въ епархіальномъ училищѣ.			46				27 руб. 50 коп.	Всѣ 73 р. 50 коп. израсхо- дованы.	Отъ д. Іоанна Ца- ревскаго въ поль- зу учительницы 196 руб. 19 коп.	4340		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Сумеонъ Черяевъ, съ 20 марта 1890 года, окончив- шій курсъ духовной семинаріи; учитель діаконъ Феоктистъ Алек- сандровъ, съ 6 октября 1892 года, изъ 2 класса духовной семинаріи.					25			Всѣ 25 р. израсхо- дованы.	—	2668		
Со времени открытія школы законоучитель и завѣдующій свящ. Евлампій Агнивцевъ, окончилъ въ Харьковской духовной семинаріи; учитель псаломщикъ Николай Га- вриловъ, уволенный изъ 1 класса духовнаго училища.								—	—	2344		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Николай Съяровъ, съ 9 февраля 1885 года, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; учитель діаконъ Апол- лонъ Ушаковъ, съ ноября 1894 г., окончилъ курсъ въ Волчанской учительской семинаріи.			2		15			Всѣ 17 р. израсхо- дованы.	—	2919		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Митрофанъ Торан- скій, съ 20 іюня 1891 года, окон- чилъ курсъ въ духовной семинаріи; учительница дѣвица Александра Жуковская, съ сентября 1894 г., окончила курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ.			5			125		Всѣ 130 руб. из- расхо- дованы.	Отъ завѣдуща- го школою 120 рублей.	1930		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Самуилъ Федоровъ, съ 1895 года, окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; учитель діаконъ Александръ Во- скобойниковъ, съ открытія школы, получившій образованіе въ низ- шемъ отдѣленіи Харьковской ду- ховной семинаріи.								—	—	2908	4	

№ по порядку.	Мѣстонахожденіе школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковной хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?
			Въ томъ числѣ.		Женщинъ.	Число окончившихъ курсъ.				
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.						
366	Въ слободѣ Воеводскѣ. Открыта 31 января 1886 г.	Въ зданіи, пожертвованномъ попечителемъ школы, удобно.	43	7	50	—	—	—	—	Съ 1887 г. купецъ Дмитрій Кочиявъ.
367	Въ слободѣ Верхней-Покровскѣ. Открыта въ 1888 г. 7 января.	Въ церковной сторожкѣ, удобно.	36	—	36	—	—	—	—	Съ открытія школы крестьянъ. Стефанъ Домаревъ.
368	Въ селѣ Гречишкиномъ. Открыта 25 февраля 1885 года.	Въ церковной сторожкѣ, очень удоб.	23	2	25	—	—	—	—	—
369	Въ слободѣ Городищѣ. Открыта въ 1886 году.	Въ церковной сторожкѣ, удобно.	28	—	28	—	5	—	6	—
370	Въ слободѣ Голубовскѣ. Открыта въ 1866 году.	Въ церковной сторожкѣ, весьма неудобно.	30	3	33	—	—	—	2	50 10
371	Въ слободѣ Донцовскѣ. Открыта 5 ноября 1892 года.	Въ общественномъ зданіи, неудобномъ по причинѣ тѣсноты, сырости и нехватки двойныхъ оконъ и деревянныхъ половъ.	32	—	32	—	6	—	2	141 6
372	Въ слободѣ Денежниковой. Открыта въ 1894 году 15 ноября	Въ церковной сторожкѣ, вполне удобно.	12	—	12	—	—	—	—	75

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Изычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercom. munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.